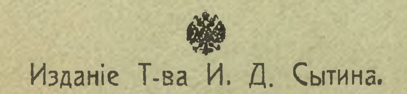
В. М. Дорошевичъ.

СОБРАНIЕ СОЧИНЕНIЙ.

Т. IX.

СУДЕБНЫЕ ОЧЕРКИ.

Изданiе Т-ва И. Д. Сытина.

В. М. ДОРОШЕВИЧЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ IX.

СУДЕБНЫЕ ОЧЕРКИ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. д.
МОСКВА.— 1907.

О судѣ присяжныхъ.

I.

Если вы хотите *увѣровать* въ судъ присяжныхъ,— не просто прійти къ снисходительному убѣжденію, что это «достаточно хорошая форма суда», а увѣровать,— займитесь изслѣдованіемъ именно тѣхъ дѣлъ, приговоры по которымъ ставятся въ вину суду присяжныхъ.

Именно тѣхъ дѣлъ, приговоры по которымъ возбуждаютъ «негодованіе» общества и шакалій вой противъ суда присяжныхъ въ печати.

И вотъ, когда вы вполнѣ ознакомитесь съ дѣломъ, когда всѣ обстоятельства дѣла во всей полнотѣ раскроются передъ вами такъ же, какъ они раскрылись передъ присяжными на судѣ, вы увидите, до какой степени «возмутительный» приговоръ согласенъ съ обстоятельствами дѣла, до какой степени онъ вытекаетъ изъ нихъ, вы увидите, сколько справедливости, чуткости, ума, сердца въ судѣ присяжныхъ.

Я не знаю занятія болѣе интереснаго, чѣмъ изслѣдованіе дѣлъ, по которымъ вынесены «возмутительные» вердикты. Вы увидите, что именно «наиболѣе возмутительные»-то вердикты и являются наиболѣе справедливыми.

Да, но это тогда, когда вы знаете всѣ обстоятельства дѣла.

А спросите тѣхъ, кто поднимаетъ «шакалій вой» по поводу «возмутительныхъ» вердиктовъ:

— Были вы на судѣ? Слышали дѣло?

— Нѣтъ, но я читалъ отчетъ въ газетахъ.

По газетамъ же только и судитъ публика, «негодующая» на «возмутительные» вердикты.

Большинство русскихъ газетъ за судъ присяжныхъ. Итти противъ суда присяжныхъ считается у русскихъ журналистовъ зазорнымъ и сквернымъ. Надо быть совсѣмъ ужъ Грингмутомъ, чтобы травить судъ присяжныхъ.

Газеты считаютъ своимъ долгомъ вступаться за судъ присяжныхъ, и никто столько не приноситъ вреда суду присяжныхъ, сколько газеты. Если кто и дискредитируетъ судъ присяжныхъ въ глазахъ общества, такъ это исключительно газеты своими «краткими судебными отчетами».

Надо оговориться. Газеты, особенно провинціальныя, отчасти и не по своей винѣ виноваты въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ. Не любятъ, чтобъ мы много занимались «всей этой уголовщиной», «размазывали кровавую грязь». И не одна только воля гг. издателей и редакторовъ виновата въ томъ, что газеты не отдаютъ судебнымъ дѣламъ столько вниманія, сколько дѣла эти заслуживаютъ.

Но это только отчасти.

Вообще же, что такое «судебный отчетъ» въ газетѣ?

Издатель говоритъ:

— Подешевле!

Редакторъ говоритъ:

— Покороче!

Всякій издатель расхохочется, если вы скажете ему, что за судебные отчеты слѣдуетъ платить такъ же дорого, какъ платится за политическія статьи, за статьи по внутреннимъ вопросамъ, за фельетоны общественной жизни, — для того, чтобы привлечь къ веденію этого отдѣла, столь же важнаго, людей талантливыхъ, образованныхъ, знающихъ.

Всякій издатель только плечами пожметъ:

— Батюшка! Да гдѣ жъ это дѣлается?

И что жъ удивительнаго, что нищенскій бюджетъ «судебной хроники» привлекаетъ къ себѣ только злосчастныхъ репортеровъ, безталанныхъ, часто невѣжественныхъ, иногда даже малограмотныхъ.

Замѣчательное дѣло. Идетъ, положимъ, «Отелло», и въ редакціяхъ очень и очень думаютъ:

— Кого бы послать изъ лучшихъ сотрудниковъ? Этого... Но справится ли онъ съ психологіей этой трагедіи? Поручить такому-то. Но достаточно ли онъ литературно образованъ для этого? Попросить развѣ такого-то. Но достаточно ли онъ знаетъ театръ? Достаточно ли онъ опытенъ?

«Кого-нибудь» на «Отелло» не пошлютъ.

А идетъ та же трагедія въ судѣ, разсматривается дѣло объ убійствѣ изъ ревности, и въ редакціяхъ спокойны:

— Репортеръ напишетъ!

А вѣдь жизнь талантливѣе Шекспира. И трагедія, которая разсматривается на судѣ, быть-можетъ, по глубже шекспировской.

Нѣкоторое исключеніе составляютъ только дѣла, про которыя можно заранѣе сказать, что они будутъ «особо

сенсаціонны». А обыкновенный редакторскій пароль по отдѣлу судебной хроники:

— Главное, покороче!

Репортеръ приноситъ замѣтку для судебной хроники.

— Коротко написано?

— Коротко!

Это лозунгъ, необходимый, чтобъ замѣтка прошла на редакторскій столъ. Безъ этого лозунга она сильно рискуетъ корзиной.

Судебный отдѣлъ печатается-то даже петитомъ, чтобъ занималъ поменьше мѣста.

Обычный размѣръ для отчета отъ 30 до 100 строкъ. Maximum до 150. 200 ужъ для дѣлъ «сенсаціонныхъ».

А дѣло становится «сенсаціоннымъ» часто только послѣ того, какъ его переврутъ газеты. A priori сенсаціонныхъ дѣлъ сравнительно немного.

Занимаясь тульскимъ дѣломъ (Грязнова) объ «отцеубійствѣ», я спросилъ у одного московскаго редактора:

— Не было ли у васъ напечатано чего-нибудь объ этомъ дѣлѣ?

— Была замѣтка. Строкъ въ 35.

А вѣдь на этихъ замѣткахъ по 35 строкъ и былъ основанъ весь тотъ шакалій вой, который былъ поднятъ по поводу оправданія «завѣдомаго отцеубійцы».

Что можетъ при такихъ условіяхъ написать репортеръ? Что могъ бы при такихъ условіяхъ сдѣлать Достоевскій, Толстой, Шекспиръ? Можно ли въ 30—100 строкахъ разсказать обстоятельства дѣла, изложить показанія свидѣтелей и рѣчи сторонъ, подчеркнуть и выяснить тѣ существенныя обстоятельства, которыя легли въ основу приговора?

Да, этого и не напечатаютъ:

— Не размазывайте!

Репортеру даже не зачѣмъ, въ сущности, присутствовать на судѣ и сидѣть въ томъ темномъ, тѣсномъ, неудобномъ уголкѣ, откуда плохо видно, очень плохо слышно, куда сажаютъ въ судѣ «представителей гласности», долженствующихъ «совершенно точно» передать обществу все происходившее.

Въ 30—100 строкахъ дай Богъ изложить только содержаніе обвинительнаго акта.

Такъ и дѣлается.

Сообщается содержаніе обвинительнаго акта и приговоръ.

Что происходило на судѣ, подтвердились ли и насколько подтвердились данныя обвинительнаго акта, что осталось отъ обвинительнаго акта на судебномъ слѣдствіи, и осталось ли отъ него что-нибудь,— ничего этого публика не знаетъ.

Публика судитъ о виновности подсудимаго только по содержанію обвинительнаго акта: только это ей и сообщено. Но вѣдь, если бы выносить приговоры только на основаніи обвинительнаго акта, всѣ были бы всегда виноваты. Вѣдь обвинительный актъ — ужъ потому, что онъ «обвинительный»,— это одностороннее освѣщеніе дѣла, часто невѣрное, неосновательное, ошибочное. Вѣдь это не какой-нибудь безусловный документъ. Его нужно еще провѣрить. Для провѣрки его и существуетъ судебное слѣдствіе. При провѣркѣ этого документа иногда выясняется такая его ошибочность, что прокуроръ даже отказывается отъ обвиненія. Обвинительный актъ составленъ на основаніи свидѣтельскихъ

показаній, данныхъ слѣдователю безъ присяги. Часто на судѣ, когда приходится говорить, какъ передъ Богомъ, подъ присягой, свидѣтели мѣняютъ свои первоначальныя показанія.

Оказывается, что они слѣдователю говорили неправду. Еще чаще оказывается, что слѣдователь не такъ понялъ, не такъ записалъ показаніе свидѣтеля. Наконецъ на судѣ являются новые свидѣтели, свидѣтели со стороны защиты, которые только здѣсь на судѣ оглашаютъ новыя обстоятельства. Часто на судебномъ слѣдствіи совершенно мѣняется картина, нарисованная въ обвинительномъ актѣ. На судебномъ слѣдствіи никогда почти не остается безъ измѣненія картина, нарисованная обвинительнымъ актомъ.

И все это, вся истина, добытая судомъ, остается для общества совершенно неизвѣстной!

Общество читаетъ только содержаніе обвинительнаго акта, часто даже прикрашенное...

Въ этомъ нужно сознаться, но не будемъ за это строго судить репортера: у него есть скверная привычка ѣсть. И чтобъ обезпечить помѣщеніе замѣтки, онъ пускается на маленькую спекуляцію, придаетъ дѣлу «нѣкоторую сенсаціонность», и суконный языкъ обвинительнаго акта украшаетъ блестками своего краснорѣчія. Къ слову «убійца» прибавляетъ «безжалостный», къ слову «жертва»—«несчастная», картину преступленія зоветъ «раздирающей душу» и руку убійцы всегда титулуетъ «безтрепетной и незнающей сострадания». Ему хочется ѣсть. Онъ такъ дрожитъ, что замѣтку о случаѣ, въ которомъ нѣтъ «ничего сенсаціоннаго», такъ сократятъ, что умрешь съ голоду.

И вотъ читатель, прочитавъ это «сенсаціонное» изложеніе обвинительнаго акта, пораженъ, встрѣтивъ вдругъ строчку:

— «Присяжные вынесли оправдательный приговоръ».

Онъ ничего не понимаетъ:

— Какъ же такъ? По обстоятельствамъ дѣла все выходило «виновенъ», «виновенъ» и вдругъ «не виновенъ»?!

Онъ «негодуетъ». Чаще всего люди «негодуютъ» именно потому, что они «ничего не понимаютъ». Онъ негодуетъ:

— Оправдали завѣдомо виновнаго!

И, слыша шакалій вой по адресу суда присяжныхъ, шакалій вой, вызванный тѣми же «краткими замѣтками», говоритъ:

— А вѣдь они правы! Приговоры присяжныхъ, дѣйствительно, становятся возмутительными!

И мы не можемъ его обвинять: вѣдь онъ не знаетъ того, что въ дѣйствительности происходило на судѣ, и только потому обвиняетъ присяжныхъ въ томъ, въ чемъ виноваты не они, а другіе.

II

Къ прекрасной формулѣ, какимъ долженъ быть судъ, мнѣ кажется, по теперешнимъ обстоятельствамъ должно прибавить два слова.

Судъ долженъ быть правымъ, скорымъ, милостивымъ и «безъ запроса».

Уже предварительное слѣдствіе ведется «съ запасцемъ».

Юридическая практика говоритъ...

Практика! Практика, которая даже служеніе божеству превращаетъ для жрецовъ въ ремесло!

Практика говоритъ, что всегда безопаснѣе взять «степенью выше», чѣмъ «степенью ниже».

Эта ошибка будто бы болѣе поправима.

На судѣ прокуроръ всегда можетъ смягчить обвиненіе и не въ состояніи на судѣ его усилить.

Иксъ обвиняется въ убійствѣ. Если въ дѣлѣ есть не доказательство, а намекъ, указаніе на это, лучше, говоритъ «практика», ввести обвиненіе въ «заранѣе обдуманномъ намѣреніи».

На это будетъ обращено вниманіе суда. Судъ это изслѣдуетъ. И если это указаніе, этотъ намекъ обстоятельствами дѣла не подтвердится, прокуроръ всегда можетъ отказаться отъ «заранѣе обдуманнаго намѣренія» и обвинять просто въ умышленномъ убійствѣ.

Но если обвиненіе формулировано такъ: «обвиняется въ умышленномъ убійствѣ», а на судѣ намекъ, указаніе на «заранѣе обдуманное намѣреніе» выяснились бы яснѣе, то прокуроръ не можетъ усилить на судѣ обвиненіе; чтобъ обвинять въ «заранѣе обдуманномъ намѣреніи», онъ долженъ вернуть дѣло къ дослѣдованію, подыскивать «новыя обстоятельства, открывшіяся на судѣ».

«Бѣда» будетъ труднѣе поправима.

А потому, говоритъ «практика», лучше, безопаснѣе для правосудія степенью выше, чѣмъ степенью ниже.

Такъ «запросецъ» вкрадывается въ дѣло еще въ первоначальной его стадіи.

Изъ предварительнаго слѣдствія «запросецъ» переходитъ въ обвинительный актъ. Обвинительный актъ—

законный сынъ предварительнаго слѣдствія. Оно было съ «запросцемъ», обвинительный актъ тоже «съ запросцемъ». Это по наслѣдственности.

Обвинительный актъ, конечно, составляется осторожно. Но вѣдь это не мотивированный приговоръ суда, апелляціи не подлежащій. Обвинительный актъ это только приговоръ обвинительной камеры и апелляціи подлежитъ. Все судебное слѣдствіе есть апелляціонный, по существу дѣла, разборъ обвинительнаго акта.

Обвинительный актъ это жалоба закона на подсудимаго. Жалоба, которую будутъ еще разбирать. И жалобу не мѣшаетъ написать посильнѣе. Жалоба всегда односторонняя: она не можетъ не быть односторонней. Интересы отвѣтчика обезпечены защитой. Защита будетъ за него торговаться. Значитъ, «было бы изъ чего уступить». И если есть «запросъ», то онъ опасности не представляетъ. Прокуроръ не судья. Судить будутъ другіе. Прокуроръ — сторона. И надо укрѣплять свою сторону.

И вотъ тутъ-то и дѣлается та ошибка, которая часто совершается при оборонительныхъ работахъ. Очень часто тѣ валы, которые строятъ для защиты отъ непріятеля, служатъ непріятелю только для того, чтобы удобнѣе войти въ городъ.

Желая укрѣпить свою «сторону», обвиненіе выдаетъ, наоборотъ, ея слабость, если во время судебнаго слѣдствія слишкомъ выяснится сдѣланный «запросецъ».

Дѣло вышло изъ односторонне настроенной обвинительной камеры и приближается къ истинѣ, вступило въ лучшую свою стадію,— въ стадію равноправнаго состязательнаго процесса.

Жизнь и законъ, два титана, встаютъ другъ передъ другомъ.

Законы! Ихъ пишутъ сытые для голодныхъ, спокойные для потерявшихъ голову, старики для молодежи, въ которой бушуетъ кровь.

Законъ — это единица. Жизнь — это безконечность.

И жизнь говоритъ закону:

— Категоричный, ты не можешь предусмотрѣть всѣхъ тѣхъ положеній, которыя безпрерывно создаю и измѣняю я. Идущій за мною, и всегда за мною, всегда позади меня, прислушайся къ моимъ указаніямъ, къ моимъ словамъ. Законъ, сынъ, мною рожденный, останови ударъ твоего меча, занесеннаго надъ головою упавшаго, и выслушай, что тебѣ скажу я, — я, тебя родившая мать.

Общество и личность борются другъ съ другомъ, борются смертной борьбой, защищая всякій свое. Общество — свое право, личность — свою свободу.

Это равноправный состязательный процессъ.

Картина нѣсколько мѣняется, когда, благодаря сдѣланному «запросу», начинается торгъ.

Напримѣръ. Мать, наказывая, недостаточно жалѣла свою дочь.

Обвиненіе говоритъ:

— Истязаніе!

Защита, видя въ этомъ «запросъ», потому что истязаніемъ по нашему закону называется только нѣчто, равносильное пыткѣ, поступаетъ, какъ всегда поступаютъ, слыша «запросъ», и говоритъ:

— Легкіе побои, равносильные простому оскорбленію.

Присяжные видятъ, не могутъ не видѣть, что въ этомъ не состязательномъ процессѣ, а торгѣ о наказаніи, обѣ стороны вдались въ крайности. Обвиненіе требуетъ слишкомъ дорогой «цѣны за преступленіе», защита даетъ слишкомъ мало, приравнивая безпрестанные побои къ простому «оскорбленію». О какихъ «оскорбленіяхъ личности» можетъ быть разговоръ у матери съ дочерью?

Гдѣ жъ истина?

Она говоритъ устами присяжныхъ, когда тѣ возвращаются изъ совѣщательной комнаты безъ отвѣта и спрашиваютъ:

— Не могутъ ли они признать мать виновной въ жестокости, но безъ предумышленнаго истязательства, котораго не было?

Имъ говорятъ:

— Нѣтъ.

Или признавайте «истязаніе» или не признавайте ничего.

Платите чужой человѣческой жизнью по цѣнѣ, которая вашей совѣсти кажется, несомнѣнно, черезчуръ высокой.

Какой человѣкъ будетъ платить чужой жизнью цѣну, въ которой онъ слышитъ несомнѣнный «запросъ»?

Этотъ «запросъ», впервые появившійся на предварительномъ слѣдствіи, оттуда перешедшій въ обвинительный актъ,— этотъ запросъ, все время фигурировавшій на судѣ, попадаетъ и въ вопросный листъ.

Возьмите то же дѣло Грязнова.

Это удивительное дѣло, въ которомъ простые присяжные сошлись совершенно въ рѣшеніи съ просвѣ-

щеннѣйшимъ юристомъ, оберъ-прокуроромъ Сената. (Вотъ вамъ и говорите о *юридической* цѣнѣ вердиктовъ присяжныхъ.)

Судъ присяжныхъ нашелъ обвиненіе въ отцеубійствѣ противорѣчащимъ обстоятельствамъ дѣла. И ученый юристъ призналъ примѣненіе къ Грязнову обвиненія въ отцеубійствѣ неправильнымъ и не отвѣчающимъ даннымъ, добытымъ слѣдствіемъ.

Слѣдствіе, въ результатѣ котораго явилось обвиненіе въ отцеубійствѣ, не доказало, однако, ничѣмъ не подтвердило этого обвиненія.

Напротивъ, на судѣ совершенно ясно выяснилось, что Грязновъ не убивалъ отца. Не помогалъ Коновалову въ убійствѣ. Да и зачѣмъ въ борьбѣ со слабосильнымъ, истощеннымъ старикомъ молодому, дюжему, сильному Коновалову потребовалась бы помощь этого «заморыша», этого чахлаго цыпленка? Грязновъ-сынъ въ борьбѣ могъ не помогать, а мѣшать.

Указаніе, предположеніе о томъ, что Грязновъ будто бы подкупалъ Коновалова на убійство, такъ и осталось только указаніемъ, предположеніемъ, ничѣмъ существеннымъ не подтвердилось.

Несомнѣнно было только то, что Грязновъ укрылъ совершонное уже, безъ его вѣдома совершонное, убійство.

И за это «укрывательство» присяжнымъ предложили признать Грязнова виновнымъ «въ убійствѣ отца, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ».

Заглянемъ же въ эту 1449 статью улож. о наказ., примѣненіе которой къ этому дѣлу и оберъ-прокуроръ Сената признаетъ неправильнымъ.

«За умышленное убійство отца или матери виновные подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ

въ каторжныя работы безъ срока. Они ни въ коемъ случаѣ и ни по какимъ причинамъ не переводятся въ разрядъ исправляющихся; увольняются отъ работъ не иначе, какъ за совершенною къ оному отъ дряхлости неспособностью, и даже тогда не освобождаются отъ содержанія въ острогѣ».

Вотъ та цѣна, которую предложили присяжнымъ заплатить чужой жизнью за совершонное человѣкомъ,— быть-можетъ, навѣрное даже, изъ трусости, укрывательство чужого преступленія.

Что удивительнаго, если присяжные отступили передъ такою цѣной. Они не могли не увидѣть въ этой цѣнѣ страшнаго, ничѣмъ не оправдываемаго запроса, и не дали, не могли дать такой цѣны.

Внѣ ихъ возможности,—быть-можетъ, и при всемъ ихъ желаніи,—было наказать Грязнова за то, что онъ сдѣлалъ, потому что отъ нихъ требовали признать его виновнымъ въ томъ, чего онъ не дѣлалъ!

До чего много было «запроса», можете судить по вопросу относительно 4 подсудимаго, мальчишки Мысевича.

— «Виновенъ ли Мысевичъ въ томъ, что, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и по предварительному соглашенію съ другими лицами, лишилъ жизни Алексѣя Грязнова, у *котораго онъ проживалъ въ ученіи?*»

Какой довѣсокъ къ тяжкому и безъ того обвиненію!

Это уже особо отягчающій наказаніе особый тягчайшій видъ тягчайшаго преступленія.

Убійство хозяина вѣдь приравнивается къ убійству «благодѣтелей и родственниковъ».

Слава Богу, что Мысевичъ, несомнѣнно, не виноватъ ни въ убійствѣ, ни въ заранѣе обдуманномъ преступномъ намѣреніи, ни въ предварительномъ злодѣйскомъ соглашеніи съ другими лицами. Онъ выбѣжалъ на шумъ, смертельно перепугался, и подъ угрозой, что будетъ немедленно убитъ, помогъ Коновалову прятать трупъ.

Но представьте себѣ, что Мысевичъ былъ бы виновенъ въ смерти старика Грязнова!

Неужели присяжныхъ не смутила бы и тогда эта прибавка? Неужели старика Грязнова, того изверга Грязнова, какимъ онъ выяснился на судѣ, можно безъ ироніи приравнять къ «благодѣтелямъ» и сказать, что къ такому хозяину надо было относиться «прямо, какъ къ родственнику»?

Это требованіе, чтобъ они признали покойнаго Грязнова прямо благодѣтелемъ, прямо словно родственникомъ Мысевича, и тѣмъ особенно отягчили участь обвиняемаго,— развѣ не показалось бы присяжнымъ именно «запросомъ», которому нѣтъ мѣста, когда рѣчь идетъ о жизни человѣческой?

На судѣ долженъ быть установленъ prix-fixe, подсудимый долженъ обвиняться только въ томъ преступленіи, которое онъ совершилъ. Безо всякихъ надбавокъ.

Судъ правый, скорый и милостивый долженъ быть судомъ «безъ запроса».

«Цѣны же съ запросомъ» присяжные давать не будутъ. Тамъ, гдѣ платить надо чужой жизнью, такой цѣны давать нельзя.

III.

Въ травлѣ, противъ суда присяжныхъ, какъ и во всемъ въ мірѣ, быть-можетъ, есть своя хорошая сторона.

Разборъ и тщательный пересмотръ тѣхъ дѣлъ, за которыя травятъ судъ присяжныхъ, быть-можетъ, выяснятъ нѣкоторые устранимые недостатки вообще нашего суда.

Но, благодаря тому, что судъ присяжныхъ переживаетъ такія тяжкія времена, въ прокурорскихъ рѣчахъ прибавился еще одинъ аргументъ, несправедливый, положительно подлежащій устраненію.

Запугиваніе присяжныхъ засѣдателей общественнымъ мнѣніемъ.

Все чаще и чаще приходится слышать въ судѣ:

— Вамъ, гг. присяжные засѣдатели, придется дать отчетъ передъ общественной совѣстью!

Требуя обвинительнаго вердикта, гг. прокуроры прибѣгаютъ къ такой «фигурѣ краснорѣчія»:

— Вашъ приговоръ долженъ дать отвѣтъ не только вашей совѣсти, но и совѣсти всѣхъ сидящихъ въ этой залѣ,

Иногда, эта «фигура краснорѣчія» дѣлается еще шире:

— Не только совѣсти тѣхъ, кто сидитъ здѣсь, но и тѣхъ, кто ходитъ теперь по улицамъ!

Было бы очень хорошо, было бы превосходно, если бы Сенатъ когда-нибудь, мимоходомъ предалъ осужденію эту манеру «застращиванья», какъ въ дѣлѣ Скит-

скихъ была предана порицанію тенденціозная манера дѣлить свидѣтелей на свидѣтелей просто и «свидѣтелей защиты», какъ менѣе достовѣрныхъ.

Присяжныхъ не долженъ пугать тотъ шумъ, который подниметъ завтра ихъ оправдательный вердиктъ. Этого шума нельзя принимать за приговоръ общественнаго мнѣнія, потому что ни одинъ приговоръ не можетъ быть поставленъ безъ знанія всѣхъ обстоятельствъ дѣла. А общественное мнѣніе, по причинамъ, о которыхъ мы говорили вначалѣ, — увы! — лишено возможности знать истинныя обстоятельства дѣла. Если этотъ шумъ можно принимать за «голосъ общественной совѣсти», то совѣсти обманутой, введенной въ заблужденіе.

И такихъ приговоровъ не должны бояться присяжные. Ихъ нельзя такими приговорами пугать.

Приговоръ одной совѣсти долженъ руководить ими,— ихъ собственной.

Богъ—апелляціонная инстанція надъ ихъ судомъ.

Не шаткому и зыбкому, какъ море, общественному мнѣнію, которое можно ввести въ заблужденіе, присягаютъ служить они, а Богу. Только страшное судилище Его должно быть страшно имъ.

Ни о чемъ ни о комъ не должны думать они, постановляя приговоръ, кромѣ Бога. Его одного. О Богѣ должны они думать, слѣдовательно, о справедливости, потому что справедливость эта только одно изъ именъ Божіихъ.

Одного судью поставилъ Богъ надъ нашими мыслями,— нашу совѣсть. И только приговора одного этого Божьяго судьи должны бояться и трепетать присяжные,— приговора *ихъ собственной* совѣсти.

Ихъ совѣсти, предъ которой открылись на судѣ всѣ обстоятельства дѣла и которая только одна, зная все, можетъ судить.

Ея голосу только и должны они повиноваться.

Самыя лучшія постороннія мысли въ этомъ случаѣ будутъ худшими.

И мысль, заботливая мысль: «не повредилъ бы дѣйствительно нашъ приговоръ,—и безъ того много нареканій на судъ присяжныхъ», не должна смущать присяжныхъ, не должна приходить имъ въ голову.

Эта мысль является въ дѣлѣ суда уже низменной: она принадлежитъ къ области политики.

А политика, даже самая лучшая, не можетъ быть выше правосудія, потому что выше правосудія только одно—милосердіе.

Судъ подъ судомъ.

I.

Судъ присяжныхъ состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, по обвиненію въ чрезвычайно тяжкомъ преступленіи:

— Онъ оправдываетъ виновныхъ.

Хотя, казалось бы, въ странѣ, гдѣ считается святой и неопровержимой истиной изреченіе великой императрицы: «Лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго», единственнымъ тяжкимъ преступленіемъ со стороны суда должно считаться обвиненіе невиновнаго.

Поводомъ къ привлеченію суда присяжныхъ къ суду и слѣдствію послужили три случая оправданія сознавшихся обвиняемыхъ. Два случая произошли въ провинціи, третій — пресловутое дѣло Коноваловой [1]).

Шумъ около этого дѣла продолжался довольно долго. Вѣроятно, такъ же шумѣли книжники и фарисеи, когда грѣшницѣ, которую «надо было» побить камнями, было сказано:

— Иди и больше не грѣши.

Но судъ присяжныхъ все же счастливѣе обыкновеннаго подсудимаго.

---

1) Обвинялась въ Петербургѣ въ убійствѣ мужа.

Въ то время, какъ обыкновенный подсудимый совершенно беззащитенъ во время слѣдствія и находится цѣликомъ во власти слѣдователя и прокурора, во время слѣдствія надъ судомъ присяжныхъ допускается его защита.

Защитниками суда присяжныхъ явились очень почтенные люди, но система защиты у нихъ нѣсколько странная.

Они говорятъ:

— Это неправда, будто судъ присяжныхъ все оправдываетъ да оправдываетъ. Напротивъ! У суда присяжныхъ 82 процента обвинительныхъ приговоровъ, тогда какъ прежній, дореформенный судъ оправдывалъ гораздо больше!

Кажется, такъ: 82 — это страшная цифра.

Но дѣло не въ цифрѣ.

Сколько бы обвинительныхъ приговоровъ изъ ста ни выносилъ судъ присяжныхъ, 82 или 98 или 18, важно то, что эти 82 обвинительныхъ и 18 оправдательныхъ, 98 обвинительныхъ и 2 оправдательныхъ или 18 и 92, — вынесены «по совѣсти», — тогда какъ старый судъ былъ полонъ взяточничества, лицепріятія, былъ судомъ безсовѣстнымъ.

И всякій, конечно, предпочтетъ судъ по совѣсти суду безъ совѣсти.

Въ этомъ, а не въ числѣ обвинительныхъ вердиктовъ преимущество суда присяжныхъ.

Но, разъ дѣло пошло на цифры, будемъ говорить цифрами.

Глубокое заблужденіе, будто присяжные выносятъ только 82 процента обвинительныхъ приговоровъ.

Они выносятъ 100 процентовъ обвинительныхъ приговоровъ. Они не выносятъ иныхъ приговоровъ, кромѣ обвинительныхъ. Только не всегда они обвиняютъ того, кого хотѣлось бы обвинить прокурорской власти.

Иногда они выносятъ обвинительный приговоръ слѣдствію, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ объ убійствѣ Сарры Беккеръ. Оправдавъ сначала Семенову, потомъ Мироновича, присяжные сказали:

— Слѣдствіе велось такъ небрежно, такъ неряшливо, такъ опрометчиво, что мы отказываемся, на основаніи его, осуждать кого бы то ни было.

Иногда это обвинительный приговоръ потерпѣвшему, какъ первый оправдательный вердиктъ по дѣлу Ольги Палемъ. Въ жизни часто бываетъ, что потерпѣвшій гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ тотъ, кого онъ довелъ до преступленія.

Оправдывая Палемъ, присяжные вынесли обвинительный приговоръ Довнару.

— Нельзя же такъ относиться къ человѣку! Нельзя такъ играть живымъ человѣкомъ. Нельзя взять женщину, которая отдала тебѣ свою душу, чтобы поиграть ею для развлеченія послѣ экзаменовъ, а на утро сказать ей «пошла вонъ» и выругать еще подлыми словами. Нельзя дѣлать изъ человѣка только орудіе для удовлетворенія своихъ похотей и капризовъ. Относясь такъ къ человѣку, можно довести его и до преступленія.

Иногда оправдательный приговоръ подсудимому является обвинительнымъ приговоромъ средѣ, какъ въ дѣлѣ Коноваловой.

Обвинивъ тѣхъ, кто пользовался позоромъ и преступленіемъ Коноваловой, кто получилъ выгоды отъ преступленія, кто ее втянулъ соучастницей въ совершенно ненужное ей преступленіе, присяжные оправдали Коновалову, которая была только орудіемъ въ ихъ рукахъ, потому же, почему мы обвиняемъ не топоръ, а убійцу.

Несомнѣнно, что, если бы слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ велось какъ слѣдуетъ и выяснило бы несомнѣнную виновность Мироновича или Семеновой; если бы Довнаръ не довелъ самъ своими поступками Палемъ до ужаса, отчаянія, умоизступленія; если бы было выяснено, что Коновалова не была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ,— присяжные вынесли бы обвинительные приговоры не слѣдствію, потерпѣвшему и средѣ, а тѣмъ лицамъ, которыхъ обвинялъ прокуроръ.

Оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ нѣтъ. И при всякомъ приговорѣ, когда оправдали человѣка, посаженнаго на скамью подсудимыхъ, слѣдуетъ задаться вопросомъ:

— Кого же, въ сущности, обвинили присяжные?

Кого-нибудь они да обвинили. И если не то лицо, которое желала обвинить прокурорская власть, то это ужъ вина прокурорской власти:

— Зачѣмъ она не всегда обвиняетъ тѣхъ, кого слѣдуетъ?

II.

Оправдательный приговоръ по дѣлу Коноваловой такъ «возмутилъ», что сейчасъ же было рѣшено:

— Протестъ необходимъ.

По дѣлу поданъ протестъ прокурора.

Юристы находили три кассаціонныхъ повода.

Первый. Защитникъ Коноваловой, присяжный повѣренный Плансонъ, въ своей рѣчи сказалъ, что Коновалова во время убійства была въ подавленномъ, «болѣзненномъ состояніи». Вопросъ о томъ, былъ ли человѣкъ во время совершенія преступленія въ болѣзненномъ состояніи, разрѣшается экспертами. Вопросъ этотъ во время судебнаго слѣдствія не поднимался, не разсматривался, это обстоятельство подтверждено не было. Слѣдовательно, защитникъ не могъ ссылаться на него въ своей рѣчи. Предсѣдатель не остановилъ защитника и не указалъ въ своемъ резюмэ присяжнымъ, что они не должны руководствоваться при рѣшеніи дѣла незаконнымъ указаніемъ защиты на якобы «болѣзненное состояніе» подсудимой.

Второй поводъ. Защитникъ Коноваловой г. Плансонъ разослалъ тѣмъ свидѣтелямъ, которыхъ защита вызывала на свой счетъ, что-то въ родѣ циркуляровъ на своихъ бланкахъ, гдѣ говорилось, что свидѣтели «обязаны» явиться въ засѣданіе. Тогда какъ «обязанности» явиться не было. Этимъ было оказано давленіе на свидѣтелей,— свидѣтели, увидавъ затѣмъ въ судѣ лицо, которое «обязываетъ» ихъ явиться, могли придать ему особое значеніе, и это могло имѣть вліяніе

на тѣ отвѣты, которые они давали столь могущественному, по ихъ мнѣнію, лицу.

Третій поводъ. Защитникъ Коноваловой, присяжный повѣренный Плансонъ, обратился къ предсѣдателю съ просьбой допустить, въ качествѣ второго защитника Коноваловой, помощника присяжнаго повѣреннаго Бобрищева-Пушкина, и предсѣдатель написалъ на этомъ прошеніи защитника: «Допустить». Тогда какъ просьбы о защитникѣ подаются не защитниками, а подсудимыми. Отъ подсудимой же просьба о назначеніи вторымъ защитникомъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Бобрищева - Пушкина поступила только послѣ, и предсѣдатель на этой просьбѣ написалъ: «Назначить». Тогда какъ г. Бобрищевъ-Пушкинъ — помощникъ присяжнаго повѣреннаго, а «назначаются» на защиту только присяжные повѣренные, да и подсудимому назначается судомъ только одинъ защитникъ, а не два.

Г. Плансону рѣшительно нужно было сдѣлать замѣчаніе!

Нельзя на самомъ дѣлѣ! Ему нужно было указать, чтобы онъ былъ осмотрительнѣе въ выраженіяхъ, не писалъ циркуляровъ, которыхъ въ его званіи писать не надлежитъ, и зналъ бы получше порядокъ «допущенія» и «назначенія» защитниковъ.

Да и предсѣдатель напрасно не сдѣлалъ ему замѣчанія и написалъ «допустить» тамъ, гдѣ слѣдовало «назначить», а «назначить» тамъ, гдѣ слѣдовало «допустить». Это, конечно, очень большая разница.

Но при чемъ же тутъ, однако, Коновалова?

Странная вещь — эти оправдательные приговоры присяжныхъ!

Съ одной стороны, оправдательный приговоръ присяжныхъ это нѣчто несокрушимое. Несокрушимѣе гранитной скалы.

Съ другой стороны, это мыльный пузырь, который разлетается отъ малѣйшаго щелчка.

Даже признаніе бывшаго подсудимаго не можетъ измѣнить оправдательнаго приговора присяжныхъ.

Человѣкъ, оправданный въ преступленіи, можетъ явиться затѣмъ въ судъ и громогласно объявить:

— А вѣдь преступленіе-то совершилъ я. Я виновенъ. Вы ошиблись.

Привести самыя несомнѣнныя доказательства своей виновности,— и ничего. Дѣла пересматривать не будутъ, оправдательнаго приговора не отмѣнятъ:

— Онъ святъ и нерушимъ.

А сказалъ защитникъ какую-нибудь неудачную фразу, написали на бумагѣ вмѣсто «допустить»— «разрѣшить», и этотъ «нерушимый» приговоръ моментально весь рушится.

Съ точки зрѣнія обыкновенной, общей и обязательной для всѣхъ логики—это кажется страннымъ. Съ юридической—совершенно нормальнымъ.

Мы не знаемъ, какъ смотрятъ гг. юристы съ особой, юридической точки зрѣнія, но для логики общей, обязательной для всѣхъ, дѣло, казалось бы, представляется такъ.

Г. Плансонъ назвалъ состояніе Коноваловой во время убійства «болѣзненнымъ». Это, можетъ-быть, неудачное выраженіе, или это, быть-можетъ, чрезвычайно удачное выраженіе. У человѣка на глазахъ уби-

ваютъ, а онъ такъ подавленъ, такъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, что не можетъ, не смѣетъ даже вступиться. Надо быть какимъ-то «сверхчеловѣкомъ», чтобы при этомъ не испытывать не только болѣзненнаго,— очень болѣзненнаго, страшно болѣзненнаго состоянія. Состоянія, близкаго даже къ помѣшательству.

Психологія нетрудная, и если бъ г. Плансонъ даже не трудился пояснять это присяжнымъ,—присяжные и безъ него бы поняли, что это состояніе ужаса и страданія—состояніе болѣзненное. Вовсе не надо непремѣнно доказывать, что дважды два четыре.

Г. Плансонъ разослалъ какіе-то циркуляры свидѣтелямъ и чрезъ то оказалъ давленіе на свидѣтелей. Но вѣдь свидѣтели принимали послѣ этого присягу, что будутъ показывать одну только правду, предсѣдатель ясно и подробно разъяснилъ имъ значеніе ихъ показаній, ихъ права и обязанности. Вѣдь нельзя же себѣ представить, чтобы свидѣтели были такими идіотами, чтобы они и послѣ всѣхъ разъясненій какую-то полученную отъ кого-то бумажонку ставили выше присяги, закона, отвѣтственности передъ Богомъ и передъ судомъ!

Предсѣдатель ошибочно написалъ «допустить» тамъ, гдѣ надо было написать «разрѣшить», или что-то въ этомъ родѣ.

Но при чемъ же во всѣхъ этихъ плансоновскихъ оговоркахъ и предсѣдательскихъ опискахъ совѣсть присяжныхъ засѣдателей?

Совѣсть, которая одна только и диктуетъ имъ приговоры, основанные на изученіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а не на адвокатскихъ оговоркахъ, на которыя они, быть-можетъ, и не обращали вниманія, и не на

председательскихъ опискахъ, которыхъ они не видали и о существованіи которыхъ даже не подозрѣвали.

Люди сидѣли нѣсколько дней, съ утра до ночи, внимательнѣйшимъ образомъ изучали все дѣло, разбирали, взвѣшивали каждое обстоятельство, и достаточно было одного слова,— всего одного адвокатскаго слова, чтобы сбить ихъ съ толка и все изученіе дѣла превратить въ ничто!

Русское общество съ большимъ интересомъ ждало, что скажетъ по этому поводу уголовный департаментъ Сената,— именно департаментъ, а не отдѣленіе, потому что коноваловское дѣло принадлежитъ къ числу тѣхъ особенно важныхъ дѣлъ, для рѣшенія которыхъ собирается весь уголовный департаментъ Правительствующаго Сената.

Всякій вѣдь понималъ, что если бы приговоръ былъ обвинительный, не было бы придано такого значенія адвокатской оговоркѣ и председательской опискѣ. Что тутъ разрѣшается вопросъ, болѣе важный для общества, чѣмъ судьба какой-то Коноваловой. Что сыръ-боръ горитъ изъ-за того, имѣетъ ли право «помилованія» судъ присяжныхъ, или это «помилованіе» присяжными является такимъ возмутительнымъ произволомъ, что можно и должно пользоваться всякой прицѣпкой, чтобы бороться съ этимъ произволомъ.

III.

«Помилованіе».

Это слово неудачное, плансоновское, такъ сказать, выраженіе.

Не «помилованіе», а вмѣненіе человѣку при данныхъ обстоятельствахъ въ вину того, что онъ совершилъ.

Имѣютъ ли право присяжные отвѣчать «да» или «нѣтъ», когда ихъ спрашиваютъ:

— Да или нѣтъ?

Имѣютъ ли право присяжные сказать, когда ихъ объ этомъ именно и спрашиваютъ, по поводу сознавшагося преступника:

— Да, онъ совершилъ это преступленіе, но обстоятельства были таковы, что ему нельзя поставить этого въ вину.

Если присяжные не имѣютъ права оправдывать сознавшихся обвиняемыхъ, тогда сознавшихся обвиняемыхъ не къ чему и судить.

Просто сознался человѣкъ, и примѣняйте къ нему соотвѣтствующее наказаніе.

Въ крайнемъ случаѣ задавайте присяжнымъ только вопросъ:

— Заслуживаетъ ли снисхожденія?

Но не задавайте вопроса:

— Виновенъ ли?

Потому что, разъ вы задаете вопросъ, значитъ, вы даете человѣку право отвѣтить на него по-совѣсти: да или нѣтъ.

И до тѣхъ поръ, пока въ нашемъ судѣ по поводу сознавшихся обвиняемыхъ присяжнымъ задается вопросъ «виновенъ ли?»—ихъ право, законное, неотъемлемое право, отвѣтить такъ, какъ подскажетъ ихъ совѣсть: «да» или «нѣтъ».

Уничтожить право на отвѣтъ можно только уничтоженіемъ самаго вопроса относительно сознавшагося обвиняемаго.

Уничтожьте, и верните нашъ судъ къ тѣмъ временамъ, когда запирательство было крупнѣйшимъ шан-

сомъ къ оправданію, когда чистосердечное признаніе было гибелью, когда, благодаря запирательству и оговорамъ преступниковъ, гибла масса невиннаго люда, когда сознанія на судѣ нельзя было добиться и приходилось, чтобъ добыть его, прибѣгать къ пыткѣ.

IV.

Все это, конечно, такъ. Въ теоріи. Но на практикѣ...

Не производитъ ли страннаго впечатлѣнія оправданіе хотя бы той же Коноваловой? Сама говоритъ, что участвовала въ преступленіи, — и оправдана. Созналась,— и гуляй! Развѣ дѣйствительно не производитъ страннаго впечатлѣнія эта «безнаказанность преступленія»?

Производитъ. Настолько странное производитъ впечатлѣніе, что сами присяжные стараются словно оправдаться:

— Если бы ее приговорили къ другому наказанію,— говорилъ одинъ присяжный,— скажемъ, на покаяніе, въ монастырь,— мы бы ее хоть на всю жизнь! Но каторга... Нѣтъ! Каторги она не заслуживала!

Лучше ужъ дать человѣку незаслуженно гулять, чѣмъ заставить его терпѣть незаслуженное наказаніе.

Каторги, по совѣсти присяжныхъ засѣдателей, Коновалова не заслуживала, и имъ, чтобъ не подвергнуть человѣка незаслуженному наказанію, оставалось только одно: оправдать ее совсѣмъ.

Имъ поставили вопросъ:

— Подлежитъ ли она такому наказанію, котораго, по вашей совѣсти, не заслуживаетъ?

И они, конечно, отвѣтили «нѣтъ». А единственной формой, въ которой они могли дать такой отвѣтъ, было совершенное оправданіе.

Если бы присяжные могли опредѣлить наказаніе, конечно, Коновалова никогда бы не видала оправдательнаго вердикта. Они бы приговорили ее къ тому наказанію, котораго она, по ихъ совѣсти, заслуживаетъ. А что жъ это за судъ, который будетъ присуждать къ незаслуженнымъ наказаніямъ?

Таково основаніе большинства оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ сознавшимся обвиняемымъ. Не большинства даже, а всѣхъ!

Присяжные не «извиняютъ преступленія»,— они просто не считаютъ возможнымъ отправить въ каторгу человѣка, который ея не заслуживаетъ, и предпочитаютъ лучше не мстить, чѣмъ мстить страшно жестоко.

Это все равно какъ если бы кто-нибудь сказалъ вамъ:

— Если вы накажете ребенка, онъ умретъ.

Какой извергъ сталъ бы послѣ этого наказывать?

Присяжные не должны не только думать,— они не должны знать о наказаніи.

— «Незнаніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ!»— это статья первая.

Предполагается, что всѣ мы такъ и родимся съ готовымъ знаніемъ всѣхъ законовъ, къ нимъ примѣчаній и кассаціонныхъ рѣшеній. Предполагается, что каждый человѣкъ отъ рожденія знаетъ все: и охранительные законы о лѣсоистребленіи, и законы о вакуфныхъ имѣніяхъ въ Таврической губерніи, и румынскіе законы о наслѣдствахъ, дѣйствующіе въ Бессарабіи.

Но есть случай, когда это обязательное знаніе законовъ вмѣняется человѣку въ вину.

Это когда онъ избранъ въ присяжные засѣдатели.

Если присяжные засѣдатели случайно узнаютъ,— защитникъ въ рѣчи скажетъ, — какое наказаніе по закону грозитъ подсудимому, это кассаціонный поводъ къ отмѣнѣ приговора: присяжные знали законъ!

На двѣ недѣли они должны забыть всѣ законы!

Такое забвеніе законовъ, какъ и прирожденное знаніе ихъ, конечно, возможно... но только въ теоріи. Затѣмъ Господь Богъ и далъ людямъ теорію, чтобъ было все возможно. На практикѣ всякій отлично знаетъ, за что полагается каторга, за что тюрьма, за что простой арестъ.

И вотъ вслѣдствіе этого-то и получается на первый взглядъ рядъ совершенно нелѣпыхъ приговоровъ присяжныхъ.

Человѣкъ укралъ десять тысячъ, а его признаютъ виновнымъ въ растратѣ «на сумму менѣе 300 рублей».

Человѣка признаютъ виновнымъ въ томъ, что онъ ударилъ другого въ животъ полъ-аршиннымъ ножомъ, и даже не одинъ, а нѣсколько разъ, но, оговариваютъ, «безъ намѣренія лишить жизни».

Человѣкъ самъ говоритъ:

— Я виновенъ! Виновенъ я!

А ему отвѣчаютъ:

— Нѣтъ, ты совсѣмъ не виновенъ!

Это вовсе не «нелѣпые» приговоры.

Это вода жизни вливается въ сухія, безжизненныя формы и заполняетъ ихъ.

Жизнь—могучая и великая рѣка. Ей нельзя ставить плотинъ, гдѣ угодно и какія угодно. Она сейчасъ же дастъ изгибъ въ сторону и обойдетъ плотину, потому что ей надо итти. Не задерживайте ея.

Всѣ эти приговоры кажутся странными только до тѣхъ поръ, пока вы въ нихъ не вдумаетесь.

Это рѣка, которая обходитъ искусственныя преграды, чтобы лечь въ свое естественное, въ свое законное ложе.

Защита не допускается къ участію въ слѣдствіи.

Но какой обвиняемый, кромѣ темнаго бѣднаго люда, обходится безъ защитника, безъ его указаній, совѣтовъ во время предварительнаго слѣдствія? Если онъ арестованъ, онъ получаетъ совѣты, указанія защитника черезъ родственниковъ, знакомыхъ.

Недопущеніе защиты къ слѣдствію является лишней тяготой, лишней несправедливостью только къ неимущему и темному люду. А всѣ остальные ею пользуются.

Невидимо, безыменно, но она участвуетъ въ предварительномъ слѣдствіи, направляетъ, указываетъ, ходатайствуетъ и защищаетъ интересы обвиняемаго.

Этого требуетъ жизнь.

Присяжные не могутъ участвовать въ опредѣленіи наказанія, не могутъ назначать наказаніе, дѣйствительно соотвѣтствующее винѣ, и вотъ получаются «странные» вердикты. Укралъ десять тысячъ, а виновенъ «на сумму менѣе трехсотъ рублей», рѣзалъ, «но безъ намѣренія лишить жизни», сознался, а признанъ невиновнымъ.

Замѣчательно, что самъ законъ становится на эту «еретическую» точку зрѣнія. Присяжнымъ дано нѣко-

торое участіе въ опредѣленіи наказанія. Они могутъ дать снисхожденіе и тѣмъ понизить наказаніе на нѣсколько степеней.

Это похоже на то, какъ, выстроивъ плотину въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея строить нельзя, вы оставили бы въ ней маленькую щелочку для протока воды. Рѣка раздвинетъ, раздеретъ, не можетъ не раздвинуть этой маленькой щелочки. Она возьметъ свое, потому что она должна взять свое.

Отдайте жизни то, чего она справедливо требуетъ.

Призывая людей рѣшать дальнѣйшую участь человѣка, дайте ему принять участіе въ рѣшеніи самаго важнаго вопроса:

— Что будетъ въ дальнѣйшемъ съ этимъ человѣкомъ? Какъ надо съ нимъ поступить?

И до тѣхъ поръ, пока этого не будетъ, это все же будетъ, но будетъ выражаться въ формѣ «странныхъ» приговоровъ.

V.

Когда присяжные, наравнѣ съ судьями, будутъ участвовать въ опредѣленіи мѣры наказанія, исчезнутъ съ лица земли жестокіе приговоры присяжныхъ.

Такіе приговоры, что сами присяжные, услыхавъ, къ какому наказанію приговоренъ обвиненный ими человѣкъ, блѣднѣютъ отъ ужаса и хватаются за голову:

— Что мы сдѣлали?

Незнаніе присяжными закона, что отъ нихъ теоретически требуется, на практикѣ иногда встрѣчается, но приноситъ ужасные плоды.

Если въ чемъ можно обвинить нашъ судъ присяжныхъ, такъ это въ жестокости.

Онъ вовсе не мягкій, онъ ужасно жестокій судъ. И въ этомъ можно убѣдиться на Сахалинѣ.

Что эта за страшная куча, гдѣ случайные, невольные виновники несчастій свалены въ одну груду со злодѣями и извергами.

Вѣдь довольно сказать, что чуть не половина каторги состоитъ изъ мужиковъ, пришедшихъ сюда «за убійство во время драки».

Все это одна и та же исторія. Въ праздникъ напились, подрались и нечаянно ударили такъ, что человѣкъ Богу душу отдалъ. Большинство не помнитъ даже, какъ и случилось.

Среди нихъ очень много добрыхъ, хорошихъ мужиковъ. Такихъ даже большинство, почти всѣ они таковы.

Неужели же человѣкъ, который, правда, разъ въ жизни напился до безпамятства, заслуживаетъ за такое страшное преступленіе, чтобъ его навсегда разлучили съ родиной, съ родными, близкими, лишили всѣхъ человѣческихъ правъ, сравняли съ профессіональными убійцами, грабителями, пороли и драли за каждое слово, по каждому малѣйшему поводу?

Если бы присяжнымъ засѣдателямъ дано было право не только опредѣлять вину, но и точно ее взвѣшивать,—оцѣнивать ее *соотвѣтствующимъ* наказаніемъ,—никто изъ этихъ случайныхъ виновниковъ несчастія не попалъ бы въ каторгу. Они потерпѣли бы наказаніе, но наказаніе, соотвѣтствующее ихъ винѣ, а не такое незаслуженное.

А теперь...

Если вы примете во вниманіе всю эту массу только по несчастію каторжнаго народа, вы увидите, что изъ 82 проц. обвинительныхъ приговоровъ тоже 82 проц. приговоровъ еще и, помимо воли, жестокихъ.

И что судъ присяжныхъ по обвиненію въ чемъ-чемъ, но въ «излишней мягкости» слѣдуетъ считать «по суду оправданнымъ».

Дѣтоубійство.

— Страшно! За человѣка страшно! Что дѣлаютъ присяжные засѣдатели? — снова раздаются вопли и завыванія.

Судъ присяжныхъ снова подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Преступникъ - рецидивистъ, онъ снова совершилъ тягчайшее изъ преступленій: оправдалъ виновнаго

— И кого оправдалъ!.. Мать-извергъ... Задушила собственнаго ребенка... Съ любовникомъ жить захотѣла!.. Гулять, веселиться!.. Распутница!.. Ребенку засунула пробку въ горло!.. Спокойно гуляла, когда ребенокъ у нея на рукахъ задыхался... И оправдали!.. Не страшно?..

Оставимъ эти вопли и эти завыванія и посмотримъ, какъ дѣло происходило въ дѣйствительности, что выяснилось на судѣ передъ оправдавшими «мать-изверга» присяжными.

16-ти лѣтъ Марія Татаринова была выдана въ деревнѣ замужъ, и 17 лѣтъ мужъ привезъ ее въ Петербургъ.

Мужъ Татариновой человѣкъ «непостоянный», «несосновательный», «можно сказать, вѣтеръ», по показаніямъ односельчанъ.

Онъ лѣнтяй, къ тому же выпиваетъ и нигдѣ не уживается на мѣстахъ. Нанимается въ извозчики, служитъ въ младшихъ дворникахъ, ходитъ поденщикомъ, но по большей части «находится безъ мѣста» и живетъ на счетъ своей жены.

Марья работаетъ на табачной фабрикѣ Лафермъ и получаетъ 40 к. въ день. Въ воскресенье и праздники работы нѣтъ, въ общемъ она зарабатываетъ въ мѣсяцъ 10 рублей.

Она нанимаетъ въ кухнѣ «уголъ» и платитъ за него 2 руб. въ мѣсяцъ. На остальные восемь она содержитъ себя и мужа.

Такъ длится 2 года.

Все это время Марья живетъ на одной и той же квартирѣ, гдѣ ее держатъ, какъ жилицу «тихаго и скромнаго поведенія». Марья, по удостовѣренію квартирной хозяйки, «никуда не отлучалась по вечерамъ и даже въ праздники».

Семнадцати, потомъ восемнадцатилѣтняя женщина работаетъ, не покладая рукъ, бьется, перебивается, содержа на восемь рублей себя и лѣнтяя мужа.

Эта жизнь впроголодь, наконецъ, надоѣдаетъ мужу. Онъ объявляетъ, что желаетъ ѣхать искать счастья въ другое мѣсто. Желаетъ ѣхать одинъ. И денегъ на дорогу проситъ у той же жены.

Безъ мужа, «одному рту», на 8 рублей все же будетъ легче прожить. Марья продаетъ и закладываетъ все, что у нея было, — тряпье и самоваръ, единственное имущество, и даетъ мужу 17 рублей. Мужъ прощается и уходитъ.

Теперь у нея ничего нѣтъ, но зато она хоть одна.

Какъ вдругъ черезъ нѣсколько дней мужъ возвращается.

— Не уѣхалъ?

— Остался.

— Гдѣ семнадцать рублей?

— Пропилъ.

Послѣднее, что было, ушло. Теперь она нищая. И для чего? Чтобъ мужъ все пропилъ!

Марья заплакала. Вѣроятно, горько.

Въ эту минуту отчаянія, къ восемнадцатилѣтней миловидной женщинѣ и обратился съ утѣшеніемъ «сосѣдъ» Гомиловскій.

— Что вамъ такъ страдать и мучиться? Вы бы лучше со мной сошлись. Я васъ любить буду. Будете жить припѣваючи!

Гомиловскій «мастеровой человѣкъ», квартирмейстеръ въ отставкѣ, 34 лѣтъ, служитъ машинистомъ на электрической станціи, получаетъ «отличное жалованье» — 45 рублей въ мѣсяцъ и среди «угловыхъ жильцовъ» аристократъ и особа: снимаетъ цѣлую комнату и платитъ за нее 8 рублей въ мѣсяцъ.

Онъ человѣкъ молодой, холостой:

— Мнѣ поэтому все можно!

Онъ желаетъ пользоваться жизнью, но «денегъ чтобы при этомъ не тратить».

Сошедшаяся съ нимъ Марья продолжаетъ, какъ «недостойная его», жить въ своемъ углѣ, платя 2 рубля за мѣсяцъ, и только на ночь, когда Гомиловскій дома, свободенъ отъ службы и расположенъ, онъ допускаетъ Марью въ свою «горницу».

Какъ состоятельный и богатѣйшій среди окружающихъ, Гомиловскій пользуется почетомъ и кредитомъ:

онъ забираетъ въ лавочкѣ «на книжку» и изъ «снисхожденья» позволяетъ Марьѣ пользоваться книжкой, при чемъ за все, ею забранное, Марья должна платить сама своими 8 рублями.

Она продолжаетъ работать на фабрикѣ по 40 копеекъ въ день.

— Требовательна была Марья?—спрашиваютъ у Гомиловскаго на судѣ.

— Совершенно вѣрно. Очень требовательна.

— Что жъ она отъ васъ требовала?

— Нарядовъ.

— Напримѣръ?

— Башмаки просила купить, а то ходить не въ чемъ. Платокъ просила купить, а то холодно.

— Что жъ, вы ей купили?

— Нѣтъ, не купилъ.

И поясняетъ:

— Зачѣмъ же я ей покупать буду? Развѣ она мнѣ жена?

Онъ требовалъ отъ этой нищей, чтобъ она жила съ нимъ, думая только объ «удовольствіи».

Гомиловскій презиралъ Марью и даже въ то время, когда не пользовался ея ласками, показывалъ ей, насколько она низка, читалъ ей нравоученія:

— Я холостой человѣкъ, мнѣ все можно. А ты чужая жена, какъ же ты себя ведешь? Со мною живешь.

Онъ считалъ ее «женщиной развратной», потому что она «съ нимъ жила».

— Что жъ это? Выродокъ, что ли, какой?

Ничего подобнаго. Обыкновенный «майстровой».

Встрѣчаясь и знакомясь другъ съ другомъ, холостой мастеровой спрашиваетъ другого:

— Тварь имѣете?

— Нельзя же безъ шкуры! — сплевывая въ сторону, отвѣчаетъ тотъ.

Это «понятія среды».

Все идетъ хорошо. Гомиловскій пользуется миловидной восемнадцатилѣтней женщиной, которая ему, въ сущности, ни копейки не стоитъ, какъ вдругъ Марья забеременѣла.

Гомиловскій видитъ, что дѣло плохо, пожалуй, еще на ребенка требовать будутъ, и уже во время беременности Марьи старается «увильнуть»:

— А я почемъ знаю, что ты носишь моего ребенка! Ты — мужняя жена. Можетъ, отъ мужа!

— Да вѣдь я забеременѣла черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда мужа!

— Ну, можетъ, отъ другого кого! Почемъ я знаю. Ты женщина развратная: со мной живешь, можетъ, и съ другимъ съ кѣмъ!

Беременная Марья почти до послѣдняго дня ходитъ на фабрику и работаетъ.

Родить она отправляется въ пріютъ. Гомиловскій, отецъ ея ребенка, не даетъ ей ни копейки, такъ что черезъ два дня по разрѣшеніи отъ бремени Марьѣ дали въ пріютѣ на извозчика.

Больная, съ ребенкомъ на рукахъ, Марья пріѣхала ужъ прямо въ комнату Гомиловскаго и легла на его постель: она привезла къ нему его ребенка.

Это остервенило Гомиловскаго. Это ужъ разрушало всѣ его планы на жизнь.

Вернувшись домой, онъ вышвырнулъ Марью изъ своей «горницы».

Напрасно она умоляла его:

— Дай хоть отлежаться послѣ родовъ. Отлежусь, поправлюсь, хоть шитьемъ что-нибудь заработаю и уйду.

— Вонъ!

Гомиловскому надо было дѣйствовать энергично: тутъ нельзя мямлить. Дай ей нѣсколько деньковъ полежать, потомъ ужъ не выгонишь, придется, пожалуй, кормить, тратить деньги. «Твой, — скажетъ, — ребенокъ, самъ же не гналъ меня, когда родила». Надо было гнать сейчасъ же, «чтобъ духомъ ея не пахло».

Гомиловскій обратился съ требованіемъ къ квартирнымъ хозяевамъ:

— Сегодня же, чтобъ ея въ квартирѣ не было. Она теперь съ ребенкомъ, заработать ничего не можетъ,— чѣмъ она заплатитъ? А я, имѣйте въ виду, платить за нее не буду.

Но и этого было мало:

— У нея и паспорту срокъ. Какъ вы ее можете держать? Вы за это отвѣчать будете! Сейчасъ же вонъ гоните!

Квартирная хозяйка исполнила бы требованіе «хорошаго жильца», но ей жаль стало больной женщины и она пріютила ее на кухнѣ въ углу.

— Поѣсть что-нибудь, по книжкѣ взять пошлите!— просила Марья.

Но Гомиловскій распорядился ужъ, чтобъ по книжкѣ Марьѣ ничего не отпускали.

Чтобъ потомъ «не каяться», женщину необходимо было добивать.

— Съ голоду уйдетъ!

Квартирная хозяйка «отъ жалости» давала ей объѣдки; семь дней лежала Марья въ кухнѣ, въ углу, питаясь этими объѣдками.

По истеченіи семи дней, больная, не вылежавшись какъ слѣдуетъ, не оправившись послѣ родовъ, Марья съ ребенкомъ пошла ходить искать себѣ мѣста.

Любила ли эта девятнадцатилѣтняя мать своего ребенка?

До безумія.

Она не спускала его съ рукъ, цѣловала, сшила ему изъ послѣдняго одѣяльце, рубашонку, чепчикъ, наряжала его въ тряпочки, какія только находились; у нея былъ старый шелковый платокъ, единственная роскошь; она повязывала имъ голову ребенка, любовалась, какой онъ славный да хорошій...

— Съ ребенкомъ?

— Съ ребенкомъ.

— Куда жъ мы тебя, матушка, возьмемъ съ ребенкомъ?

Съ ребенкомъ Марью никуда не брали.

Больная, измученная, усталая, истомленная, она «безъ ногъ» возвращалась вечеромъ домой, подъѣдала объѣдки, которые ей давала хозяйка, и ложилась спать, чтобъ назавтра снова безъ всякой пользы начать колесить по Петербургу.

— Да ты бъ ребенка въ воспитательный домъ!

Марья ходила въ воспитательный. Тамъ сказали:

— Записанъ законнымъ! Надо внести двадцать пять рублей.

Марья обратилась къ Гомиловскому:

— Дай хоть Клавдію-то отдать. Съ голода вѣдь мы умремъ съ нею.

Гомиловскій отвѣчалъ:

— Такихъ Клавдій да Аннушекъ у меня десять штукъ будетъ. Если на каждую по двадцать пять рублей да-

вать,—двѣсти пятьдесятъ рублей выйдетъ. А это ужъ цѣлый капиталъ!

Марья свалилась.

У нея началась какая-то послѣродовая болѣзнь. Молоко пропало. Голодный ребенокъ умиралъ около голодной матери.

Если было что продать, Марья покупала на копейку молочка.

Этой порціей, достаточной для котенка, кормилась дѣвочка.

Если не было копейки, Марья выпроситъ кусокъ сахара, разведетъ въ теплой водицѣ и попоитъ ребенка.

Съ квартиры выгнать не удалось. Голодъ не помогаетъ. Гомиловскому осталось одно: онъ началъ колотить голодную, больную женщину:

— Уходи! Жить ты мнѣ не даешь, жить!

Онъ говорилъ:

— Какая ты есть женщина, ежели ты дохлая кошка? Мнѣ развѣ та́кая нужна? Мнѣ дѣвушка нужна. Со мной дѣвушка жить будетъ!

Издѣваясь надъ нею, онъ добавлялъ иногда:

— Сбудь ребенка, тогда придешь! А съ ребенкомъ на что ты мнѣ! Какое отъ тебя удовольствіе?

Избитая, истощенная болѣзнью и голодомъ, девятнадцатилѣтняя женщина, тѣмъ не менѣе, встала и поправилась.

Тутъ новая бѣда: срокъ паспорту кончился, новаго не даютъ, мужъ требуетъ Марью къ себѣ, въ Ростовъ-на-Дону.

Требуетъ, но денегъ на дорогу не высылаетъ:

— Пріѣзжай, какъ хочешь, но пріѣзжай!

— Господи, какъ я мужу на глаза-то покажусь съ ребенкомъ?—рыдаетъ Марья, а Гомиловскій «разсудительно» говоритъ:

— Онъ мужъ твой законный! Требуетъ, значитъ, должна ѣхать!

— Да на что жъ я поѣду?

Тутъ ужъ квартирные хозяева и «угловые жильцы» хоть и съ почтеньемъ относились къ «первому жильцу», но возмутились:

— Да хоть на дорогу дайте бабѣ: вѣдь жили!

Гомиловскій увидѣлъ, что ничего не подѣлаешь: далъ «въ окончательный расчетъ» Марьѣ 10 рублей, чтобы къ мужу уѣзжала и никакихъ больше претензій не имѣла.

— Вѣдь вашъ ребенокъ, вашъ же!—стыдили его «угловые жильцы».

— Я для нея ничего не жалѣлъ!—говоритъ Гомиловскій.—И на ребенка ей далъ рубль.

Изъ этихъ 11 рублей пять Гомиловскій, провожая Марью, отобралъ у нея обратно:

— Самому деньги въ тѣ поры нужны были.

И вотъ Марья съ шестью рублями и съ ребенкомъ на рукахъ осталась на улицѣ.

Что дѣлать?

На шесть рублей въ Ростовъ-на-Дону не доѣдешь. Назадъ вернуться нельзя: съ Гомиловскимъ все кончено, и квартирная хозяйка не пуститъ: «Вѣдь уѣхала, матушка, сказала, что совсѣмъ, и одиннадцать рублей получила». Къ себѣ въ деревню ѣхать: тамъ никого нѣтъ, мать, и та бросила деревню, жили они, по показанію односельчанъ, «страшно бѣдно». Въ Петербургѣ есть братъ, но тому самому ѣсть нечего, его:

— Посѣтило несчастіе: третій годъ дѣти нарождаются!

Безъ паспорта, съ ребенкомъ нигдѣ не возьмутъ.

Что же? Голодная смерть и ей и ребенку?

Могла ли, при такихъ условіяхъ, истощенная голодомъ, болѣзнью, побоями, только что вставшая съ постели послѣ тяжкой болѣзни девятнадцатилѣтняя женщина обезумѣть отъ ужаса, отъ отчаянія?

Могла ли она *не* обезумѣть, вышвырнутая съ ребенкомъ умирать на улицу?

Она разсталась съ Гомиловскимъ утромъ и цѣлый день, не ѣвши, бродила по городу, сидѣла гдѣ-то на скамейкѣ и думала.

Какія другія мысли, кромѣ полныхъ отчаянія, до безумія доводящихъ мыслей, могли приходить ей въ голову?

Какъ она совершила преступленіе?

Марья Татаринова говоритъ, что она задушила ребенка платкомъ, тѣмъ старымъ шелковымъ платкомъ, которымъ она повязывала голову ребенка, любуясь: «Какая Клавдюшечка хорошая да пригожая».

При вскрытіи въ горлѣ ребенка найдена пробка.

Марья Татаринова говоритъ, что ребенокъ часа три умиралъ у нея на рукахъ, пока не задохся.

Ребенокъ, падая въ отхожее мѣсто, ударился головой о доски, и при вскрытіи у него оказалось «прижизненное кровоизліяніе». Если бъ пробка находилась у него въ горлѣ три часа, онъ не могъ бы быть живымъ, когда его бросили. Значитъ, его придушили и сейчасъ же кинули.

Почему ребенокъ оказался голымъ? Сняла ли она съ него все, или изъ дома захватила его безъ рубашки, завернувъ голаго въ одѣяло, Марья и этого не знаетъ.

Какъ убивала, сколько времени это длилось, Марья ничего этого сказать не можетъ. Это было безуміе, когда она не соображала, не знала, что дѣлала.

Трое сутокъ послѣ этого обезумѣвшая Марья бродила по городу.

Не ѣвши: всѣ деньги, данныя Гомиловскимъ, оказались у нея въ цѣлости.

Въ какомъ она была состояніи?

Мы знаемъ только изъ показанія одной Марьиной знакомой, что Марья зашла къ ней въ эти дни, пробыла часа два и была «очень груба».

— Всѣ два часа просидѣла молча на сундукѣ, не отвѣчала на вопросы, словно ничего не слышала. Встала и ушла.

Цѣлые дни Марья бродила по улицамъ, а какъ стемнѣетъ, шла къ тому дому, гдѣ бросила ребенка, къ ужасной могилѣ:

— Подойду къ отхожему мѣсту, стою и плачу.

Черезъ три дня ее встрѣтилъ на улицѣ Гомиловскій, простоволосую, безъ платка, странную, безъ ребенка.

— Куда идешь?

— Уголъ ищу.

Гомиловскій при видѣ женщины, съ которой онъ жилъ, позабылъ благоразуміе и повелъ ее къ себѣ для «удовольствія»:

— Пойдемъ въ квартиру, можетъ, тебѣ опять уголъ сдадутъ.

Онъ привелъ ее «измученною, голодною», по показанію квартирной хозяйки, и не пошелъ даже на службу, остался ночевать.

Но на утро Гомиловскій протрезвѣлъ. Не заплатить бы дорого за удовольствіе. Чортъ знаетъ что такое!

Избавился отъ женщины, теперь опять изъ-за минутнаго увлеченія испортилъ все дѣло. На утро всегда думается необыкновенно «трезво».

И къ тому же странная какая-то. На вопросъ о ребенкѣ отвѣчаетъ, волнуясь:

— Чиновнику отдала съ кокардой.

— А метрическое свидѣтельство гдѣ?—спокойно и разсудительно спрашиваетъ Гомиловскій.

— Метрики не отдала. Метрика вотъ.

«Дѣло плохо!» Надо сбыть бабу. Богъ знаетъ, что она съ ребенкомъ сдѣлала. Не быть бы въ отвѣтѣ.

Гомиловскій грозитъ Марьѣ полиціей, зоветъ дворника:

— Вы спросите у нихъ, есть ли видъ на жительство?

Марья сама сознается во всемъ и ведетъ полицію указать, куда бросила ребенка.

Когда его, разлагающагося, вынимаютъ изъ отхожаго мѣста, Марья, по показанію очевидцевъ, «въ изступленіи съ крикомъ бросилась» къ покрытому нечистотами трупику, и ее «силой пришлось оторвать отъ трупа».

Вотъ вамъ и вся «женщина-извергъ», «развратница», «содержанка», вотъ вамъ ея «веселая жизнь» и «ненависть къ малюткѣ».

Вотъ истинная обстановка дѣла, та, которая открылась на судѣ предъ присяжными.

Вы присяжный,—положа руку на сердце, могли бы вы обвинить мать, обезумѣвшую отъ ужаса и отчаянія, выкинутую на улицу, обреченную съ ребенкомъ на голодную смерть,—могли бы вы обвинить ее, особенно если рядомъ остается совершенно безнаказаннымъ отецъ, спокойно обрекшій ихъ на смерть?

Не проснулся бы въ вашей совѣсти вопросъ:

— Кто же истинный-то убійца? Кто виновникъ преступленія?

И снова присяжные вынесли обвинительный приговоръ.

Оправдавъ жертву, доведенную до преступленія, они тѣмъ самымъ отвѣтили:

— Виновенъ тотъ, кто довелъ ее до этого.

Они обвинили этимъ, правда, не того, кто сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, но развѣ они виноваты въ томъ, что на скамью подсудимыхъ посадили не того, кого слѣдовало?

Истязаніе.

Судъ присяжныхъ снова въ роли обвиняемаго.

«По дѣлу Линевицъ».

Линевицъ жестоко обращалась со своей пріемной дочерью. Это несомнѣнно. Это доказано на судѣ.

И Линевицъ вышла изъ суда оправданной.

Не возмутительно?

Возмутительно. Страшно возмутительно.

И больше всѣхъ, вѣроятно, возмущены присяжные, вынесшіе оправдательный приговоръ.

Они хотѣли обвинить г-жу Линевицъ. Но имъ не дали этого сдѣлать.

Вотъ какъ происходило дѣло.

* * *

Сначала обстоятельства дѣла—такъ, какъ они выяснились на судѣ.

Въ Петербургѣ проживали супруги Линевицъ. Жили безбѣдно. Мужъ служилъ въ страховомъ обществѣ и получалъ около 2.000 р. въ годъ. Дѣтей у нихъ не было.

Г-жа Линевицъ сама пожелала взять на воспитаніе ребенка.

Они взяли трехлѣтнюю дѣвочку, незаконную дочь ихъ прачки, удочерили ее и занялись ее воспитаніемъ. Когда дѣвочка подросла, ее отдали въ гимназію.

Относилась ли г-жа Линевицъ съ любовью къ своей пріемной дочери?

Свидѣтели подтвердили, что да. Когда мужъ хотѣлъ за что-нибудь наказать ребенка, г-жа Линевицъ вступалась за дѣвочку и защищала ее отъ наказанія.

Какъ вдругъ мужъ г-жи Линевицъ умираетъ.

Г-жа Линевицъ съ пріемной дочерью остается безо всякихъ средствъ.

Въ судебныхъ отчетахъ говорилось, что она воспользовалась какой-то страховой преміей въ 2.000 рублей, принадлежавшей дочери.

Это вздоръ.

Линевицъ застраховалъ для пріемной дочери приданое въ 2.000 р. Но умеръ, успѣвъ сдѣлать только два взноса по 30 руб.

По правиламъ страхового общества сдѣланные взносы возвращаются обратно только тогда, когда внесено не менѣе 500 рублей.

Не желая, чтобы пропадали внесенные мужемъ 60 рублей, г-жа Линевицъ продолжала дѣлать взносы. Внесла до 600 рублей и тогда взяла взносы назадъ.

Такимъ образомъ она «воспользовалась» вовсе не 2.000, а 60 рублями, которые, конечно, и ушли на ея жизнь съ дочерью.

Покойный Линевицъ прослужилъ въ страховомъ обществѣ 24 года, былъ участникомъ вспомогательной кассы служащихъ, и, когда онъ умеръ, г-жѣ Линевицъ и ея дочери выдали около 4.000 р.

Это былъ ихъ единственный рессурсъ къ жизни.

Г-жа Линевицъ рѣшила держать меблированныя комнаты, сняла дачу въ Новой Деревнѣ, меблировала и сдавала жильцамъ.

Доходы были маленькіе.

Жили Линевицъ, по показаніямъ свидѣтелей, «страшно бѣдно».

Дочь пришлось изъ гимназіи взять.

Г-жа Линевицъ разсуждала такъ:

— Довести ее въ гимназіи до конца я врядъ ли смогу. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, что жъ она будетъ дѣлать, когда окончитъ гимназію? Замужъ выйти безъ приданаго трудно. А какія такія знанія, которыя могли бы дать средства къ жизни, даетъ гимназія? Пусть ужъ лучше бѣдная дѣвушка знаетъ какое-нибудь мастерство. Все скорѣе не пропадетъ съ голоду.

Такъ съ болью въ душѣ разсуждаютъ многіе родители, вынужденные, за недостаткомъ средствъ, брать своихъ способныхъ дѣтей изъ гимназіи и дѣлать ихъ ремесленниками. А пріемная дочь Линевицъ была очень способной дѣвочкой.

Г-жа Линевицъ отдала ее въ ученье къ портнихѣ. И, вѣроятно, къ этому очень не лежала душа Линевицъ.

Дѣвочка жаловалась, что у портнихи ей трудно, что тамъ съ ней грубо обращаются, и г-жа Линевицъ, жалѣя дѣвочку, взяла ее отъ портнихи и оставила дома.

При той бѣдности, въ которой жила г-жа Линевицъ, ей приходилось много работать самой, и она заставляла помогать въ работахъ по хозяйству дочь, 13-лѣтнюю дѣвочку.

Репортеровъ, вѣроятно, ввело въ заблужденіе шелковое платье, въ которомъ явилась г-жа Линевицъ на судъ.

Ни къ какому «свѣту» мѣщанка Линевицъ никогда не принадлежала. Все это вздоръ. Она женщина малоинтеллигентная.

Изъ скорбнаго листа, который велся, когда г-жа Линевицъ лежала въ больницѣ, видно, что она больна порокомъ сердца и страдаетъ общимъ разстройствомъ нервной системы.

Характера, какъ это часто бываетъ при порокѣ сердца и общемъ разстройствѣ нервной системы, г-жа Линевицъ была сквернаго.

По показаніямъ свидѣтелей, она была «вспыльчива до крайности», «въ гнѣвѣ себя не помнитъ», «въ такія минуты готова убить человѣка».

Вѣроятно, и на развитіе порока сердца, и на общее разстройство нервной системы, и на скверный характеръ г-жи Линевицъ вліяли и жизненныя неудачи, и переходъ отъ обезпеченной жизни къ тяжелому существованію, и бѣдность, и недостатки, и постоянный видъ передъ глазами способной дѣвочки, которая должна расти безъ образованія, безъ воспитанія.

Какъ относилась г-жа Линевицъ къ своей пріемной дочери?

Когда дѣвочка заболѣла, г-жа Линевицъ была «какъ безумная».

По показанію доктора, лѣчившаго дѣвочку, «лучшаго ухода за родной дочерью не можетъ быть».

Г-жа Линевицъ ухаживала за больной день и ночь.

Уступила ей свою единственную постель, на которой онѣ спали вмѣстѣ, и спала около, на полу.

Словомъ, дѣлала все то, что дѣлаетъ родная мать, когда заболѣваетъ родная дочь.

Г-жа Линевицъ согласилась отпустить дочь въ больницу только съ условіемъ, чтобы ее допускали къ дѣвочкѣ каждый день. И для нея пришлось сдѣлать исключеніе изъ больничныхъ правилъ. Г-жа Линевицъ, посѣщая больного ребенка, осыпала его нѣжностями и ласками. Дѣвочка радовалась всегда приходу матери. И на вопросъ, каково было вообще физическое состояніе дѣвочки, лѣчившій ее докторъ отвѣчалъ:

— Дѣвочка отличалась выхоленностью.

Когда заболѣла сама г-жа Линевицъ, и ей предстояла операція, которой, она думала, она при своемъ больномъ сердцѣ не выдержитъ, г-жа Линевицъ призвала г. Бодэ, друга и сослуживца покойнаго мужа, просила его помочь ей составить духовное завѣщаніе въ пользу пріемной дочери, просила его быть опекуномъ дѣвочки, у которой «никого больше на свѣтѣ не останется», заботиться о ней и охранять.

Готовясь къ смерти, она думала только о дѣвочкѣ.

Таковъ былъ общій, основной фонъ отношеній г-жи Линевицъ къ пріемной дочери.

При вспыльчивости, при болѣзненной раздражительности г-жи Линевицъ этотъ общій основной фонъ любовнаго отношенія къ дѣвочкѣ безпрестанно, ежедневно прерывался, нарушался грубыми, рѣзкими, злыми вспышками.

Очень способная, богато одаренная, развитая, тринадцати, а затѣмъ четырнадцатилѣтняя дѣвочка росла въ совершенно неподходящей средѣ.

Жильцами г-жи Линевицъ, державшей свою дачу лѣто и зиму, были «новодеревенскіе артисты», кафе-

шантанныя пѣвички, артисты и артистки разныхъ «русскихъ хоровъ».

Постоянно вращаясь среди этой «публики», наслушавшись отъ нихъ разсказовъ о «привольномъ ихъ артистическомъ житьѣ», дѣвочка только и мечтала, что о сценѣ, о томъ, какъ она будетъ такою же «артисткой».

Эта «дурь въ головѣ» бѣсила Линевицъ, вовсе не желавшую, чтобы изъ ея дочери вышла такая же «артистка», как ея жилицы.

Среди хлопотъ по хозяйству трудно было услѣдить за дѣвочкой. Дѣвочка, какъ часто дѣти, любила общество прислуги, любила уходить съ нею гулять.

Чего хорошаго можетъ набраться дѣвочка-подростокъ у прислуги меблированныхъ комнатъ?

Это также бѣсило и раздражало г-жу Линевицъ.

Умной, развитой не по лѣтамъ дѣвочкѣ было, конечно, скучно, невыносимо среди вѣчныхъ хлопотъ по хозяйству, въ обществѣ придирчивой, раздражительной женщины. Ее пошлютъ въ лавку за покупками, она воспользуется случаемъ, придетъ часа черезъ три.

Гулящая слобода «Новая Деревня»—плохой дѣтскій садъ, особенно для дѣвочки-подростка. Боязнь, что хорошенькую дѣвочку могутъ испортить, «свихнуть» съ пути истиннаго, сдѣлать съ ней Богъ знаетъ что,—конечно, не могла не тревожить г-жи Линевицъ.

При этой постоянной боязни, вспыльчивая, болѣзненная, раздражительная, съ больными нервами, г-жа Линевицъ преувеличивала всякій пустякъ, придавала излишнее значеніе всякой мелочи и за то, что дѣвочка забирала «дурь въ голову», за то, что она «отлынивала отъ работы», «бѣгала изъ дома», не хотѣла «привы-

кать къ труду», г-жа Линевицъ била, била, била свою пріемную дочь.

При скверномъ характерѣ, раздражительномъ и зломъ, выйдя изъ себя, «не помня себя», Линевицъ била дѣвочку безпрестанно, по нѣскольку разъ въ день.

Однажды, когда дѣвочка три часа проходила въ лавочку, находившуюся напротивъ, Линевицъ схватила ее за волосы такъ, что у дѣвочки лѣзли волосы.

Разозлившись на что-то, Линевицъ сорвала прутъ и прутомъ отхлестала дѣвочку.

Видѣли, говорятъ, какъ она вытолкала однажды дѣвочку за дверь и наносила ей удары.

Зная, что мать «во злѣ себя не помнитъ», дѣвочка, какъ говорятъ свидѣтели, принималась обыкновенно кричать, лишь только разозленная Линевицъ сдѣлаетъ къ ней шагъ.

И вотъ однажды, какъ разсказываетъ дѣвочка, мать, желая ее высѣчь, положила ее на постель, закрыла ей голову подушкой, чтобъ не было слышно криковъ, — эти крики вѣдь безпокоили жильцовъ, отъ которыхъ только и кормились Линевицъ съ дочерью, и жильцы могли съѣхать,—и, насѣвъ на подушку, чтобъ дѣвочка ея не сбросила, высѣкла розгами.

Несомнѣнно, что Линевицъ била дѣвочку рукой, розгами, прутомъ, давала ей пинки.

Говорили, что у дѣвочки бывали синяки и однажды отъ битья вылѣзло нѣсколько волосъ.

Но нѣтъ ни одного случая, чтобъ Линевицъ била дочь палкой, веревкой, какой-то колотушкой, шнуромъ отъ портьеръ, нанося какія-нибудь тяжкія поврежденія.

Докторъ, который свидѣтельствовалъ дѣвочку вскорѣ послѣ того, какъ она была взята отъ Линевицъ, нашелъ, что она совершенно здорова и никакихъ признаковъ жизни при тяжелыхъ обстоятельствахъ не имѣется.

Вотъ обстоятельства дѣла.

Скажите же, при такихъ обстоятельствахъ признали бы вы Линевицъ виновною по статьѣ 1489, которая «гласитъ»:

«За причиненіе кому-либо, съ умысломъ, тяжкихъ, подвергающихъ жизнь его опасности побоевъ или иныхъ истязаній или мученій, виновный, смотря по оказанной имъ при семъ большей или меньшей жестокости, по степени причиненнаго имъ вреда и другимъ, сопровождавшимъ его дѣянье обстоятельствамъ, приговаривается:

«къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ $2^1/_2$ до 4 лѣтъ».

Руководящее кассаціонное рѣшеніе, разъясняющее эту статью, говоритъ:

«Для обвиненія кого-либо въ такомъ тяжкомъ преступленіи, каково истязаніе, необходимо не одно голословное названіе дѣйствій подсудимаго истязаніемъ, а такое указаніе признаковъ, изъ которыхъ было бы положительно видно, что насильственныя дѣйствія, сопровождавшіяся мученіемъ, повторялись извѣстнымъ лицомъ неоднократно и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, или же мученія эти въ данномъ случаѣ представляли высшую и

притомъ гораздо болѣе продолжительную степень страданій, нежели при обыкновенномъ насиліи и побояхъ, хотя бы и тяжкихъ, и что нанесеніе ихъ сопровождалось особою жестокостью со стороны подсудимаго».

Въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ по поводу этой статьи говорится:

«Признаніе подсудимаго виновнымъ въ нанесеніи тяжкихъ ударовъ кнутомъ, сопровождавшихся мученіями, *недостаточно* для признанія наличности истязаній, наказуемыхъ по статьѣ 1489, такъ какъ мученіями сопровождаются всякіе побои и даже всякое насиліе» ($^{76}/_{25}$ по дѣлу Кравченко).

«Нанесеніе нѣсколькихъ ударовъ ремнемъ по голому тѣлу, вызвавшихъ наружу кровь и синія пятна, если притомъ судъ призналъ, что удары эти грозили опасностію жизни, подходитъ подъ статью 1533 (тяжкіе побои), а не подъ ст. 1489» ($^{76}/_{22}$ по дѣлу Аркудинскаго).

«Признаніе подсудимаго виновнымъ въ томъ, что онъ сѣкъ жертву прутьями и билъ палкою такъ сильно, что она долгое время была больна, не даетъ, однако, права примѣнить статью 1489, если присяжные не признаютъ, что побои грозили опасностью для жизни» ($^{75}/_{616}$ по дѣлу Зрячева).

И вотъ какіе «примѣры» приводятся того, что считается «истязаніями» и подлежитъ наказанію по ст. 1489:

«Признаніе подсудимыхъ виновными въ томъ, что они, бросившись на жертву, связали ей руки и ноги, душили ее, переломили въ горлѣ кость и завязали ротъ и носъ, отчего произошло медленное ду-

шеніе, даетъ полное право разсматривать эти дѣйствія, какъ истязаніе» ($^{70}/_{453}$ по д. Шишкова).

«Признаніе подсудимаго виновнымъ въ томъ, что, надѣвъ на шею жены своей веревочную петлю и привязавъ конецъ веревки къ ножкѣ стола, давилъ жену петлею, придаетъ его дѣйствіямъ характеръ истязаній и мученій, о которыхъ говоритъ ст. 1489» ($^{69}/_{875}$ по д. Высотскаго).

«Опущеніе кого-либо въ прорубь составляетъ истязаніе» ($^{70}/_{158}$ по д. Калошина).

«Нанесеніе побоевъ, при чемъ виновные мучительно стягивали жертву веревкою, посредствомъ палки, голову, вполнѣ подходитъ подъ понятіе мученій, указанныхъ въ ст. 1489» ($^{76}/_{167}$ по д. Иванова [1]).

Вотъ что это за статья.

Скажите, можно ли признать Линевицъ виновной по этой статьѣ?

Можете ли вы приравнять наказанія г-жой Линевицъ ея дочери, наказанія очень суровыя, къ «опусканію зимой въ прорубь», «мучительному крученію головы веревкою, при посредствѣ палки» и прочимъ *пыткамъ*, о которыхъ говоритъ эта статья?

А присяжнымъ былъ поставленъ одинъ только вопросъ:

— Виновна ли подсудимая Марія Линевицъ въ томъ, что въ теченіе 97 и 98 годовъ обременяла свою пріемную дочь непосильною для ея возраста работой, за неисполненіе этой работы и всякія другія мелкія провинности и безъ причины наносила ей побои руками, палкою, веревкою, колотушкою, прутомъ и дру-

---

[1]) „Уложеніе о наказаніяхъ", изд. Н. С. Таганцева. 1898 г.

гими предметами, чѣмъ причиняла ей рядъ продолжительныхъ мученій?

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ означалъ бы обвиненіе Линевицъ по ст. 1489, т.-е. обвиненіе въ особомъ истязательствѣ, мучительствѣ, причиненіи пытокъ.

Защитникъ Линевицъ, ни на одну минуту не отрицавшій, что Линевицъ била свою пріемную дочь, просилъ поставить еще вопросъ о причиненіи легкихъ побоевъ.

Это предусмотрѣно статьей 142 уст. о нак., нал. мир. суд., и наказывается арестомъ до 3 мѣсяцевъ.

Судъ ему отказалъ.

Тогда защитникъ просилъ поставить вопросъ о причиненіи г-жой Линевицъ тяжкихъ побоевъ.

Это предусмотрѣно ст. 1533 уложенія о наказ., которая «гласитъ»:

«За нанесеніе съ умысломъ, хотя и не подвергающихъ жизнь обиженнаго опасности, однакожъ тяжкихъ побоевъ, виновный приговаривается:

«Къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или же заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 8 мѣсяцевъ».

Судъ и въ постановкѣ такого вопроса отказалъ.

Присяжнымъ пришлось итти разрѣшать только вопросъ:

— Виновна ли Линевицъ въ такихъ истязаніяхъ, которыя равносильны пыткѣ?

Конечно, нѣтъ, въ *такихъ* истязаніяхъ она неповинна.

Но присяжнымъ, видимо, не хотѣлось оправдывать Линевицъ совершенно. Они не хотѣли обвинять ее въ такомъ преступленіи, какого она не совершала, и хотѣли, очевидно, хотѣли обвинить ее въ томъ, что она дѣйствительно совершила.

Черезъ нѣсколько минутъ присяжные вернулись въ залъ за разъясненіемъ:

— Могутъ ли они дать ограничительный отвѣтъ?

То-есть обвинить Линевицъ въ жестокомъ обращеніи, но отвергнуть только признаки «истязанія», которыхъ требуетъ ст. 1489.

Имъ отвѣчали:

— Нѣтъ.

Имъ сказали, что они могутъ отвергнуть только такіе признаки, какъ колотушка, палка и т. д. Отвѣтить:

— Виновна, но не била колотушкой, не била палкой и т. п.

Что же касается самаго существеннаго признака, именно и подводящаго дѣло подъ ст. 1489, «продолжительности мученій», то, если бы присяжные рѣшили отвергнуть этотъ признакъ, этимъ самымъ они отвергли бы составъ преступленія, предусмотрѣнный въ вопросѣ, а потому могутъ отвѣтить въ такомъ случаѣ только отрицательно:

— Нѣтъ, не виновна.

Такъ было сказано присяжнымъ.

Имъ не давали рѣшать вопросъ: наносила ли Линевицъ тяжкіе побои, они должны были отвѣчать:

— Истязала ли пытками Линевицъ свою дочь?

Т.-е. совершала ли то, чего она не совершала.

При такихъ условіяхъ несправедливое отношеніе къ подсудимому можетъ быть продиктовано только

однимъ высшимъ соображеніемъ: заботой о несчастной дѣвочкѣ.

— Пусть лучше ужъ виновный получитъ наказаніе больше, чѣмъ онъ заслужилъ, но не страдаетъ за то невинный.

Обвинительный приговоръ, вовсе не соотвѣтствующій «мѣрѣ содѣяннаго», можетъ быть продиктованъ присяжнымъ только опасеніемъ:

— Оправдаемъ. А какъ же дѣвочка? Дѣвочку опять ей отдадутъ.

Тутъ такого опасенія не могло быть.

Дѣвочка, теперь 16-лѣтняя барышня, давно уже взята у Линевицъ, находится въ хорошихъ рукахъ, у людей, которые воспитываютъ ее, учатъ въ гимназіи наравнѣ съ родной дочерью.

И ей ничто не грозитъ: Линевицъ на судѣ отреклась отъ всѣхъ правъ на нее, она заявила, и это занесено въ протоколъ, оформлено:

— Въ виду того, что наша жизнь совмѣстная невозможна, въ виду того, что я не могу дать дѣвочкѣ того воспитанія, котораго она по своимъ способностямъ заслуживаетъ, въ виду, наконецъ, того, что дѣвочка теперь устроена вполнѣ хорошо, я совершенно и навсегда отказываюсь отъ всякихъ правъ на нее.

Слѣдовательно, единственное основаніе совершить несправедливость,—и то отпадало.

И присяжные спокойно совершили дѣло справедливости.

Ихъ спросили:

— Виновна ли Линевицъ въ томъ, что предумышленно истязала, мучительствовала, подвергала пыткамъ свою пріемную дочь?

Они черезъ какія-нибудь 2—3 минуты вышли и сказали:

— Нѣтъ, въ *этомъ* она не виновна!

Развѣ ихъ вина, что имъ не дали отвѣтить на тотъ вопросъ, на который они хотѣли отвѣтить, на вопросъ о томъ, виновна ли Линевицъ въ томъ, что она дѣйствительно совершала?

Прокуроръ.

— Нашего брата не долюбливаютъ!—сказалъ товарищъ прокурора, закуривая скверную сигару (по жалованью!)

— Про нашего брата даже дамы говорятъ: «Фу, какой злюка!» А россійское общество, въ смыслѣ разсужденія, — дама. Доказательство? Россійское общество книги любитъ сентиментальныя, разсужденія сентиментальныя. Самая дамская особая примѣта! Адвокатъ всегда душка, прокуроръ всегда злюка. Адвокатовъ дамы на рукахъ носятъ, адвокатскими карточками фотографы не хуже, чѣмъ тенорами, торгуютъ. И если, напримѣръ, гдѣ-нибудь, скажемъ, на курортѣ съѣдутся знаменитый адвокатъ и модный теноръ,—большой еще вопросъ: кто въ дамскомъ вниманіи верхъ возьметъ.

— Они мастера слова! Художники!—замѣтила какая-то дама.—Оттого имъ и теноровое поклоненіе!

— Такъ и мы мастера слова,—отвѣтилъ товарищъ прокурора,—и среди насъ есть художники! Былъ ли, однако, примѣръ, чтобы хоть мужчины,—часть общества все-таки болѣе разсудительная,—вынесли когда-нибудь прокурора изъ суда на рукахъ? Или былъ ли примѣръ, чтобъ какая-нибудь дама къ фотографу

зашла: «Нѣтъ ли у васъ портрета прокурора такого-то?»

Всѣ засмѣялись.

— Вотъ! Вамъ даже самая мысль объ этомъ смѣшна!— пожалъ плечами товарищъ прокурора.—А между тѣмъ это было бы куда логичнѣе. Со стороны общества куда разумнѣе и справедливѣе было бы устраивать лестныя овацiи прокурорамъ, чѣмъ адвокатамъ! Кто обязанъ адвокату? Отдѣльныя личности. Подсудимые, которыхъ онъ защитилъ и оправдалъ. Человѣкъ вмѣсто того, чтобъ на Сахалинъ плыть или въ арестантскихъ ротахъ гнить, на свободѣ гуляетъ. Конечно, онъ очень обязанъ. Такъ пусть же эти отдѣльныя личности и благодарятъ адвокатовъ за столь хорошее устройство ихъ судьбы. Тогда какъ обществу услугу оказываетъ только прокуроръ. Да что тамъ! Давайте пари держать, что у насъ никто не знаетъ даже толкомъ, какую услугу оказываетъ обществу прокуроръ! Желаете?

— Ну, какъ не знать!—замѣтилъ кто-то.—Это всякiй знаетъ!.. Прокуроръ... ну... того... Это очень важная заслуга... избавлять общество отъ вредныхъ или опасныхъ элементовъ!

Товарищъ прокурора съ недоумѣнiемъ пожалъ плечами:

— Извините меня, но вы говорите... еще разъ простите!.. чистѣйшiй вздоръ! Если бы какой-нибудь прокуроръ былъ увѣренъ въ томъ, что его назначенiе избавлять общество отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ,— такой прокуроръ пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ.

— Почему?

— По многимъ причинамъ. Во-первыхъ изъ честности. Потому что за такую миссiю невозможно браться:

ее невозможно исполнить. Вредные и опасные элементы существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ Ева взяла запрещенное яблоко. Кто больше принесъ вреда человѣчеству? И когда человѣчество подвергалось большей опасности, чѣмъ тогда, когда Ева подходила къ яблонѣ? Вредные и опасные элементы для общества существуютъ столько же, сколько существуетъ человѣчество. Въ первой семьѣ былъ Каинъ. И число вредныхъ и опасныхъ элементовъ ничуть не уменьшается. На всякаго Авеля есть Каинъ. И прокуроръ, вообразившій, что его задача избавлять общество отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ, пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ отъ сознанія безсмыслицы,—полной безсмыслицы такой миссіи. Представьте себѣ, что въ домѣ завелись блохи. И вотъ является къ вамъ человѣкъ и предлагаетъ:

— «Хотите, я васъ отъ блохъ освобожу?

— «Какъ же вы это сдѣлаете?

— «А я буду блохъ поодиночкѣ ловить. Поймаю и задавлю. И до тѣхъ поръ этимъ буду заниматься, пока всѣхъ блохъ не переловлю и не передавлю».

«Вы посмотрѣли бы на такого человѣка, какъ на сумасшедшаго.

— «Да пока вы этихъ ловить будете, новыя наплодятся! Вѣдь это такъ и будетъ perpetuum mobile.

«Вы отлично знаете, для того, чтобы блохъ не было, надо самимъ чисто жить. А поодиночкѣ всѣхъ не переловишь. Какъ же вы хотите, чтобъ прокуроръ, существо разумное, такъ нелѣпо свою миссію понималъ?!

— Но прокуроръ все-таки... Онъ устрашаетъ,—замѣтилъ еще кто-то.

Товарищъ прокурора снова пожалъ плечами:

— Простите меня,—изъ кулька въ рогожу! Идея объ устрашеніи стоитъ идеи объ избавленіи. Даже мы, юристы, ужъ при всемъ нашемъ самолюбіи и самомнѣніи давнымъ-давно отказались отъ сладкой надежды кого-нибудь устрашить наказаніемъ. Оттого и наказанія все позволяемъ смягчать и смягчать. Прежде и четвертовали и колесовали. А преступленій было не меньше, чѣмъ теперь. Мысль о наказаніи ни одного преступника не пугаетъ просто потому, что она ни одному преступнику не приходитъ въ голову. Тотъ, кто совершаетъ преступленіе такъ называемое съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, потому и совершаетъ его, что вполнѣ увѣренъ:

— «Не попадусь!»

«Только поэтому онъ и идетъ на преступленіе. Такого дурака еще не родилось, который бы думалъ, идя на преступленіе:

— «Непремѣнно я попадусь! И Богъ дастъ, меня накажутъ!»

«Преступники же по страсти, изъ любви, изъ ревности, по злобѣ, въ запальчивости совершаютъ преступленіе въ такомъ состояніи, что ни о какомъ наказаніи въ это время думать не могутъ. Люди вообще ничего соображать не могутъ, гдѣ же имъ тутъ думать:

— «А что мнѣ за это будетъ?»

«Да что бы ни было! На то въ ту минуту и идутъ! Слѣдовательно, устрашить ни той ни другой категоріи преступниковъ наказаніе не можетъ, потому что объ этомъ вопросѣ и не думаютъ! У насъ, напримѣръ, большинство преступниковъ, темныхъ и невѣжественныхъ людей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о законахъ и законныхъ карахъ, увѣрены, что за убійство пола-

5*

гается смерть. И все-таки идутъ, грабятъ и убиваютъ. Онъ законъ-то себѣ еще страшнѣе представляетъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, а все-таки наказаніе его не пугаетъ. Потому что онъ думаетъ о другомъ:

— «Не попадусь!»

«Гдѣ же его каторгой напугать, если и смерть не пугаетъ?»

— Да, но все-таки... преслѣдуя виновныхъ, вы даете нравственное удовлетвореніе обществу... Необходимое возмездіе! — сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, чтобы какъ-нибудь поощрить товарища прокурора

И снова товарищъ прокурора пожалъ плечами:

— Самая ненужная для нашего общества штука! Возмездіе! Я имѣлъ уже непріятность замѣтить, что мы народъ сентиментальный. Народъ славянскій, мягкодушный. Ужъ къ чему, къ чему, а къ возмездію-то наше общество рѣшительно никакого вопля не чувствуетъ. У насъ преступникъ возбуждаетъ негодованіе, когда о преступленіи только что прочли въ газетахъ репортерскую замѣтку. «Ахъ, злодѣй!» А когда на него надѣли сѣрый халатъ и кандалы, онъ уже для насъ не «злодѣй», а «несчастненькій». Мы не камнемъ его, а изъ послѣднихъ копейку дадимъ. О какой же тутъ «потребности въ возмездіи» рѣчь можетъ быть? Въ Парижѣ однажды, во время отпуска, мнѣ пришлось быть на разборѣ одного дѣла объ убійствѣ. Такъ вотъ, когда подсудимаго въ судъ вели, еще неизвѣстно было, насколько онъ виновенъ, толпа чуть его не разорвала. Окружили. «На смерть! На смерть его!» Камни полетѣли. Жандармы злосчастнаго человѣка съ опасностью жизни отъ толпы защищали. Зазѣвайся чуть-чуть, и толпа, какъ звѣрь, тутъ же бы подсудимаго въ клочья

растерзала. Вотъ это потребность въ возмездіи! А у насъ! Ведутъ въ Харьковѣ по платформѣ партію каторжниковъ. Дама стоитъ: «Ахъ, сколько тутъ, должно-быть, невинно страдающихъ! Вотъ этотъ мужичокъ, напримѣръ! Какое славное, страдальческое лицо! Пари держу, что онъ ничего не сдѣлалъ!» И къ конвойному офицеру: «Скажите,пожалуйста,что это за мужичокъ?»— «Полуляховъ, убійца семьи Арцымовичей въ Луганскѣ!» Дама—разъ въ обморокъ. Оказывается, родственница убитыхъ. У нея цѣлую семью родныхъ звѣрски перебили, а она вмѣсто того, чтобы всѣхъ преступниковъ на свѣтѣ возненавидѣть, изъ мести озвѣрѣть, каторжниковъ безъ слезъ видѣть не можетъ:

— «Ахъ, бѣдные! Какъ они, должно-быть, страдаютъ!»

«Не славянская душа? Какая же тутъ рѣчь можетъ быть о «потребности въ возмездіи?» Возмездіе! У насъ каторгой да арестантскими ротами орудуешь, такъ и то тебя «злюкой» считаютъ. А во Франціи прокуроръ безъ зазрѣнія совѣсти всенародно кричитъ:

— «Требую головы подсудимаго!»

— Словно людоѣдъ,—замѣтила съ содроганіемъ одна изъ дамъ.

— Вотъ! Вотъ! Вы говорите: «Словно людоѣдъ!» А французы съ удовольствіемъ слушаютъ и сочувствуютъ. Потому что душа ихъ возмездія требуетъ. Онъ для ихъ удовольствія, безо всякой надобности такъ-таки этой самой сакраментальной формулой и садитъ:

— «Требую головы!»

«Попробуй-ка у насъ прокуроръ не то, что «требую головы! а просто «въ каторгу его!» поэнергичнѣе крикни, знакомые отворачиваться будутъ. «Звѣрскіе

инстинкты какіе-то!» Какая ужъ тутъ потребность въ возмездіи! И какъ ей удовлетворять, когда и самой такой потребности въ мягкой славянской душѣ нѣту?

— Ну, вы, прокуроръ, однако, ужъ того!—засмѣялся кто-то.—Должно-быть, по привычкѣ нападать, вы и на себя ужъ очень напали! Позвольте васъ отъ васъ же защитить. По-вашему, ужъ очень мрачно выходитъ! Спасать и предохранять общество, вы ни отъ чего не спасаете и не предохраняете. Устрашать, никого не устрашаете. Нравственнаго удовлетворенія въ видѣ «возмездія виновному» не даете, потому что въ немъ и надобности у общества не чувствуется? Что - нибудь, однако, вы дѣлаете? Зачѣмъ-нибудь да существуете? За что же вамъ въ такомъ случаѣ оваціи устраиваютъ? Какой такой признательности вы отъ общества требуете?

Товарищъ прокурора бросилъ докуренную плохую сигару и закурилъ новую такую же.

— Что есть прокуроръ? Ангелъ-хранитель общества. Добрая фея, которая посылаетъ обществу сладкіе, успокоительные сны. Общество спитъ, а я, какъ добрая няня, сижу около изголовья и непрестанно отгоняю надоѣдливыхъ мухъ.

— «Не разбудили бы малютку! Не потревожили бы ангельскаго сна!»

«Если бы не было на свѣтѣ прокуроровъ, вы бы, господа, лишились сна и, можетъ-быть, даже аппетита. Возьмемъ, напримѣръ, самую лучшую изъ защитительныхъ рѣчей, какая только есть на свѣтѣ. «Воскресеніе» — Толстого. Ею не одна выдуманная Катюша Маслова, а тысячи и тысячи дѣйствительно существующихъ Катюшъ Масловыхъ защищены. Вотъ вамъ идеально про-

веденное судебное слѣдствіе. Все выяснено. Скажите, если бы дѣйствительно слушалось дѣло этой Катюши Масловой, и на судѣ все было бы такъ выяснено, какъ выяснено у Толстого, оправдали ли бы Маслову не только въ отравленіи купца,—въ этомъ-то она и такъ неповинна,—но и во всемъ дурномъ, что было въ ея жизни?

— Ну, конечно!—заговорили кругомъ.

— И почему бы оправдали? Не правда ли, что у всякаго шевельнулась бы мысль: какъ будто онъ и самъ во всемъ этомъ дурномъ почему-то виновенъ? У каждаго бы явился вопросъ: а не толкнулъ ли и я когда-нибудь въ грязь проходившей мимо меня какой-нибудь Катюши Масловой?

— Конечно, у всякаго шевельнулась бы мысль!.. Разумѣется, у всякаго что-нибудь въ этомъ родѣ было... Всякій кого-нибудь въ своей жизни да толкнулъ въ грязь!

— Вотъ видите! И всѣ были бы смущены. А я, прокуроръ, упрощаю дѣло до крайности:

— «Проститутка Маслова отравила съ цѣлью ограбленія».

«И только. И вы спите спокойно:

— «Почему отравила? Потому что существо само по себѣ гнусное: проститутка. Сослали въ каторгу, и не жаль проститутку!»

«Или возьмемъ хоть «Власть тьмы». Тоже беру, какъ образцово проведенное защитникомъ судебное слѣдствіе, гдѣ все выяснено, ничего въ тѣни не осталось. Развѣ васъ не хватали за сердце слова Митрича:

— «Мужикъ, тотъ хоть въ кабакѣ или въ замкѣ чему научится!»

«И не чувствовали вы себя неловко, что вотъ вы учитесь въ гимназіяхъ и университетахъ, а около васъ братья должны учиться только въ кабакѣ или въ острогѣ? И не спрашивали вы себя:

— «Что же я сдѣлалъ для малыхъ сихъ?»

«И не казалось вамъ, что вы, даже не подумавшіи никогда о томъ, что надо что-нибудь сдѣлать, какъ будто виновны и въ этой «тьмѣ» и въ ея «власти». И что преступленія Никиты, Матрены, Анисьи не есть только преступленія Никиты, Матрены да Анисьи, а какъ будто и вы въ чемъ-то тутъ «замѣшаны»?

— Дѣйствительно. Жутко читать.

— Вотъ видите. А я, ваша добрая фея, упрощаю все до послѣдней степени. «Убиты Петръ и ребенокъ. Убили Анисья и Никита по предварительному уговору съ Матреной. Случается каждый день, дѣло обыкновенное и уложеніемъ предусмотрѣно. Руководили корысть и злая воля». И вы спите спокойно:

— «Порокъ наказанъ! Чего жъ еще больше?»

«Отъ проклятыхъ вопросовъ васъ спасаемъ. Всякое преступленіе, если въ немъ хорошенько порыться, чего только тамъ не найдешь! Преступленіе — какъ хорошая окрошка! Чего туда только вчерашняго рачительная хозяйка или мошенникъ-кухмистеръ не положитъ. Это надо ѣсть, закрывши глаза-съ! Мнѣ одинъ французъ, жившій въ Москвѣ, говорилъ:

— «Я, monsieur, окрошку даже любилъ, но только до тѣхъ поръ, пока не увидалъ, какъ она готовится. А какъ увидѣлъ, что дичь квасомъ поливаютъ и въ сметану огурцы кладутъ, — желудокъ мой сталъ это отвергать!»

«Если вы начнете въ преступленіи копаться,— чего тамъ не найдете. Какой завали, какъ въ окрошкѣ, сдѣланной въ мошеннической кухмистерской. Тутъ и соціальныя условія, «вліявшія», и экономическія, и бытовыя складки. И наслѣдственность: отцы съ матерями, вотъ какъ вы дѣлаете, грѣшки потомству передавали,—«расплачивайтесь!» И виноватыхъ-то, въ концѣ-концовъ, окажется не одинъ, а множество. И вы на скамьѣ подсудимыхъ окажетесь, ибо тоже во всѣхъ этихъ «условіяхъ» со своей стороны виновны. Если бъ всѣ преступленія разсматривались такъ же подробно, какъ Достоевскій разсмотрѣлъ преступленіе Раскольникова или Толстой — Никитино и Матренино, на свѣтѣ не было бы правыхъ людей, всѣ были бы виноваты! Во всемъ виноваты! Какъ бы послѣ этого спалось? Аппетитъ, къ жизни аппетитъ можно бы потерять. А у меня просто:

— «Злая воля».

«Все и объяснено. Спите спокойно. Кушайте на здоровье. Если на свѣтѣ что и случается, то отъ злой воли. И никого больше винить не въ чемъ! Величайшій благодѣтель не человѣчества,—нѣтъ! ихъ смѣшивать не слѣдуетъ,—а «общества», если вы хотите знать, есть Ломброзо. У того это ужъ прямо до геніальной простоты сведено: «шишка!» Убилъ,— такая шишка на головѣ есть: не убить не могъ. Укралъ, — шишка: на воровство самой природой чрезъ шишку обреченъ. Кто въ чемъ виноватъ? Никто и ни въ чемъ!

«Такую теорію, ради собственнаго спокойствія, надо бы съ распростертыми объятіями принять. Благодѣяніе для общества! Страховка сна и аппетита. Но какъ и всѣ величайшіе благодѣтели общества, Ломброзо не

признанъ и поруганъ. Самъ виноватъ, впрочемъ! Зачѣмъ на конгрессахъ криминалистовъ опыты дѣлать! Дадутъ ему человѣка:

— «Воръ! Только и дѣлаетъ, что воруетъ! Не можетъ не воровать! Такую шишку имѣетъ. Вотъ!»

«А человѣкъ, оказывается, безъ спроса никогда чужого ничего не взялъ. Что жъ Ломброзо? Остается, какъ гоголевскому городничему, сказать:

— «Онъ хоть и не укралъ, а все-таки воръ: со временемъ что-нибудь украдетъ!»

«Изъ-за этой анекдотичности благодѣтельная ломброзовская теорія и не пошла. Но у насъ, у прокуроровъ всего міра, есть тоже своего рода шишка:

— «Злая воля!»

«Удивительно это успокоительно, что на свѣтѣ есть злая воля.

— «Почему случилось преступленіе?»

— «Попался человѣкъ со злой волей».

— «Случай!»

— «За что человѣкъ въ каторгу пошелъ?»

— «Злая воля оказалась!»

— «Стòитъ и слѣдуетъ!»

«И можете спать спокойно.

«На свѣтѣ все прекрасно устроено, не надо только имѣть злой воли. На свѣтѣ хорошо, — дурно живется только людямъ со злой волей. И это, въ свою очередь, очень хорошо: было бы дурно, если бъ людямъ со злой волей хорошо жилось!»

«Вотъ-съ, милостивые государи, та великая миссія, которую мы исполняемъ относительно общества. Вы спите; мы, какъ добрая няня, отгоняемъ отъ васъ мухъ и напѣваемъ:

—«Баю-баюшки-баю!»

«Отъ обобщеній, отъ «аппрофондированій» спасаемъ. Каждое преступленіе само по себѣ, какъ отдѣльный анекдотъ, разсматриваемъ. А вы же насъ! Такъ и ребенокъ иногда,—проснется да няню ножкой! А только, благодаря ей, и выспался».

Товарищъ прокурора закурилъ новую сигару.

Я вышелъ, потому что въ комнатѣ было ужъ слишкомъ накурено.

Одиночное заключеніе.

Гг. гуманные тюрьмовѣды-теоретики могутъ полагать, какъ угодно. А вотъ тюрьмовѣдъ-практикъ, одинъ изъ сахалинскихъ смотрителей, знаменитый своей жестокостью, великій спеціалистъ по части тѣлесныхъ наказаній, полагалъ такъ:

— Драть бросилъ. Что дранье! Ко всему человѣкъ привыкаетъ. А вотъ хорошенькое одиночное заключеніе, къ тому никто уже не привыкнетъ!

Онъ считалъ одиночное заключеніе наказаніемъ куда болѣе тяжкимъ, чѣмъ самая жестокая порка.

Вы можете совершенно безопасно присутствовать при самыхъ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, но войти въ камеру къ человѣку, долгое время сидящему въ одиночномъ заключеніи,—не безопасно.

Когда въ Рыковскомъ намъ хотѣли открыть камеру арестанта, сидѣвшаго второй мѣсяцъ въ одиночномъ заключеніи, изъ-за дверей послышался отчаянный вопль:

— Не входите! Убью!

И смотритель тюрьмы счелъ за лучшее приказать:

— Не надо. Не открывайте. Съ ними, знаете, отъ одиночнаго заключенія случается.

— Но вѣдь то, скажутъ, сахалинскія одиночки, смрадныя, ужасныя, гдѣ люди заживо гніютъ. А то усовершенствованныя одиночныя тюрьмы.

Вотъ фактъ.

Въ Одессѣ построили усовершенствованную одиночную тюрьму «крестомъ». По бельгійскому образцу. «Послѣднее слово».

Прежняя одесская тюрьма была старымъ «тюремнымъ замкомъ», грязнымъ, вонючимъ, душнымъ, пропитаннымъ зловоніемъ.

И при переводѣ арестантовъ изъ этого стараго промозглаго замка въ усовершенствованную одиночную тюрьму начались безпрестанныя покушенія на самоубійство.

Служащимъ приходилось «глядѣть въ оба»: безпрестанно то того, то другого вынимали изъ петли

Арестанты плакали по старой тюрьмѣ.

Вотъ, что такое усовершенствованная одиночка.

И гг. тюрьмовѣды знаютъ это. Не даромъ при устройствѣ одиночекъ главное вниманіе обращается на то, чтобы арестанту не на чемъ было удавиться.

— Э! говорятъ. Эту перекладинку нужно убрать! Повѣсится!

Вотъ единственная «хорошая» мысль, которую возбуждаетъ одиночная тюрьма.

Автору этихъ строкъ приходилось опрашивать не одну сотню арестантовъ, просидѣвшихъ въ одиночкѣ во время предварительнаго слѣдствія. Извѣстно, съ какой быстротой у насъ ведутся предварительныя слѣдствія. Люди все были хорошо знакомые съ одиночкой на долгій срокъ.

Всѣ они мучились въ одиночномъ заключеніи галлюцинаціями зрѣнія.

Въ этихъ галлюцинаціяхъ есть одна особенность.

Разнымъ людямъ кажется разное. Одному казалась огромная лягушка, другому мужикъ въ красной рубахѣ. Но всегда и всѣмъ казались: *ярко-зеленая* лягушка, мужикъ въ *ярко-красной* рубахѣ.

Совершенно естественный протестъ зрѣнія, замученнаго бѣлымъ цвѣтомъ стѣнъ одиночки. Глазъ привыкъ получать цвѣтныя впечатлѣнія. И когда ихъ нѣтъ, этотъ «голодающій глазъ» создаетъ себѣ яркія галлюцинаціи.

Второе, что мучитъ одиночныхъ арестантовъ, галлюцинація слуха. Усовершенствованная одиночная тюрьма словно для того и создана, чтобъ ихъ порождать.

Усовершенствованная одиночная тюрьма строится «крестомъ», для удобства надзора.

Отъ круглой центральной площадки расходятся «крылья», представляющія собой огромные сквозные коридоры, прорѣзывающіе зданіе сверху донизу. По стѣнамъ коридора желѣзные лѣстницы и балкончики у каждаго этажа.

Наконецъ въ самыхъ усовершенствованныхъ тюрьмахъ ни лѣстницъ ни балкончиковъ, а большая подъемная желѣзная платформа, которая поднимается на этажи, когда надо посадить новаго арестанта, вывести изъ камеры, раздать арестантамъ пищу, для докторскихъ и смотрительскихъ обходовъ и т. п.

Въ огромныхъ коридорахъ камень и желѣзо. Благодаря этому, резонансъ прямо чудовищный. Каждый звукъ, раздавшійся въ мертвой тишинѣ, гулко отдается во всемъ зданіи, звучитъ чудовищно.

Вотъ вы и представьте себѣ положеніе арестанта, сидящаго въ мертвой, гробовой тишинѣ одиночки. Время отъ времени пронесется какой-то страшный,

гулкій, таинственный звукъ и замреть. И снова гробовая тишина. А напуганные нервы ждутъ...

Тутъ же помѣщаются и карцеры.

Часто и днемъ и по ночамъ гулкіе, огромные, пустые коридоры наполняются воплями, воемъ, которые здѣсь звучатъ прямо чѣмъ-то нечеловѣческимъ.

Арестантъ, арестантка истерически вопятъ, колотятся въ дверь въ припадкѣ ужаса, безумія.

Ихъ тащатъ въ карцеръ.

И мертвая тишина смѣняется дикими, невѣроятными, нечеловѣческими звуками.

Вся тюрьма дрожитъ отъ ужаса.

— Убиваютъ? Пожаръ?

Разстроенное воображеніе рисуетъ что-то страшное.

И смотрители тюремъ скажутъ вамъ, что въ такія минуты истерическое безуміе охватываетъ всю тюрьму.

Масса арестантовъ начинаютъ стучать въ двери, плакать, вопить.

Тѣ, которые еще въ силахъ сдерживать себя, бѣгаютъ по камерѣ въ ужасѣ:

— Вотъ-вотъ сейчасъ у меня, помимо моей воли, вырвется вопль и начнется припадокъ.

Тогда тюрьма напоминаетъ сумасшедшій домъ. Хуже, — домъ, гдѣ сидятъ приговоренные къ сумасшествію.

Часто такія «истерическія эпидеміи» возникаютъ безъ всякихъ причинъ

Человѣку кажется, что за стѣной вопитъ, плачетъ, хрипитъ умирающій. Онъ начинаетъ въ ужасѣ истерически вопить, и за нимъ вопитъ въ ужасѣ вся тюрьма.

Потрясающая нервы смѣна могильной тишины на адъ нечеловѣческихъ звуковъ порождаетъ галлюцинаціи слуха, галлюцинаціи всегда страшныя и мучительныя.

Чтобъ занять одиночныхъ арестантовъ, имъ ставятъ въ камерѣ станки, верстаки для работъ.

Въ одиночкѣ и такъ воздуха разсчитано еле-еле на человѣка, а когда каморку загромождаютъ еще верстаками, дышать въ ней становится положительно нечѣмъ.

Среди арестантовъ вы сразу отличите человѣка, отбывающаго одиночное заключеніе. Они быстрѣе пріобрѣтаютъ «ту особенную бѣлизну, которая бываетъ на лицахъ людей, проведшихъ долгое время взаперти, и которая напоминаетъ ростки картофеля въ подвалѣ», по удивительному сравненію Л. Н. Толстого.

На почвѣ истощенія, малокровія, худосочія, нервныя страданія развиваются съ особою силой. И одиночная тюрьма, выпуская цынготнаго съ задатками чахотки человѣка, выпускаетъ въ то же время и нервнобольного, анормальнаго.

Извѣстно, что одиночные арестанты часто, только что выйдя изъ тюрьмы, совершаютъ удивительно звѣрскія преступленія. Иначе и не можетъ быть. Чего же другого ждать отъ человѣка, котораго сдѣлали анормальнымъ?

Что же достигается цѣною этихъ человѣческихъ жертвоприношеній и цѣной того, что готовятся для общества новые опасные люди?

Велика изобрѣтательность тюрьмо-изобрѣтателей, но велика изобрѣтательность и арестантовъ.

Лишенные возможности переговариться другъ съ другомъ, они перестукиваются. Въ одиночной усовершенствованной тюрьмѣ безпрерывно работаетъ телеграфъ. Самый точный и аккуратный телеграфъ въ мірѣ.

— Передать такому-то № то-то.

— Такой-то номеръ отвѣчаетъ то-то.

Перестукиваются черезъ стѣну, по трубамъ для отопленія, по водопроводнымъ трубамъ.

А «тюремный клубъ», при сплавной системѣ, переговоры посредствомъ клозетовъ. Чисто-начисто вымывъ клозетъ, арестантъ говоритъ въ него, какъ въ телефонъ:

Передать № такому-то то-то и то-то.

И цѣлыя огромныя бесѣды ведутся такимъ способомъ.

Наконецъ вѣдь есть же окна и форточки.

Люди, не видя другъ друга, ведутъ разговоры. Каждое окно у нихъ за номеромъ. И по стѣнѣ все время гуляютъ передаваемые другъ черезъ друга сообщенія, разсказы.

Если бы можно было подкрасться къ стѣнѣ, чтобъ зоркій арестантскій глазъ не замѣтилъ, мы бы услыхали, какъ вся «одиночная» тюрьма разговариваетъ.

Но проникнуть въ эту тайну тюрьмы нѣтъ возможности. Раздается магическое:

— Шесть!

И всѣ разговоры моментально смолкаютъ. Тюрьма затихаетъ, пока не минуетъ опасность.

Я дѣлалъ опытъ въ той же усовершенствованной одесской тюрьмѣ, при посредствѣ сидѣвшаго тамъ знакомаго мнѣ одиночнаго арестанта.

Я просилъ его узнавать, гдѣ, кто, за что сидитъ. И при «свиданіи», когда я являлся къ нему на посѣщеніе, онъ доставлялъ мнѣ всѣ самыя точныя свѣдѣнія.

Наводя затѣмъ справки, я убѣждался въ вѣрности свѣдѣній.

Чего же добиваемся мы, отнимая у людей здоровье, разбивая ихъ нервы, дѣлая ихъ анормальными?

Только того, что они, бесѣдуя, не имѣютъ возможности смотрѣть другъ другу въ лицо.

Исчезнутъ ли тягчайшія наказанія?

Упраздненная за безчеловѣчность плеть 50 лѣтъ тому назадъ была введена изъ гуманныхъ побужденій. Она замѣнила собою кнутъ. Кнутъ вырѣзывался изъ сырой кожи, высушивался, и получался квадратъ съ острыми, рѣжущими краями. Помощникъ палача бралъ раздѣтаго приговореннаго за руки, взваливалъ себѣ на плечи. Палачъ съ крикомъ: «Поддержись, ожгу», съ разбѣга наносилъ ударъ вдоль спины. При каждомъ ударѣ кнутъ острыми краями вырѣзалъ изъ тѣла ремень вдоль всей спины. Это дѣлалось публично и называлось «торговою казнью». И это было, дѣйствительно, казнью. При большомъ количествѣ ударовъ это была смертная казнь, только продолжительная и мучительная. При небольшомъ количествѣ ударовъ,—мучительство и искалѣченіе человѣка навѣкъ. Какъ ужасенъ былъ кнутъ, свидѣтельствуетъ то, что въ тѣ жестокія времена, когда палки и шпицрутены назначались тысячами, удары кнутомъ назначались десятками. И это считалось наказаніемъ болѣе тяжкимъ. Что такое былъ кнутъ, мы можемъ судить: старый каторжанинъ, получавшій тысячи палокъ, ходившій сквозь строй, число полученныхъ плетей считающій тысячами, а розогъ даже не считавшій, черезъ пятьдесятъ лѣтъ помнилъ

полученные на Конной площади десятки ударовъ кнута и вспоминалъ о нихъ съ ужасомъ: «Передъ кнутомъ все остальное—ничего» [1]). Кнутъ былъ 50 лѣтъ тому не только уничтоженъ, а казненъ за безчеловѣчность. Не хотѣли даже, чтобы самая память о кнутѣ оставалась. Кнутъ былъ не только отмѣненъ, но приказано было имѣющіеся кнуты закопать въ землю. Похоронить. Мѣсто безчеловѣчнаго кнута заняла плеть. Законъ,— «законы святы», — хотѣлъ уничтожить мучительство и искалѣченіе. Но «исполнители» ухитрились и изъ плети сдѣлать такое же точно орудіе смерти, тягчайшаго мучительства и искалѣченія, какимъ былъ кнутъ. Теперь за безчеловѣчность отмѣнена и плеть, — оставлены только розги. Чтобъ уничтожить мучительство, искалѣченіе и задираніе насмерть, уничтожены даже «лозы». Тутъ маленькая «техническая» подробность, которую надо пояснить. Розга и лоза одинъ и тотъ же «инструментъ» — это прутъ аршина въ два длиною. У него огромный размахъ и сильный ударъ. Розга свиститъ въ воздухѣ какъ стальная рапира. Послѣ каждыхъ двухъ ударовъ берется новый прутъ, а то измочалится и не будетъ, пожалуй, такъ больно. Чтобъ при сильномъ, изо всей силы, размахѣ прутъ не сломался, къ нему съ половины подвязанъ другой прутикъ. Если сѣкутъ тонкимъ концомъ прута,—это «розги». Если ударяютъ толстымъ концомъ, тонкій держа въ рукѣ,—это «лозы», или «комли». Наказаніе куда болѣе мучительное и искалѣчивающее человѣка. «Лозы» отмѣнены, оставлены только розги. Но вотъ вопросъ, могутъ ли тягчайшія тѣлесныя наказанія считаться

---

[1]) См. „Сахалинъ“, очеркъ „Дѣдушка русской каторги“.

уничтоженными? Не сумѣютъ ли «исполнители» такъ же «вполнѣ замѣнить» плеть розгами, какъ былъ вполнѣ замѣненъ кнутъ «гуманной» плетью? Не сдѣлаютъ ли изъ розогъ такого же орудія мучительства, искалѣченія и даже смерти, какимъ была упразднена плеть? Отвѣтъ на это даетъ намъ слѣдующій фактъ: палачъ Терскій наказывалъ палача Комлева плетьми и, желая показать, какъ «можно наказать плетью», искалѣчилъ Комлева на всю жизнь. Черезъ нѣсколько времени провинился Терскій, и теперь уже палачу Комлеву довелось его наказывать. Надлежало дать 100 розогъ. И теперь Комлевъ показалъ Терскому, «какъ можно драть розгами». Терскій послѣ 100 розогъ всталъ искалѣченнымъ и гніетъ всю жизнь [1]). При умѣньѣ и добромъ желаніи, плеть, какъ видите, можно вполнѣ замѣнить розгами. Умѣнья въ каторгѣ очень много, «добраго желанья» тоже не отбавлять... Есть смотрители, которые изъ «простыхъ розогъ», — даже изъ minimum'а 30 ударовъ,—дѣлаютъ орудіе такого мучительства, предъ которымъ меркнетъ наказаніе плетью. Напримѣръ, способъ «растянуть наказаніе на нѣсколько часовъ». Наказываемаго привязываютъ къ скамьѣ въ канцеляріи. Около становится палачъ. Смотритель садится за бумаги. Куритъ, пьетъ чай, читаетъ, пишетъ,—и время отъ времени говоритъ: «ударь» [2]). Это мучительное и издѣвательское наказаніе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, по словамъ самихъ изобрѣтательныхъ смотрителей, «не можетъ сравниться ни съ какими плетьми». Какая же

---

1) См. „Островъ Сахалинъ", А. П. Чехова.

2) См. „Сахалинъ", и „Un bagne russe" (Ile de sakhaline), par Paul Labbé.

гарантія въ томъ, что тягчайшія наказанія, уничтожаемыя закономъ дѣйствительно исчезнутъ?

«Если подвергаемый наказанію розгами,—читаемъ мы,—не будетъ въ состояніи вслѣдствіе внезапно приключившейся болѣзни или слабости выдержать опредѣленное число ударовъ, то производящій наказаніе чиновникъ обязанъ остановить наказаніе и призвать врача».

А если смотрителю покажется, что «негодяй» притворяется? Смотрители всякую болѣзнь у каторжнаго считаютъ «притворствомъ». До тѣхъ поръ, пока на Сахалинѣ не устроили сумасшедшаго дома, смотрители всѣхъ душевно-больныхъ считали «притворщиками» и «исправляли» розгами и плетьми. Смотрители, не стѣсняясь, говорятъ, что у нихъ «одно и то же наказаніе да бываетъ не одно и то же». Наказанія, напримѣръ, назначенныя по суду въ Россіи, «за россійскія преступленія», приводятся въ исполненіе часто легко. Такъ легко, что сахалинскіе товарищи прокурора даже протесты подавали противъ чрезмѣрной легкости наказаній. И въ то же время наказанія за проступки на Сахалинѣ приводятся въ исполненіе жестоко.

— Что они тамъ въ Россіи сдѣлали,—говорятъ смотрители,—насъ не касается. Зато у насъ зла нѣтъ. А вотъ за здѣшнее не помилуемъ, это ужъ насъ касается.

И что, если смотритель преднамѣренно хочетъ особенно мучительно наказать каторжанина? Кто же, наконецъ, эти «чиновники», чтобъ на нихъ полагаться въ діагнозѣ: можетъ ли человѣкъ еще переносить тѣлесное наказаніе, или его состояніе ужъ таково, что пора посылать за врачомъ? Кто эти чиновники? Малограмотные смотрители, выслужившіеся изъ помощни-

ковъ, помощники смотрителей, которымъ говорятъ «ты», чаще же всего наказаніе приводятъ въ исполненіе надзиратели изъ бывшихъ ссыльно-каторжныхъ. Все это народъ, стоящій на такой низкой степени развитія, что отъ нихъ нельзя и требовать, чтобъ они руководствовались «духомъ закона». Зато буквой закона они пользоваться умѣютъ, заботясь только о томъ, чтобы съ формальной стороны все было шито-крыто. Въ законѣ они ищутъ безнаказанности. Между буквами закона — лазеекъ для беззаконія. Тутъ всякая недомолвка, всякій пробѣлъ можетъ послужить уголкомъ, гдѣ спрячется преступленіе.

Когда смотритель нашелъ нужнымъ послать за врачомъ, когда врачъ освидѣтельствовалъ наказываемаго и призналъ, что наказаніе продолжаться не можетъ, когда врачебное управленіе согласилось съ заключеніемъ врача, тогда читаемъ мы:

«Окончательное наказаніе пріостанавливается и отлагается до выздоровленія преступника, послѣ чего онъ долженъ быть подвергнутъ тщательному освидѣтельствованію».

А до начала тѣлеснаго наказанія преступникъ не подвергается медицинскому освидѣтельствованію? А если тѣлесному наказанію будутъ подвергать эпилептика, что случается часто, чахоточнаго, что случается еще чаще, вообще больного?

Говорится:

«Въ случаѣ обнаруженія неизлѣчимой болѣзни преступника тѣлесныя наказанія совершенно отмѣняются».

Но это говорится послѣ словъ о «тщательномъ освидѣтельствованіи», когда уже наказаніе пріостановлено,

потому что наказуемый «впалъ въ болѣзненное состояніе». О предварительномъ, предъ началомъ, медицинскомъ освидѣтельствованіи не говорится ничего. И для людей, знающихъ каторгу, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что низшая тюремная администрація, считающая «гуманною»,—въ каторгѣ слово ругательное,—дѣятельность врачей, стѣснительной для себя, поспѣшитъ воспользоваться «буквой закона». Смотритель имѣетъ возможность наказывать какого угодно больного, не спрашивая у врача: «Освидѣтельствуйте, можно ли?» Какъ врачъ вмѣшается? Смотритель скажетъ ему:

— О предварительномъ освидѣтельствованіи ничего не сказано. Будете свидѣтельствовать, если онъ подъ розгами впадетъ въ болѣзненное состояніе.

Смотритель можетъ наказывать какъ ему угодно. И врачъ не можетъ вмѣшаться.

— Ждите, пока я признаю его состояніе болѣзненнымъ, начну сомнѣваться и позову васъ.

Годами и годами въ каторгѣ началъ устанавливаться такой порядокъ. Передъ наказаніемъ наказуемый свидѣтельствуется врачомъ. При наказаніи присутствуетъ врачъ. Мы говоримъ: «началъ устанавливаться», потому что этотъ порядокъ нарушался ежесекундно. Но теперь онъ можетъ быть и совсѣмъ отмѣненъ.

Роль врача сокращается еще болѣе и можетъ быть сведена совсѣмъ на нѣтъ.

Отъ временъ «мертваго дома» до временъ «мертваго острова» доктора были въ каторгѣ единственными представителями гуманности. Большинство ихъ исполняло этотъ свой долгъ превосходно, часто самоотверженно. Эта дѣятельность докторовъ никогда не нравилась «низшей тюремной администраціи». Если катор-

жанинъ смотрѣлъ на доктора, какъ на своего защитника, то смотритель смотрѣлъ на врача, какъ на злѣйшаго врага. Они жаловались, что доктора своею «гуманностью» распускаютъ каторгу, что доктора мѣшаются не въ свое дѣло, что доктора мѣшаютъ имъ въ законномъ исполненіи обязанностей. Такъ мало-помалу создалась легенда, что доктора противодѣйствуютъ тюремной администраціи, являются чуть не врагами закона и мѣшаютъ его правильному выполненію. Отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній предшествовало многолѣтнее изслѣдованіе вопроса, опросъ свѣдущихъ лицъ, въ томъ числѣ смотрителей каторжныхъ тюремъ. Разъ опрашиваютъ, значитъ, является сомнѣніе въ пользѣ и необходимости тяжкихъ наказаній. А разъ такимъ вѣтромъ повѣяло, значитъ, надо высказывать предъ начальствомъ и соотвѣтствующія мысли. Тюремная администрація спѣшила высказать, очевидно, угодныя начальству «гуманныя» мысли: тяжкія наказанія надо отмѣнить. Но при этой оказіи «гуманные» люди спѣшили «справиться» съ ненавистными докторами. Нельзя ли ихъ посократить? «Гуманность—гуманностью, какъ видите, по нашимъ отзывамъ, мы гуманны. Но гг. врачи злоупотребляютъ и, вмѣсто гуманности, доходятъ уже до беззаконія». Повторялись легенды о противозаконной дѣятельности врачей. И эхо этихъ легендъ слышится намъ въ томъ усиленіи контроля, которымъ окружается дѣятельность врача. Когда наказаніе пріостановлено вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія наказуемаго и позвали врача, «врачъ обязанъ освидѣтельствовать тщательно преступника и, изложивъ въ подробности все найденное, въ заключеніи обстоятельно указать, почему именно онъ признаетъ болѣзненное

состояніе преступника такого рода, что тѣлесное наказаніе для него опасно, и потому должно быть отмѣнено впредь до облегченія или излѣченія болѣзни». Такія свидѣтельства врачей должны быть «провѣряемы врачебными отдѣленіями губернскихъ управъ или замѣняющимъ ихъ учрежденіемъ». Даже, «гдѣ можно, чрезъ личное освидѣтельствованіе». «Если врачебное отдѣленіе согласится съ заключеніемъ врача», тогда только «окончательное наказаніе пріостанавливается и отлагается до выздоровленія преступника». Подъ такой контроль поставленъ врачъ. Контроль всюду и вездѣ хорошая вещь, особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о здоровьѣ или даже жизни человѣка. Но если контролировать врача, то какъ же оставлять безъ контроля смотрителя? Если заключеніе спеціалиста врача: боленъ или не боленъ человѣкъ, подлежитъ контролю, то какъ же оставлять въ безконтрольное распоряженіе невѣжественнаго смотрителя разрѣшеніе вопроса: можно подвергать человѣка тѣлесному наказанію или нѣтъ, можно безъ вреда для здоровья и жизни продолжать наказаніе или пора уже позвать врача?

Иныхъ жалобъ противъ врачей, кромѣ какъ на излишнюю гуманность, до сихъ поръ не было слышно. Но если учреждать контроль надъ тѣмъ, чтобъ не злоупотребляли гуманностью, то нуженъ еще болѣе строгій контроль, чтобъ не злоупотребляли жестокостью. Пусть подлежитъ контролю врачъ, но «пусть подлежитъ контролю и смотритель. А единственнымъ контролеромъ въ вопросѣ о томъ, что вредно и опасно для здоровья, можетъ быть только врачъ. Предоставлять смотрителю рѣшать вопросъ: кого можно по состоянію здоровья и кого нельзя подвергать тѣлесному нака-

занію, и удалять врача во время этой могущей быть опасной для жизни операціи, — значитъ, ставить смотрителя внѣ контроля.

Всей своей предшествующей дѣятельностью служебный персоналъ тюремъ, думаемъ, такого довѣрія не заслужилъ.

Вѣдь, если накажутъ розгами больного, или будутъ продолжать наказаніе, считая болѣзнь «притворствомъ», значитъ, тягчайшіе изъ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній будутъ существовать.

Законъ объ ихъ уничтоженіи—святой законъ. Привѣтствуя его, какъ новую эру въ скорбной жизни каторги, мы боимся только, что съ отмѣной плети случится то же, что случилось съ отмѣной кнута. Что «исполнители», низшій тюремный персоналъ, сумѣютъ розгами вполнѣ замѣнить уничтоженную плеть, какъ въ свое время сумѣли вполнѣ замѣнить плетью упраздненный кнутъ. Что уничтоженный de jure тягчайшій видъ тѣлеснаго наказанія фактически будетъ продолжать существовать. И нарушеніе гуманнаго закона отлично спрячется подъ его буквою.

Судъ въ потемкахъ.

Вчера мнѣ пришлось быть въ окружномъ судѣ.

Я пробылъ около часа, и, когда вышелъ оттуда, противная, мерзкая, мглистая, мокрая, ослизлая петербургская улица показалась мнѣ свѣтлой, веселой и жизнерадостной.

Словно я просидѣлъ гдѣ-то на днѣ колодца.

Нигдѣ богиня Ѳемида не живетъ такъ бѣдно, темно и грязно.

Не будемъ ужъ говорить о заграничныхъ «дворцахъ правосудія».

Но зданіе судебныхъ установленій въ Москвѣ. Но новое зданіе суда въ Одессѣ!

Отъ сырости, отъ мрака, отъ неряшества петербургскаго «Palais de Justice» вѣетъ управой благочинія, вѣетъ участкомъ.

Скверная атмосфера.

Она дышитъ на вошедшаго не судомъ, а расправой.

Это не свѣтлыя, высокія хирургическія палаты, гдѣ дѣлаются операціи, которыя, есть хоть слабая надежда, могутъ принести пользу.

Это моргъ, это покойницкая.

И арестантъ въ сѣромъ халатѣ, котораго провели по темному коридору двое конвойныхъ, показался мнѣ трупомъ, который потащили «потрошить».

Какая-то баба вошла, оторопѣла, принялась словно въ ужасѣ истово креститься и остановилась у дверей, не смѣя итти въ этотъ мрачный сумракъ, въ которомъ сновали угрюмыя тѣни.

— Чего стала на дорогѣ?—сердито окрикнулъ ее кто-то, проходя мимо.

Въ этомъ отвратительномъ сумракѣ всѣ были мрачны, всѣ озлоблены, всѣ брюзжали.

И баба стояла, прижавшись къ стѣнѣ, съ испугомъ глядя на судейскихъ въ формѣ, которые казались ей, быть-можетъ, «страшно сердитыми околоточными».

И на шагавшихъ большими шагами изъ угла въ уголъ адвокатовъ, которые, весьма возможно, казались ей шакалами, ищущими, кого поглотити.

Былъ полдень, а у всѣхъ были утомленныя сонливыя лица.

И мнѣ стало жаль судей,—судей, которыхъ мы такъ часто упрекаемъ въ черствости, сухости, безсердечіи.

Да, но не забудьте, что эти приговоры вынесены людьми, много лѣтъ просидѣвшими въ темнотѣ, безъ воздуха, безъ свѣта.

Отсутствіе воздуха, свѣта порождаетъ у нихъ тяжелыя нервныя страданія.

Повергаетъ ихъ въ удрученное состояніе.

Отсутствіе воздуха дѣлаетъ ихъ вялыми, сонными, апатичными.

Отсутствіе свѣта—мрачными, подозрительными.

Здѣсь, въ темнотѣ, истцы должны казаться судьямъ кляузниками, всѣ отвѣтчики—мошенниками, всѣ подсудимые—хитрыми негодяями, адвокаты—людьми, только

и думающими, какъ бы уклонить судью отъ правильнаго исполненія долга.

Аѳинскій ареопагъ судилъ ночью.

Но это было подъ открытомъ небомъ, подъ открытымъ темно-синимъ бархатнымъ небомъ Эллады, при блескѣ звѣздъ, мягкою, теплою, нѣжною, южною ночью, послѣ цѣлаго дня горячаго, сверкающаго солнца. И судили люди, полные эллинской радости жизни.

Они дышали чуднымъ, благовоннымъ воздухомъ теплой южной ночи, а отъ звѣздъ и отъ темнаго неба вѣяло на нихъ красотой и любовью.

То была прекрасная и величественная тьма, а не грязныя сумерки.

Наконецъ мало ли какія глупости когда дѣлали люди! Въ тысячелѣтія можно и поумнѣть.

Если бы мнѣ суждено было судиться за какое-нибудь тяжкое преступленіе, я хотѣлъ бы, чтобы меня судили въ свѣтлой и просторной залѣ.

Не потому, чтобы собралось побольше народу.

А затѣмъ, чтобы судьи судили меня со свѣжей головой, не измучившіеся въ тяжеломъ, спертомъ воздухѣ.

Затѣмъ, чтобы меня судили люди здоровые, а не люди въ болѣзненномъ состояніи. Не люди, отравленные углекислотой, не люди, задыхающіеся отъ недостатка кислорода.

Я хотѣлъ бы, чтобы въ этой залѣ было свѣтло.

Я хотѣлъ бы видѣть лица моихъ судей, видѣть, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ мои слова, слушаютъ ли они меня, понимаютъ ли, вѣрятъ мнѣ или не вѣрятъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы и они видѣли мое лицо.

Видѣли, что я страдаю, какъ я страдаю.

Пусть судятъ человѣка, а не какой-то призракъ, почти отсутствующій.

Въ темнотѣ залы, гдѣ-то у противоположной стѣны «маячитъ», едва мерещется арестантскій халатъ.

Саванъ, значитъ, покойникъ.

Арестантскій халатъ «спокойно» сидитъ и говоритъ «казенныя слова».

— Да... Нѣтъ... Признаю... Не признаю...

Кто онъ? Какъ онъ относится къ тому, что про исходитъ?

Сидитъ ли онъ безучастно, равнодушно, думая:

«Только бы поскорѣй эту самую канитель кончили. Отсидѣть бы, да и къ сторонѣ».

Или передъ этимъ человѣкомъ въ эту минуту разверзается пропасть, и онъ онѣмѣлъ отъ ужаса.

Плачетъ онъ или зѣваетъ отъ скуки?

Засыпаетъ подъ монотонное чтеніе обвинительнаго акта, или лицо его покрыто мертвенной блѣдностью?

Онъ медлитъ отвѣтомъ.

Почему?

Обдумываетъ онъ:

— Какъ бы половчѣй увернуться.

Или онъ давится словами признанія? Ему тяжко ихъ произнести?

Заливаетъ ли его лицо краска стыда, или онъ улы бается наглой и равнодушной улыбкой?

Мы ничего не знаемъ.

Мы видимъ только въ сумракѣ саванъ, въ который завернутъ трупъ, и думаемъ:

«Трупъ надо похоронить».

Я помню, какъ-то судили какого-то вора.

Въ сумракѣ сѣрѣлъ арестантскій халатъ.

Велъ себя удивительно спокойно.

Отвѣчалъ односложно, да и то нехотя.

Такъ его и приговорили.

А когда мы выходили изъ зала, я слышалъ, какъ одинъ конвойный говорилъ другому:

— Мальчонку-то жаль. Ужъ больно мучился.

Какъ? Онъ мучился?

А мы думали, что арестантскій халатъ сидѣлъ совершенно спокойно!..

Что онъ былъ совершенно равнодушенъ къ своей участи.

И потомъ, это былъ просто «мальчонка».

А мы видѣли только халатъ, и думали, что это обыкновенный, типичный арестантъ.

Но позвольте, да вѣдь мы, кажется, судили совсѣмъ другого человѣка!

Сколько, сколько краски стыда разсѣялось въ этомъ сумракѣ зданія петербургскаго окружного суда!

Сколько слезъ скрылъ отъ міра этотъ сумракъ!

Сколько истиннаго раскаянія утаилъ онъ отъ тѣхъ людей, отъ которыхъ зависѣла жизнь человѣка!

Сколько правды онъ скрылъ отъ судей и присяжныхъ!

И сколько милосердія утонуло въ этомъ сѣромъ, суровомъ, безотрадномъ сумракѣ!..

О гласномъ судѣ.

Въ харьковскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло Лесевицкаго, обвиняемаго въ убійствѣ Бантыша.

И обвиняемый и отецъ убитаго, являющійся въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ, обратились съ ходатайствомъ, чтобъ дѣло слушалось гласно, при открытыхъ дверяхъ.

И, тѣмъ не менѣе, дѣло по распоряженію министра юстиціи (Н. В. Муравьева) слушается при закрытыхъ дверяхъ.

Каждый имѣетъ право требовать, чтобъ его дѣло разбиралось по закону.

А по закону русскій судъ есть гласный судъ.

Лишеніе суда гласности безъ достаточныхъ къ тому основаній служитъ достаточнымъ мотивомъ къ отмѣнѣ приговора.

Таковъ законъ въ толкованіи Сената.

Дѣлается исключеніе только для тѣхъ дѣлъ, гласное разбирательство которыхъ оскорбляло бы стыдливость и нравственность. Такихъ обстоятельствъ въ данномъ дѣлѣ, повидимому, нѣтъ: мѣстныя судебныя власти разрѣшили гласное разбирательство дѣла и раздали билеты на мѣста.

Судъ призванъ охранять и возстановлять нарушенные интересы не только матеріальные, но, что гораздо важнѣе, и нравственные.

Потерпѣвшій или въ случаѣ его смерти его родственники являются въ судъ гражданскими истцами не только за тѣмъ, чтобъ искать матеріальнаго вознагражденія, не только для удовлетворенія жажды мести, но и для того, чтобы возстановить въ глазахъ всѣхъ репутацію или память чистой и не запятнанной:

«Мы пострадали, но пострадали безвинно».

Таково именно положеніе гражданскаго истца въ настоящемъ дѣлѣ.

Вѣдь не десять же рублей за перевозку тѣла сына ищетъ, на самомъ дѣлѣ, убитый горемъ старикъ.

И не сладкому чувству мести долженъ удовлетворять гражданскій искъ, за это намъ порукой имя Н. П. Карабчевскаго. Карабчевскій не возьмется за роль «Спарафучиле» и, высоко ставя званіе «защитника по спеціальности», не станетъ требовать утягченія участи подсудимаго болѣе тяжкимъ наказаніемъ. Это неприлично присяжному повѣренному.

Сынъ убитъ. Отъ сына осталась только память, и старикъ-отецъ хочетъ, чтобъ память эта была въ глазахъ общества чистой и незапятнанной.

Основательно такое желаніе или нѣтъ, вопросъ, который только и можетъ выясниться для общества гласнымъ разборомъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ этихъ такъ называемыхъ «благородныхъ» гражданскихъ истцовъ. Мы полагаемъ, что защита потерпѣвшихъ, какъ и свидѣтелей, должна лежать исключительно на прокурорѣ. И отягчать защиту подсудимаго борьбою съ двумя противниками вмѣсто одного—это значитъ нарушать равенство сторонъ.

Но до тѣхъ поръ, пока законъ допускаетъ такіе иски для возстановленія добраго имени, всякій потерпѣвшій имѣетъ законное право требовать, чтобъ его искъ, предъявленный для гласнаго возстановленія добраго имени, гласно же и обсуждался.

Вѣдь это все, вся вѣра, всѣ надежды, съ которыми потерпѣвшій является въ судъ. Это единственное удовлетвореніе, которое можетъ дать ему судъ.

И лишеніе Бантыша возможности гласно возстановить доброе имя покойнаго сына есть лишеніе его законнаго права.

Скажутъ:

— Для возстановленія добраго имени въ глазахъ общества есть другіе способы. Можно обратиться къ другой гласности—къ газетамъ.

Но, благодаря «запертымъ дверямъ», онъ лишенъ этой возможности навсегда.

До суда Бантышъ не могъ оправдывать память своего сына чрезъ газеты, потому что это значило бы оглашать данныя предварительнаго слѣдствія, что закономъ для газетъ воспрещено.

Послѣ слушанія дѣла при закрытыхъ дверяхъ, онъ также не можетъ обратиться къ газетамъ, потому что оглашеніе обстоятельствъ, служившихъ предметомъ разбора при закрытыхъ дверяхъ, также воспрещено закономъ.

При такихъ ли условіяхъ лишать убитаго горемъ старика единственнаго удовлетворенія?

Требованіе обвиняемаго, чтобъ его дѣло слушалось гласно, есть также требованіе законное и, кромѣ того, справедливое.

Русскій судъ, по законамъ нашимъ, въ основѣ своей есть судъ высоко-нравственный.

Не только судъ, но и наказанія, которыя онъ налагаетъ, имѣютъ по закону цѣлью не карать и казнить, но, по возможности, исправлять и возрождать преступника.

Человѣкъ, чувствующій за собой вину, можетъ желать покаянія гласнаго, всенароднаго, исповѣди въ содѣянномъ во всеуслышаніе. И несомнѣнно, что моментъ такой исповѣди, такого всенароднаго покаянія возродитъ и улучшитъ отягченную грѣхомъ душу лучше, чѣмъ всѣ исправительныя наказанія.

Это относительно обвиняемыхъ, признающихъ себя виновными.

Обвиняемый, считающій себя невиноватымъ, имѣетъ такое же право требовать гласнаго разбора дѣла.

Есть люди, и не приходится жалѣть, что они есть, которые ставятъ честь выше жизни.

И для нихъ доброе мнѣніе людей болѣе важно, чѣмъ признаніе виновнымъ или невиновнымъ по суду.

Не всякій оправданный выходитъ изъ суда съ гордо поднятой головой. Оправданному человѣку, обладающему человѣческимъ достоинствомъ, важно, чтобъ люди знали, почему онъ оправданъ:

— Онъ оправданъ потому, что дѣйствительно не виноватъ, а вовсе не потому, что ловко припряталъ улики.

Точно такъ же не всегда тотъ, кто оказывается формально, по суду, виновнымъ—является такимъ же въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Часто роли на судѣ мѣняются. Общество съ негодованіемъ отворачивается отъ формально праваго по-

терпѣвшаго, потому что онъ истинный виновникъ происшедшаго, и отдаетъ свои симпатіи оказавшемуся формально неправымъ—обвиненному: онъ поступилъ незаконно, но онъ не совершилъ ничего безчестнаго, ничего подлаго.

Вѣдь это послѣднее, что остается подсудимому: всенародно каяться или всенародно жаловаться на нестерпимыя обиды, на горе, на гоненія.

Это—право на стонъ.

Священнѣйшее, потому что оно послѣднее.

Сказать человѣку:

— Мучься и страдай здѣсь въ мертвой тишинѣ закрытыхъ дверей, и никто не услышитъ твоего крика, никто даже не узнаетъ о твоихъ страданіяхъ.

Это слишкомъ.

Суду русскому, суду «милостивому» не надлежитъ лишаться одного изъ лучшихъ своихъ достоинствъ, одной изъ надежнѣйшихъ своихъ гарантій—гласности.

Странные случаи.

(Изъ воспоминаній адвоката).

Вамъ, конечно, часто приходилось читать такіе процессы.

Человѣкъ обвиняется въ убійствѣ любимой женщины. Иногда это сопровождается покушеніемъ на самоубійство.

Но всегда въ дѣлахъ такого рода раздается одинъ и тотъ же мотивъ:

— Хотѣлъ убить себя, а убилъ ее.

Публика на это говоритъ обыкновенно:

— Ладно! Не проведешь! Когда хотятъ застрѣлиться, то пускаютъ пулю въ свой лобъ, а не въ чужой.

И публика по-своему права.

Насколько можетъ быть правъ человѣкъ, который вздумалъ бы вынести приговоръ, не выслушавъ даже объясненій обвиняемаго.

Да, вы не слышите его объясненій.

Вы слышите несвязный лепетъ человѣка, на котораго устремлены сотни глазъ.

Который долженъ публично разсказывать сокровеннѣйшія тайны своего сердца,—часто то, что онъ и про себя-то, въ темнотѣ, проснувшись ночью, вспоминаетъ не иначе, какъ съ краской стыда въ лицѣ.

Это то же, что заставить васъ разсказать интимнѣйшіе эпизоды вашихъ семейныхъ отношеній встрѣчной толпѣ праздныхъ гулякъ.

Вы слышите несвязный лепетъ человѣка, подавленнаго, сконфуженнаго, оробѣвшаго, надъ которымъ виситъ тяжесть приговора.

Развѣ можетъ человѣкъ давать объясненія, просунувъ голову въ кольцо гильотины, когда вотъ-вотъ сорвется топоръ.

Настоящія объясненія этихъ житейскихъ драмъ слышимъ мы, защитники, когда «преступникъ», оставшись съ нами съ глаза на глазъ, минутами даже забывая о нашемъ присутствіи, свободно предается своему горю, раскаянію, воспоминаніямъ, слезамъ, ненависти, стонамъ.

Такихъ дѣлъ, о которыхъ я говорю, у меня было нѣсколько.

Одно въ началѣ еще моей карьеры.

Ко мнѣ обратился изъ острога съ письмомъ бывшій сельскій учитель, обвинявшійся въ покушеніи на убійство любимой дѣвушки.

Онъ пустилъ пулю въ нее и потомъ въ себя.

Оба остались живы: она навѣки искалѣченная,—у него пуля застряла гдѣ-то около шейныхъ позвонковъ.

Она, быть-можетъ, жива и до сихъ поръ,—онъ умеръ вскорѣ послѣ процесса.

Вы никогда не видали этихъ маленькихъ комнатъ «для присяжныхъ повѣренныхъ», гдѣ насъ оставляютъ съ глаза на глазъ съ «преступникомъ».

Та же арестантская камера, только безъ кровати и съ нѣсколькими табуретами.

Ко мнѣ ввели худого, блѣднаго молодого человѣка, недавно оправившагося отъ болѣзни, вырваннаго изъ когтей смерти, чтобъ помучиться еще нѣсколько.

Онъ началъ съ извиненій.

— Простите, что я безпокоилъ именно васъ. Но я читалъ нѣсколько процессовъ, и мнѣ нравилась именно та горячность, съ которой вы всегда отстаиваете подсудимаго. Не подумайте, что я прошу, чтобъ меня оправдали.

«Честное слово, нѣтъ!

«Не все ли равно, что меня ждетъ, когда у меня все наболѣло въ душѣ.

«А вы знаете, что такое наболѣвшее мѣсто.

«Рѣжьте его, жгите,—боли ужъ никакой.

«Меня отправятъ на Сахалинъ, когда я хотѣлъ совсѣмъ уйти изъ этого міра!

«Мнѣ скажутъ, что то, что я сдѣлалъ, преступно, когда я самъ безъ ужаса не могу вспомнить объ этомъ.

«Нѣтъ. Я не заботился объ оправданіи, когда писалъ вамъ.

«Но, видите ли, тутъ есть другая сторона...

«На судѣ будутъ не только разворачивать мою душу, но и передавать изъ рукъ въ руки, разсматривать, разглядывать то, что въ ней таится самаго дорогого. Душа ужъ переболѣла, но когда до этого дотрогиваются, мнѣ больно.

«Да еще какъ дотрогиваются.

«Конечно, мы всѣ—вотъ тѣ, что содержимся здѣсь, не стоимъ сожалѣнія, вниманія, мы преступники, отбросы общества.

«Но и насъ зачѣмъ же рисовать хуже, чѣмъ мы есть?

«Зачѣмъ намъ приписывать мысли, чувства, побужденія, которыхъ даже у насъ не было.

«Обвинители рисуютъ наши портреты одною черной краской и при этомъ часто мимоходомъ замазываютъ то, что на самомъ-то дѣлѣ, въ дѣйствительности, совершенно чисто.

«Богъ вѣсть, какую окраску, въ интересахъ обвиненія, придастъ г. прокуроръ моей бѣдной, моей несчастной любви.

«И вотъ васъ-то я и прошу. Защищайте не меня, а ее, мою бѣдную, несчастную любовь.

«Если обвиненіе набросить на нее тѣнь, не соотвѣтствующую истинѣ, освѣтите ее лучомъ настоящаго свѣта.

«Моего поступка не оправдывайте совсѣмъ, но мою любовь, мою бѣдную любовь, защищайте отъ всякой неправды, которую на нее возведутъ.

«Я не хочу казаться лучше, чѣмъ я есть, но и не желаю, чтобы мое чувство было представлено хуже, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

«Прошу вѣрить тому, что все, что я скажу, будетъ правдой безъ прикрасъ.

«Вамъ-то зачѣмъ я сталъ бы лгать? Да еще при такихъ обстоятельствахъ!

«Относительно всего, что возбудитъ ваше сомнѣніе, недовѣріе, спрашивайте меня спокойно, подробно и безъ стѣсненія.

«Позволите начать?

— Я васъ слушаю.

— Я былъ сельскимъ учителемъ. Вы знаете наше жалованье?

«Его совершенно достаточно для увѣренности, что вы не умрете съ голода... до тѣхъ поръ, пока будете одни.

«А вѣдь бѣдные чувствуютъ такую же потребность любви, какъ и богатые.

Больше бѣдняковъ любовь захватываетъ сильнѣе, чѣмъ богатыхъ.

— ?!?!?!

«— Да, да, это такъ. Богатый отъ несчастной любви ищетъ забвенья.

«Одинъ бросается въ игру, другой ищетъ увлеченій, третій начинаетъ кутить, четвертый уѣзжаетъ путешествовать.

«Одинъ старается утопить несчастную любовь въ винѣ, другой разметать ее по «зеленому полю» третій размыкать по бѣлому свѣту.

«А что дѣлать, напримѣръ, бѣдному сельскому учителю?

«Поѣхать на свое жалованье въ кругосвѣтное путешествіе? Броситься въ игру... съ попадьею въ «дурачки», «пьяницы» и «свои козыри»? Отдаться безумнымъ кутежамъ на рубль пятьдесятъ копеекъ, которые удалось съэкономить въ три мѣсяца отъ жалованья?

«Остается уйти отъ докучливыхъ разспросовъ праздныхъ разговоровъ куда-нибудь въ поле, въ степь, остаться наединѣ со своими думами.

«Одному съ цѣлой толпой воспоминаній, которыя нахлынутъ, побѣдятъ, уничтожатъ.

«Какъ живая встанетъ «она» предъ глазами, и еще пуще разгорится эта любовь.

«Не легко!

«Я познакомился съ Маріей Васильевной здѣсь, когда пріѣзжалъ на учительскій съѣздъ. Она тоже бѣдная дѣвушка. Занималась перепиской у нотаріуса.

«Мы произвели впечатлѣніе другъ на друга, понравились другъ другу, полюбили.

— Виноватъ... Дѣйствительно ли она васъ любила?

Онъ грустно улыбнулся:

«— Мы, бѣдняки, имѣемъ одно преимущество. Насъ не зачѣмъ обманывать.

«Мы не даемъ любимымъ женщинамъ ни средствъ къ жизни, ни положенія, ни связей.

«Насъ можно любить только за насъ самихъ.

«Мы не стоимъ того, чтобы намъ лгали.

«Маня меня любила. Зачѣмъ бы она стала мнѣ лгать?

«Лѣто, — въ школѣ каникулы, я замѣшкался въ городѣ.

«Я не стану вамъ разсказывать про эти свиданія, прогулки, безконечные разговоры до зари, про минуты молчанія, которыя краснорѣчивѣе всякихъ разговоровъ. Все это вы знаете сами... А мнѣ къ чему бередить старыя, незажившія раны.

«Вѣдь мнѣ здѣсь, въ моемъ уединеніи, кажется, что все это было только вчера и что только вчера я самъ разбилъ все.

«Я каждую минуту переживаю то, что преступникъ переживаетъ на другой день послѣ преступленія.

— Простите... Это у васъ зашло... далеко?

«— Чуть было не зашло слишкомъ далеко. Но мы оба опомнились. Вѣдь это была гибель для нея, мученье для меня.

«Жениться?

«А что мы будемъ дѣлать съ моимъ жалованьемъ потомъ, когда пойдутъ дѣти?

«Дѣти—это призракъ, который встаетъ передъ нами, бѣдняками, еще тогда, когда ихъ нѣтъ и въ поминѣ

«Она дала согласіе выйти за меня замужъ.

«Но мысль о будущихъ дѣтяхъ... Какъ должна была она мучить ее, когда и меня-то эта мысль бросала въ холодъ.

«— Ищи себѣ мѣста лучше, и я твоя.

«Я бѣгалъ въ земство, просилъ меня, за мое старанье, усердіе, выслугу лѣтъ, перевести на мѣсто, гдѣ больше жалованья.

«Предсѣдатель, человѣкъ либеральный, блиставшій своими взглядами, своими твердыми принципами, которые онъ въ своихъ рѣчахъ облекалъ въ такую превосходную форму, отказалъ наотрѣзъ.

«Это противъ его принципа, его системы. Учителя—«особенно такіе хорошіе, какъ вы», должны оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ.

«Они пріобрѣтаютъ любовь, уваженіе населенія. Населеніе охотнѣе отдаетъ своихъ дѣтей въ школу. Эта система—великій рычагъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа.

«— Вы останетесь на томъ мѣстѣ, гдѣ вы полезны, гдѣ вы нужны, гдѣ вы сумѣли сдѣлаться необходимымъ. Это вашъ постъ. Вы не имѣете права отлучаться. Вы служите великому дѣлу просвѣщенія народа. Величайшему изъ дѣлъ!

«У слуги «величайшаго изъ дѣлъ» истекало кровью сердце, а ему говорили, что и впереди нѣтъ никакой надежды.

«Я былъ жертвой системы. Однимъ изъ крошечныхъ винтиковъ этой грандіозной системы, которая должна вести народъ впередъ, къ знанію, къ свѣту. Но каково винтику-то?

«Искать другого мѣста, по другой спеціальности?

«— А то великое, святое дѣло, которому вы посвятили себя, вы бросаете?! Малодушно бѣжите, вы, солдатъ съ поста!

«Онъ грустно улыбнулся:

«— Васъ производятъ то въ солдаты, то въ святые и рекомендуютъ умереть на своемъ посту!

«Я ходилъ, искалъ,—ничего!

«Подошло время начала занятій.

«Я не буду вамъ говорить, какъ мы прощались, какъ плакали оба, какія клятвы давали другъ другу.

«Мы писали другъ другу каждый день, и каждое письмо только разжигало нашу любовь, усиливало наши страданія, муки.

«Тогда-то ей пришла въ голову несчастная мысль прекратить мои мученія. Прекратить разомъ. Сдѣлать операцію, вивисекцію, чтобы избавить меня отъ мучительнаго недуга.

«Да, она думала обо мнѣ, только обо мнѣ.

«Теперь-то я понимаю все, но тогда былъ какъ сумасшедшій. Я видѣлъ факты, огорчался ими, радовался, но не могъ понять, сообразить, взвѣсить ихъ истинное значеніе.

«Ея письма стали все рѣже, рѣже, и закончились этимъ ужаснымъ письмомъ.

«Теперь я готовъ за него на колѣни стать передъ этой женщиной, какъ передъ святой. Тогда у меня

только остановилось сердце, когда я прочелъ это письмо.

«Я ничего не чувствовалъ, кромѣ того, что все рушится.

«Считай меня гадкой, негодной женщиной, которая ищетъ только матеріальнаго благосостоянія».

«Я помню наизусть это письмо.

«Значитъ, я никогда не любила васъ, если не согласилась выйти за васъ и довольствоваться вашей любовью и тѣмъ, что вы можете мнѣ дать. Забудьте обо мнѣ, я не стою васъ. Не разспрашивайте ни о чемъ, но я не стою васъ».

«Это письмо наполнило меня ужасомъ.

«Что значатъ эти недосказанныя слова?

«Могъ ли я удовольствоваться ими? Я хотѣлъ знать правду, всю правду.

«И, немедленно, бросившись въ городъ, захватилъ съ собой револьверъ.

«Богомъ Всемогущимъ клянусь вамъ, для себя. Мнѣ ни на одну секунду въ мысли не приходило направить его противъ нея.

«Бѣдняжка рѣшила довести «спасительную» вивисекцію до конца.

«Когда мы увидѣлись, она, для моего спасенія, рѣшила сыграть роль.

«Только теперь я понимаю, чего ей это стоило.

«Но тогда... Если у васъ сердце, поймите, что долженъ былъ почувствовать я, когда она на всѣ мои напоминанія, мольбы, отвѣчала мнѣ:

«— Оставьте меня. Вы мнѣ надоѣли. Я люблю другого.

«Не имѣлъ ли я основаній выхватить револьверъ, чтобы пустить себѣ пулю въ лобъ?

«Себѣ! Клянусь, что даже въ этотъ моментъ мнѣ въ голову не приходила еще мысль убить ее.

«И только, когда я вынулъ револьверъ, предо мной вихремъ пронеслись страшныя мысли.

«Я застрѣлюсь, а она, насмѣявшаяся, надругавшаяся надо мной, будетъ жить, будетъ счастлива, будетъ называть меня дуракомъ,—меня, который отдалъ ей жизнь.

«И меня охватило такое зло за свою жизнь, которую я сейчасъ погублю, за насмѣшки надо мной, за издѣвательства надъ моимъ чувствомъ, за всѣ муки, за всѣ страданія,—за все меня охватило такое зло, что все внутри меня крикнуло:

«— Такъ нѣтъ же! Врешь!

«Я выстрѣлилъ въ нее, потомъ въ ротъ себѣ.

«Меня зачѣмъ-то отходили. Можетъ-быть, кому-нибудь, для чего-нибудь нужно, чтобы надъ человѣкомъ, которому ужъ все равно, произнесли приговоръ...

«Я не прошу васъ добиваться оправдательнаго... Но чувство мое, мою бѣдную любовь, вы оправдайте, если посягнутъ заподозрить ея чистоту»...

О Боже! Что досталось этому «черствому эгоисту, себялюбцу, человѣку «съ каменнымъ сердцемъ» отъ г. товарища прокурора. Но «себялюбца» оправдали, несмотря на его «каменное сердце».

Присяжные поняли, что не комедію люди играютъ, пуская для финала себѣ пулю въ ротъ.

Но это случается рѣдко, гораздо чаще только убиваютъ и не доходятъ до самоубійства.

Ихъ успѣваютъ обезоружить.

Эти люди, дающіе время себя обезоружить, и во мнѣ, ихъ защитникѣ, возбуждали сомнѣніе.

Возбуждали до тѣхъ поръ, пока я не слышалъ ихъ объясненій,—тѣхъ настоящихъ объясненій, которыхъ не слышитъ публика, которые слышали мы съ глаза на глазъ въ маленькой арестантской камерѣ.

У меня было два такихъ дѣла.

Ихъ было бы неинтересно разсказывать.

Любила, разлюбила, хотѣлъ застрѣлиться, застрѣлилъ. Вѣчно одна и та же канва.

— Что же, однако, помѣшало вамъ покончить съ собой?—спросилъ я одного.

— Суду я этого даже не скажу, судъ мнѣ не повѣритъ. Но вамъ мнѣ не зачѣмъ врать. Когда брызнула кровь, когда она помертвѣла, когда она упала, я забылъ даже о самоубійствѣ, какъ забылъ весь свѣтъ. Меня охватилъ ужасъ за нее. Она умираетъ. Я кинулся къ ней. «Леля! Леля!» Можетъ-быть, она еще жива, останется жить... И, говорятъ, я даже очень далеко отшвырнулъ отъ себя револьверъ,—инстинктивно. Но для обвиненія это безспорная улика.

Другой подсудимый объяснилъ еще короче:

— Мои нервы все напрягались, достигли высшаго напряженія, все пошло кругомъ передъ глазами,—дальше я ничего не помню. Все, что накопилось въ душѣ, все разрядилось вмѣстѣ съ этимъ выстрѣломъ. Я не помню, что было дальше. Но говорятъ, я выронилъ револьверъ и, безсильно опустивъ руки какъ плети, пошелъ куда-то въ сторону шатающейся походкой смертельно убитаго человѣка.

Отъ замысла до выполненія еще очень далеко.

И это не должно забывать, когда вамъ приходится слышать о такихъ странныхъ случаяхъ.

Хорошее и дурное одинаково не всегда удается выполнить такъ, какъ задумалъ.

И если даже геніямъ не всегда удавалось выполнить то, что они задумали, и такъ, какъ они задумали, то какъ же вы этого требуете отъ обыкновенныхъ людей.

Двѣ правды.

Въ вагонѣ перваго класса сидѣли другъ противъ друга и спорили два человѣка.

Одинъ—вида петербургскаго. До послѣдней степени корректный. Вещи уложены въ щегольскіе чемоданы заграничной складки. Выраженіе лица такое, какое бываетъ у каждаго петербуржца, когда ему приходится говорить съ русскимъ человѣкомъ, т.-е. строгое.

Другой собесѣдникъ былъ вида московскаго или провинціальнаго. Все у него было въ безпорядкѣ. Вещи въ какихъ-то узелкахъ. И когда кондукторъ спрашивалъ: «Господинъ, вашъ билетъ!»—господинъ приходилъ въ величайшее замѣшательство:

— Батюшки, куда жъ я задѣвалъ.

Шарилъ во всѣхъ карманахъ, смотрѣлъ въ шляпѣ и одинъ разъ даже стыдливо приподнялъ панталону и поискалъ билетъ въ голенищѣ.

— Дѣло юридическое,—и я смотрю съ точки зрѣнія юридической!—строго сказалъ господинъ петербургской складки.

— Дѣло житейское,—и я смотрю съ точки зрѣнія житейской!—добродушно отвѣтилъ ему господинъ складки провинціальной.

Говорили они о томъ, о чемъ говорили тогда всюду и вездѣ,—о Золотовой, о знаменитомъ «происшествіи въ станицѣ Тихорѣцкой».

Объ этомъ былъ разговоръ между всѣми пассажирами.

Всѣ находили, конечно, въ одинъ голосъ:

— Слава Богу, что кошмаръ, который висѣлъ надъ русскимъ обществомъ болѣе мѣсяца, оказался вздоромъ. «Разъясненіе» разсѣяло его совершенно. Дѣло оказалось самымъ обыкновеннымъ.

Какъ вдругъ господинъ съ узелочками предобродушно замѣтилъ:

— А мнѣ этого жаль. И на меня «разъясненіе» произвело гораздо болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ весь прежній разсказъ.

Всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ.

А господинъ петербургскаго вида строго:

— Это какъ же такъ? Позвольте спросить.

Господинъ съ узелками отвѣчалъ очень любезно и охотно:

— А очень просто. По первому ли разсказу, ложному, по второму ли, вѣрному, но самый главный-то фактъ остается. Человѣческая жизнь погибла. Но, по первому разсказу, это, какъ вы совершенно справедливо изволили сказать, представлялось чѣмъ-то чудовищнымъ. Чудовищнымъ, слѣдовательно, невозможнымъ къ повторенію. А по второй, настоящей версіи это является, какъ вы тоже справедливо изволили замѣтить, чѣмъ-то обыкновеннымъ. А обыкновенное можетъ повториться каждый день. Видите ли, когда мнѣ говорятъ: «Такого-то задавилъ слонъ»,—это трогаетъ меня гораздо меньше, чѣмъ когда я слышу: «Такого-то

раздавила лошадь». Со слономъ я, навѣрное, во всю мою жизнь никогда не встрѣчусь. А лошадь можетъ на каждомъ шагу изъ-за угла выѣхать!

— Слѣдовательно, вы предпочли бы исторію со слѣдователемъ-чудовищемъ?

Господинъ съ узелками отвѣтилъ добродушно, но твердо:

— Предпочелъ бы-съ! Вспомните первую исторію. Слѣдователь, чтобъ завладѣть силою первой встрѣчной дѣвушкой, подбрасываетъ ей свои вещи, арестуетъ, запираетъ въ кордегардію, насилуетъ. Натѣшивши свои страсти, отдаетъ жертву сторожамъ: «Тѣшьтесь и вы». Тѣ, въ свою очередь, натѣшившись, начинаютъ ею торговать на всю станицу: «Платите и насилуйте». Тутъ все чудовищно до невѣроятія. Такой слѣдователь съ африканскими страстями—чудовище порока, эротоманъ и безумный.

— Безумный?

— Несомнѣнно, безумный. Онъ шелъ прямо въ каторгу. Представьте себѣ, что изнасилованная имъ дѣвушка не отравилась бы. Вѣдь не могъ бы онъ ее до конца жизни держать взаперти. Рано или поздно пришлось бы отправить ее къ роднымъ «на предметъ удостовѣренія личности». Дѣвушка все разсказала бы роднымъ, родные начали бы дѣло. Свидѣтелей нашлось бы сколько угодно. Вѣдь дѣло происходило въ станицѣ, гдѣ всегда всѣ и про все знаютъ. Разъ въ кордегардію являлись «любители», значитъ, въ станицѣ знали, что въ кордегардіи торгуютъ дѣвушкой. Стоило бы начаться слѣдствію, станичники указали бы на негодяевъ, которые разсказывали, хвастались, смѣялись: «вотъ кто и кто ходили въ кордегардію». Тѣ

указали бы на сторожей, которымъ они платили. Сторожа, чтобъ оправдаться, указали бы на слѣдователя: «Вотъ кто намъ позволилъ!» Разсказали бы, какъ онъ изнасиловалъ. Весь разсказъ дѣвушки подтвердился бы. И слѣдователю грозила бы неминуемая каторга. Или каторга, или бѣжать. Въ томъ и другомъ случаѣ заплатить цѣной всей своей жизни за обладаніе первой попавшейся дѣвушкой. Такой безумный, такой эротоманъ, такое чудовище—невѣроятная рѣдкость вообще среди людей. Встрѣтить на своемъ пути такого слѣдователя, это то же, что, живя въ Россіи, быть раздавлену слономъ. И это утѣшительно. Тогда какъ со второй версіи вы видите передъ собой слѣдователя самаго обыкновеннаго, который дѣйствуетъ самымъ обыкновеннымъ образомъ. А результатъ получается одинъ и тотъ же: женщина отравилась.

— Правосудіе тутъ упрекнуть рѣшительно не въ чемъ. Подозрѣніе въ кражѣ... поличное... арестъ... требованіе залога... въ виду неимѣнія вида, отправка по мѣсту жительства родственниковъ для удостовѣренія личности. Всѣ допросы въ срокъ, безъ промедленія, каждое дѣйствіе скрѣплено постановленіемъ, каждое постановленіе—мотивировкой. Все математически точно. Правосудіе дѣйствовало какъ машина.

И въ тонѣ петербургскаго господина послышалось торжество.

Господинъ обывательскаго вида вздохнулъ:

— Ахъ! Правосудіе дѣйствовало истинно какъ машина! И эта Татьяна Золотова представляется мнѣ маленькимъ, несчастнымъ созданіемъ, которое оступилось и попало въ огромную машину. Это смерть въ машинѣ.

— Татьяна Золотова была воровкой

— Нѣтъ. Она была проституткой. Это мы знаемъ изъ «разъясненія». Если бы она была воровкой, это мы, несомнѣнно, знали бы изъ того же разъясненія Есть вѣдь справки о судимости. Если бы Золотова была воровкой, разъясненіе, дающее намъ всѣ подробности о Золотовой, не умолчало бы и объ этомъ: «Это была ея не первая кража. Она воровка. Судилась тогда-то и тогда-то».

— Но она совершила же кражу на станціи Тихорѣцкой!

— И это неизвѣстно. Татьяна Золотова пріѣхала на станцію Тихорѣцкую пьяная. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, пока надо было ждать поѣзда, она продолжала пить безпрерывно, и допилась до безобразно пьянаго состоянія. Ругалась, вела себя непристойно. Въ этомъ состояніи человѣкъ очень мало отвѣчаетъ за свои поступки. Кражей мы, обыкновенный народъ, называемъ то же, что и вы, юристы: тайное похищеніе чужой собственности. Воръ крадется, старается быть незамѣченнымъ. А Татьяна Золотова идетъ въ чужой вагонъ и трогаетъ чужія вещи не скрываясь, такъ, что ее видятъ. Воръ прячетъ похищенное. Татьяна Золотова кладетъ взятые зонтикъ и шпагу открыто около занятаго ею мѣста. Хоть и есть пословица «доброму вору все впору», но, когда воруютъ, стараются украсть что-нибудь покрупнѣе и поцѣннѣе, и выбираютъ тѣ вещи, которыя удобнѣе спрятать. Ну, зонтикъ. Но шпага? Скажите, что бы стала дѣлать съ чиновничьей шпагой проститутка Золотова въ станицѣ Новопокровской? Есть ли на свѣтѣ вещь болѣе для нея ненужная? Что могла стоить тамъ такая вещь? Сколько можно

было за нее взять? Баба, ѣдущая въ вагонѣ со шпагой! Да вѣдь это сразу, первымъ дѣломъ, бросилось бы всѣмъ въ глаза! Только безчувственно пьяному человѣку, не понимающему, не помнящему, что онъ дѣлаетъ, можетъ прійти въ голову брать самую ненужную ему вещь, съ которой онъ сейчасъ же и первымъ долгомъ попадется. По всей обстановкѣ, по всѣмъ обстоятельствамъ, это былъ скорѣе пьяный, необдуманный поступокъ, чѣмъ злостная кража. Если есть «особо важныя дѣла», то надо сознаться, что это было особо неважное дѣло. Такъ, очевидно, смотрѣлъ и слѣдователь. Онъ, вѣроятно, считалъ это дѣло особенно неважнымъ, особенно пустячнымъ. Иначе подслѣдственной арестанткѣ не давалось бы такой свободы. Отправляя Золотову подъ арестъ, слѣдователь наказалъ, чтобъ ей не мѣшали пріискивать себѣ поручителя. Золотова преспокойно писала письма, посылала телеграммы кому ей угодно. Подъ арестомъ она безпрерывно пила и играла даже въ карты. Значитъ, были и партнеры. Она ходила со сторожемъ по станицѣ, покупала, что хотѣла, и никто даже не интересовался, что покупаетъ себѣ подслѣдственная арестантка. Наконецъ она принимала подъ арестомъ гостей: содержатель «увеселительнаго заведенія», куда ѣхала Золотова, пріѣхавши изъ станицы Новопокровской, былъ у нея, угощалъ водкой, далъ два рубля денегъ. Такъ важныхъ подслѣдственныхъ арестантовъ не содержатъ. Такъ можно держать именно по особо неважнымъ дѣламъ. «Пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ. И все-то дѣло его вздоръ и пустяки». Это и тяжело. Особо неважное дѣло, и кончилось такъ трагически.

— Но кто же зналъ, что такъ кончится! Кто могъ думать!

— Знать, конечно, никто не зналъ. Но подумать стоило. Татьяна Золотова сдѣлала все, чтобъ надъ ея участью подумали. Когда ее арестовали какъ воровку, Золотова покушалась на самоубійство. Обвиняемые часто, конечно, ломаютъ комедію, чтобъ напугать или разжалобить. Но покушеніе Золотовой не было комедіей. Когда сняли петлю, Золотову пришлось приводить въ чувство. Значитъ, было-таки серьезно. Когда ей объявили, что отправятъ съ титуломъ воровки къ роднымъ,—это извѣстіе произвело на Золотову, какъ говоритъ «разъясненіе», очень удручающее впечатлѣніе. Когда ей объявили, что время отправки наступило, она снова была удручена. Какъ еще можетъ человѣкъ «манифестировать» свое отчаянье? И на это стоило, согласитесь, обратить вниманіе. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ правосудіе имѣетъ дѣло съ отдѣльнымъ человѣкомъ. И всегда не лишнее посмотрѣть: что это за человѣкъ?

— Ну, хорошо! Будемъ смотрѣть не съ «машинной», какъ вы называете, юридической, стороны, а съ вашей, житейской. Кто бы могъ думать, что у проститутки окажется такъ сильно развитымъ «чувство чести», что она смерть предпочтетъ позору? Проститутка!

— А почему бы и нѣтъ? У всякаго свои понятія о чести. Есть тысячи воровокъ, которыя будутъ смертельно оскорблены, если вы скажете имъ: «Ты проститутка». Онѣ отвѣтятъ вамъ: «Я потому и ворую, что не хочу торговать собой!» Точно такъ же есть тысячи и тысячи проститутокъ, которыхъ такъ же

ужасно и жестоко оскорбить, если сказать: «Ты воровка!» Она скажетъ: «Я потому и собой торгую, что воровать не хочу». Предоставьте каждому человѣку думать по-своему. Предоставьте думать и такъ: «Лучше зарабатывать деньги ласками, чѣмъ воровать». Почему у проститутки не можетъ быть чувства стыда? Даже особенно болѣзненно развитого чувства стыда? Вся жизнь ея причиняетъ ей стыдъ. И стыдъ проститутки это часто то же, что никогда не заживающая рана, которую постоянно бередятъ. У человѣческаго паденья есть свои ступени. И какъ бы низко ни стоялъ человѣкъ, ему страшно стать еще ниже. У насъ, у порядочныхъ людей, есть многое, чѣмъ мы можемъ гордиться: «Я не дѣлаю того-то, того-то, того-то». У проститутки единственное, что служитъ ей въ честь: «Я, по крайней мѣрѣ, не ворую». И она можетъ дорожить этимъ, дорожить страшно, какъ дорожатъ всѣмъ «единственнымъ». Есть проститутки, которыя именно потому «безпрерывно» и пьютъ, что стыдъ заглушить хотятъ и не могутъ.

— Это ужъ сентименты.

— Я знаю, въ ваше время «сентименты» не въ модѣ. Суровое время. Холодное время. Черствое время. Прежде считалось хорошимъ «во всякомъ прежде всего человѣка видѣть». Отыскивать, находить! Нынче это называется «сентиментами». Однако сентименты за себя мстятъ. За свое упраздненіе. Безъ сентиментовъ, оказывается, нельзя. Безъ сентиментовъ вотъ какія происшествія случаются, какъ въ станицѣ Тихорѣцкой... «Проститутка»—это еще всего не опредѣляетъ. Это только опредѣленіе профессіи. Очень низкой профессіи, но только профессіи. Но вѣдь человѣкъ со-

стоитъ не изъ одной профессіи. А внѣ профессіи, какъ человѣкъ, что онъ собой представляетъ? Вопросъ, который не лишнее себѣ задать, съ кѣмъ бы вамъ ни приходилось имѣть дѣло: съ человѣкомъ самой возвышенной профессіи или самой низкой. «Проститутка», этимъ опредѣляются только ея отношенія къ постороннимъ мужчинамъ. Всякій можетъ взять ее за деньги. Но, кромѣ этого посторонняго, чужого міра у проститутки можетъ быть свой, близкій и дорогой. Есть люди, для кого она не проститутка, а дочь, не проститутка, а сестра. Можно быть проституткой и любящей дочерью, проституткой и нѣжной сестрой. Можно покрыть себя позоромъ, но бояться покрыть имъ мать, отца, брата, сестру. Мы—увы!—знаемъ, и для насъ—увы!—нѣтъ сомнѣнія, что для Золотовой явиться въ Екатеринодаръ къ роднымъ подъ конвоемъ, воровкой, было страшнѣе смерти. Знали ли ея родные о томъ, что она проститутка? Но пусть даже и знали, пусть даже примирились съ этимъ позоромъ. Но покрыть ихъ головы новымъ позоромъ! Явиться къ нимъ не только проституткой, но и воровкой! Въ душѣ дѣвушки происходила страшная драма. Страшная, потому что она закончилась страшнымъ финаломъ. И окружающіе видѣли, что происходитъ эта драма: Золотова покушалась на самоубійство, Золотова была «удручена». Жизнь робко пищала, что надо войти въ положеніе. Но требовалось соблюденіе формальностей. И это требованіе формальностей заглушало робкій голосъ жизни.

— Формальностей?

— Самыхъ законныхъ, конечно. Но формальностей, смѣю полагать. У Золотовой не было вида. Она обви-

нялась въ кражѣ. Слѣдователю необходимо было знать, кто она такая въ дѣйствительности, Золотова ли? Онъ отпускалъ ее, отпускалъ на всѣ четыре стороны, но требовалъ 100 рублей залога. Развѣ требованіе сторублеваго залога не формальность? Отъ чего это гарантируетъ? Такая ли это сумма, чтобъ человѣкъ сказалъ себѣ: «Нѣтъ, ужъ лучше въ тюрьмѣ насижусь, только такихъ денегъ не потеряю». Представимъ себѣ, однако, что у Золотовой нашлись бы сто рублей, и она внесла бы ихъ въ видѣ залога. Что бы это доказывало? Что у Золотовой есть какіе-то, несомнѣнно, нехорошимъ путемъ пріобрѣтенные сто рублей. И только. И больше ничего. Представимъ себѣ, что содержатель «увеселительнаго заведенія», который пріѣхалъ изъ станицы Новопокровской, вмѣсто того, чтобъ только угостить Золотову и подарить ей два рубля, внесъ бы за нее сто рублей залога. Что бы это доказывало? Что онъ очень цѣнитъ Золотову какъ проститутку, что она необходима для его увеселительнаго дома. Все вопросы, которые совершенно не интересны для слѣдователя. На единственный же интересовавшій вопросъ,—дѣйствительно ли она Золотова,—сто рублей залога не отвѣчали и отвѣчать, конечно, не могли. Развѣ это не формальность?

— Вотъ для того, чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, слѣдователь и постановилъ отправить Золотову къ роднымъ въ Екатеринодаръ.

— Да, но не была ли эта отправка тоже формальностью? Была ли она существенно необходима? На это намъ даетъ отвѣтъ жизнь. Золотова умерла. Трупъ Золотовой въ Екатеринодаръ не отправляли. Родныхъ Золотовой въ станицу Тихорѣцкую не выписывали.

Никакихъ очныхъ ставокъ не было. И, тѣмъ не менѣе, про Золотову все извѣстно, вся подноготная, вся ея жалкая, несчастная біографія. Дочь сапожника, проститутка, находилась подъ надзоромъ врачебно-полицейскаго комитета, ѣхала изъ Екатеринодара въ станицу Новопокровскую, на ярмарку, въ «увеселительное заведеніе» такого-то. Все! Кто, откуда, куда. Можно же было собрать всѣ эти, самыя подробныя, самыя точныя свѣдѣнія безъ посылки Золотовой въ Екатеринодаръ? Безъ той посылки, которая такъ ужасала несчастную дѣвушку, которая была для нея, какъ мы видимъ, страшнѣе смерти. А разъ можно было все узнать безъ посылки по этапу, какъ же не сказать, что эта посылка была простой формальностью. И что вся трагедія произошла изъ-за столкновенія жизни съ формальностями. Изъ-за того, что формальности побѣдили жизнь! Вотъ почему я и говорю, что мнѣ пріятнѣе было бы, если бъ оказалась вѣрной первая, лживая, «чудовищная» версія разсказа. Чудовища рѣдки. Съ чудовищемъ когда еще встрѣтишься, да еще и встрѣтишься ли. А формалистовъ много. И на формальность можно наткнуться каждую минуту. Она страшна, когда сильна.

— Вообще,—съ раздраженіемъ замѣтилъ господинъ петербургской складки,—не понимаю, поднимать столько шума изъ-за какой-то тамъ проститутки!

Господинъ съ узелочками добродушно отвѣтилъ:

— А почему бы и нѣтъ? «Проститутка». Книжка, въ которой было написано это слово, умерла вмѣстѣ съ нею. Это для васъ, съ вашей точки зрѣнія, ничего не умираетъ, все остается на бумагѣ. И людей нѣтъ, а есть бумаги. Книжка врачебно-полицейскаго надзора,

протоколъ о совершеніи кражи, постановленіе о личномъ задержаніи. А я сужу такъ, по-житейски. Почему же и не пожалѣть о бѣдной дѣвушкѣ? Занималась плохой профессіей, но стыдъ имѣла. А пока не потерянъ стыдъ, не все еще потеряно. Дѣвушка была молодая, еще вся жизнь была бы впереди, если бъ въ безсознательно - пьяномъ видѣ неизвѣстно для чего какой-то чужой шпажонки не взяла. Жалко!

Петербургскаго склада господинъ сердито пожалъ плечами:

— Излишекъ сентиментальности!

Господинъ съ узелочкомъ улыбаясь отвѣтилъ:

— Ну, знаете, послѣ всего этого происшествія ужъ о чемъ, о чемъ, а объ излишкѣ у насъ сентиментальности говорить не приходится!

Поѣздъ прошелъ «Пѣтушки».

Пассажиры ложились спать.

— Спокойной ночи! — сухо сказалъ господинъ петербургской складки, доставъ изъ несессера резиновую подушку и накрываясь англійскимъ пледомъ.

— Пріятныхъ сновидѣній! — добродушно отвѣтилъ господинъ съ узелочками, подкладывая подъ голову кулакъ

— Мы съ вами никогда не столкуемся!—строго замѣтилъ петербуржецъ.

— Навѣрное! — добродушно отвѣтилъ провинціалъ.

— Я сужу съ юридической точки зрѣнія!—обиженно отозвался петербуржецъ.

— А я съ житейской,—отвѣтилъ господинъ съ узелочками,—и полагаю такъ, что и правосудіе-то существуетъ для жизни, а не наоборотъ!

Господинъ петербургской складки сердито ничего не отвѣтилъ.

Добродушный человѣкъ съ узелочками откровенно захрапѣлъ.

Дуэль [1].

Императоръ Николай I, котораго ужъ никто, конечно, не заподозритъ въ недостаткѣ рыцарства, называлъ дуэль «подлостью».

Его современникъ, Пушкинъ, котораго никто не заподозритъ въ недостаткѣ прогрессивныхъ идей, дрался и былъ смертельно раненъ на дуэли.

Наполеонъ презиралъ дуэль, и когда шведскій король Густавъ IV вызвалъ его, отвѣтилъ:

— Если королю непремѣнно угодно драться, я пошлю къ нему, въ качествѣ уполномоченнаго министра, любого изъ полковыхъ учителей фехтованія.

Тогда какъ Лассаль былъ убитъ на дуэли.

Дюпенъ старшій, знаменитый оберъ-прокуроръ кассаціоннаго суда въ Парижѣ, въ одномъ изъ своихъ заключеній, такъ характеризуетъ дуэль [2]:

— Дуэль, милостивые государи, есть состояніе дикости. Это совсѣмъ не право, а доводъ наиболѣе силь-

---

[1]) Матеріалами для настоящей статьи послужили: „Русская Старина“, „Историческій Вѣстникъ“, „Русскій Архивъ“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Отечественныя Записки“, „Les causes celebres“, „Судебные ораторы во Франціи“—г. Шмакова, „Судебныя рѣчи“—г. Кони, „Дуэль и кассаціонный судъ“, „Значеніе Божьихъ судовъ по русскому праву“—А. Лохвицкаго и др. источники.

[2]) Дѣло Барона и Нессона.

наго или наиболѣе ловкаго, иногда самаго дерзкаго!.. Вызвать на дуэль не значитъ атаковать лишь частное лицо, совершить проступокъ въ отношеніи только него, какъ при обыкновенной кражѣ или убійствѣ; нѣтъ, это, прежде всего, посягательство на общій миръ, презрѣніе къ закону, возстаніе противъ государственнаго порядка. Дуэлисты хотятъ управлять сами собой, глумятся надъ верховной властью страны, гдѣ живутъ.

А оберъ-прокуроръ кассаціоннаго департамента сената А. Ф. Кони въ одной изъ своихъ, еще обвинительныхъ, рѣчей выразился по этому поводу такъ [1]:

— Защитникъ подсудимаго [2]) въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей сравнивалъ дуэль съ войною. Если бы войны совсѣмъ прекратились, если бы наступили годы «жирнаго мира», онъ сказалъ бы, какъ сказалъ бы то же по отношенію къ обществу, въ которомъ понятіе о чести стало бы столь безцвѣтно, такъ заглохло бы, что въ защиту его человѣкъ хотя изрѣдка не рисковалъ бы своимъ лучшимъ достояніемъ—жизнью. Я въ значительной степени съ нимъ согласенъ.

Какой-нибудь лордъ Розберри, у котораго, конечно, чувства собственнаго достоинства хватитъ на половину Европы, только расхохочется, если ему пришлютъ вызовъ на дуэль. А мелкій парижскій клеркъ будетъ съ презрѣніемъ изгнанъ изъ среды своихъ товарищей, мелкихъ клерковъ, если откажется отъ поединка.

Гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ разобьетъ палкой голову всякому, кто его ударитъ, и, будучи сторонникомъ Брайена, будетъ

---

[1]) Дѣло объ убійствѣ коллежскаго асессора Чихачева.

[2]) Прис. пов. Спасовичъ.

стрѣляться со всякимъ сторонникомъ Рузвельта, который скажетъ, что Брайенъ шарлатанъ.

Одинъ идетъ жаловаться на обиду въ судъ, другой просто убиваетъ, третій посылаетъ вызовъ. Женщина плачетъ отъ обиды и ищетъ защиты у мужа, брата, отца, друга, у перваго встрѣчнаго, чья внѣшность ей внушаетъ увѣренность въ его порядочности.

Впрочемъ, и женщины не всегда только плакали или бѣжали за защитой къ сильному полу.

Во время регентства во Франціи надѣлала много шума дуэль маркизы де-Пель и графини Полиньякъ. Со шпагами въ рукахъ онѣ явились оспаривать любовь герцога Ришелье.

Дамы дрались даже съ мужчинами.

При Людовикѣ XIV славилась искусствомъ драться на шпагахъ оперная пѣвица г-жа Мопенъ. Она имѣла нѣсколько дуэлей. Однажды на балу она оскорбила какую-то великосвѣтскую даму. Три кавалера этой дамы хотѣли вывести дерзкую артистку. Въ отвѣтъ она вызвала всѣхъ троихъ на дуэль и всѣхъ троихъ убила.

Еще въ 1828 году въ Парижѣ одна дѣвушка вызвала на дуэль своего невѣрнаго друга, офицера.

Офицеръ захотѣлъ испытать ея мужество.

Пистолеты, безъ вѣдома молодой дѣвушки, были заряжены холостыми зарядами

По условію, она стрѣляла первая. Выстрѣлила и потомъ спокойно стала ожидать выстрѣла противника. Тотъ долго продержалъ ее подъ дуломъ пистолета и, видя, что хорошенькая противница безъ трепета ожидаетъ пули, выстрѣлилъ въ воздухъ, обнялъ ее,—и миръ былъ заключенъ.

Еще въ 1833 году въ Лондонѣ мистрисъ Роза Кроби заколола на дуэли соперницу, отбившую у нея мужа.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросилъ на судѣ председатель.

— Вопросъ неприличенъ.

— Дѣло не въ приличіяхъ. Отвѣчайте.

— Законъ даетъ мнѣ право не отвѣчать на ваши вопросы!

— Итакъ, вы не хотите сказать, сколько вамъ лѣтъ?

— Я не прочь сказать вамъ, но я не хочу, чтобъ это слышали всѣ любопытные, которые здѣсь находятся; пошлите мнѣ секретаря, я скажу ему на ухо, а онъ передастъ вамъ.

Это дословная передача процесса.

— Умѣете вы фехтовать?

— Нѣтъ.

— А ваша покойная противница?

— Умѣла отлично.

— Отчего же вы избрали дуэль на шпагахъ, а не на пистолетахъ? Для дуэли послѣдняго рода достаточно имѣть вѣрный глазъ, а на шпагахъ этого мало.

Обвиняемая (сконфузившись). — Я... я... не люблю оружія, которое... огнестрѣльнаго оружія.

Противъ дуэлей боролись всячески.

Строгими наказаніями.

Но что можетъ устрашить человѣка, котораго не пугаетъ смерть?

Безславіе? Но высшее безславіе для него — отказаться отъ дуэли.

Король Генрихъ IV назначилъ смертную казнь за дуэль. За время его царствованія во Франціи погибло на дуэляхъ отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ.

Эдиктомъ 1623 года во Франціи король даже принималъ на себя обиды:

— Тѣмъ, которые, изъ повиновенія Богу и намъ, откажутся отъ поединка, или, будучи оскорблены, не вызовутъ оскорбителя, мы объявляемъ, что принимаемъ на себя всѣ упреки, которые имъ могутъ быть сдѣланы.

Пробовали пугать дуэлистовъ безславіемъ.

Петръ I объявлялъ въ своемъ указѣ «негодяемъ» всякаго, кто пошлетъ или приметъ вызовъ на дуэль.

А эдиктъ 1623 года шелъ еще дальше и объявлялъ:

— Мы будемъ считать не только преступниками, но еще и трусами и мерзавцами тѣхъ, которые не будутъ имѣть достаточно благородства и добродѣтели, чтобъ возвыситься надъ отвратительнымъ предразсудкомъ.

Видите, какъ давно дуэль уже считается «предразсудкомъ».

А все-таки она живетъ!

Должностныя лица штата Виргиніи должны давать присягу:

— Клянусь, что я никогда не дрался на дуэли, не дѣлалъ и не принималъ вызова на дуэль, и что считаю себя обязаннымъ по присягѣ и по законамъ чести ничѣмъ не нарушать запрещенія законовъ о дуэли.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ удалось уменьшить количество дуэлей тѣмъ, что дуэлистъ лишается, по закону, почетныхъ правъ: правъ быть избираемымъ.

Совсѣмъ не существуетъ дуэли только въ Англіи.

То, чего не въ силахъ было сдѣлать ни одно правительство, сдѣлало общество.

Въ 1840 году составилось въ Англіи общество, во главѣ котораго стали пэры, адмиралы и генералы. Члены общества обязались честнымъ словомъ никогда не вы-

ходить на дуэль, а рѣшать всѣ споры о чести судомъ посредниковъ, ежегодно назначаемыхъ обществомъ.

Это было въ 1840 году, а уже въ 1844 году, когда мистеръ Турнеръ представилъ палатѣ проектъ закона о дуэли, сэръ Робертъ Пиль торжественно заявилъ, что «Англія больше не нуждается ни въ какихъ спеціальныхъ законахъ о дуэли».

Съ тѣхъ поръ въ Англіи дуэли не существуетъ. И нигдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, личное достоинство человѣка не уважается такъ, какъ въ Англіи.

Итакъ, какъ мы видѣли, ни страхъ быть просто повѣшеннымъ, если уцѣлѣешь на дуэли, ни страхъ быть повѣшеннымъ вверхъ ногами, если будешь убитъ, ни изгнаніе изъ отечества, ни безславіе имени, ни принятіе монархами обидъ на себя, ни тѣ ругательства, которыя расточали эдикты и указы, ни угрозы, ни просьбы, ни брань, ни ласки, ничто не удерживало людей отъ дуэлей.

Дрались, дерутся и будутъ, вѣроятно, еще долго драться.

Дрались во всякомъ возрастѣ.

Въ царствованіе Генриха II молодой дворянинъ Шатонефъ вызвалъ на дуэль своего опекуна Лашесне, 84-лѣтняго старика, вслѣдствіе процесса объ управленіи имѣніемъ.

Молодой человѣкъ, явившись на мѣсто поединка, отказался отъ всѣхъ претензій.

Но 84-лѣтній старикъ отвѣчалъ просто и кратко:

— Мы пришли, чтобы биться, а не разговаривать.

Противники скрестили шпаги.

Оказалось, что предусмотрительный юноша надѣлъ на всякій случай кольчугу подъ платьемъ.

— Негодяй, ты въ латахъ!—воскликнулъ старикъ, замѣтивъ измѣну, и былъ убитъ.

Дрались по всевозможнымъ поводамъ.

Въ Парижѣ, въ 1829 году, двое литераторовъ скрестили шпаги... изъ-за вопроса о классицизмѣ и романтизмѣ въ поэзіи.

Они хотѣли драться насмерть, и секундантамъ едва удалось уговорить ихъ, когда оба были ранены.

Дрались и дерутся на всякомъ оружіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ даже дуэль на топорахъ. Здѣсь каждая рана смертельна.

Дерутся на непріятельскихъ снарядахъ.

Въ царствованіе императора Александра I, во время финляндской войны, старый генералъ Зассъ поспорилъ со своимъ товарищемъ княземъ Долгоруковымъ. Споръ закончился вызовомъ со стороны Долгорукова. Въ это время непріятель атаковалъ редутъ.

— Князь,—сказалъ старый генералъ,—мы не можемъ драться на дуэли въ ту минуту, когда долгъ призываетъ насъ стать впереди войска: мы подали бы дурной примѣръ нашимъ солдатамъ. Поэтому я вамъ предлагаю: станемте оба въ амбразурѣ батареи, на которой непріятель сосредоточилъ весь огонь. И будемъ стоять такъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ насъ не падетъ.

Оба генерала, въ полной формѣ, стали въ амбразурѣ и хладнокровно смотрѣли другъ на друга. Шведы направили на нихъ всѣ выстрѣлы.

Полчаса они геройски стояли среди падавшихъ ядеръ.

Наконецъ Долгоруковъ палъ.

Обѣ арміи пришли въ восторгъ и удивленіе отъ такой дуэли.

Бывали даже дуэли безъ всякаго оружія.

Въ Москвѣ въ свое время славился страшный дуэлистъ графъ Т., тотъ самый, который выведенъ Грибоѣдовымъ въ «Горѣ отъ ума»:

„Въ Камчатку сосланъ былъ,
Вернулся алеутомъ"...

Предъ этимъ «американцемъ», какъ его называли, дрожала вся Москва.

Однажды въ путешествіи онъ поссорился съ морякомъ и сдѣлалъ вызовъ.

Морякъ отказался стрѣляться, говоря, что шансы неравны: онъ почти не умѣетъ стрѣлять, а графъ—превосходный стрѣлокъ.

Тогда графъ предложилъ ему стрѣляться въ упоръ. Морякъ на это отвѣтилъ другимъ предложеніемъ—«морской дуэли», состоящей въ томъ, что оба противника схватываются, кидаются въ море и борются.

Графъ отвѣчалъ, что онъ не умѣетъ плавать. Когда же морякъ сталъ надъ нимъ подтрунивать, что онъ трусить,—графъ кинулся на него, сжалъ его своими мощными руками и кинулся вмѣстѣ съ нимъ въ море.

Матросы успѣли вытащить обоихъ живыми, но морякъ былъ такъ потрясенъ, что черезъ два дня умеръ.

Дрались люди не только тогда, когда чувствовали въ этомъ хоть малѣйшую необходимость, но и просто такъ, безъ всякой необходимости.

Считали дуэль занятіемъ «натурально неразлучнымъ съ благороднымъ званіемъ».

Въ Неаполѣ еще въ XIV вѣкѣ былъ основанъ констеблемъ Альбертомъ Балбіано рыцарскій орденъ св. Георгія. Обязанностью этихъ рыцарей была постоянная

дуэль. Они разъѣзжали по дорогамъ, грабили, оскорбляли и предлагали всѣмъ, кто недоволенъ ихъ поступками, драться на дуэли.

Изъ Италіи этотъ типъ «бреттера» перешелъ во Францію, а оттуда, какъ «французская болѣзнь», распространился по всему міру.

Что же, однако, это за странный обычай, который еще въ XVI вѣкѣ считался «предразсудкомъ» и дошелъ до нашихъ дней, обычай, повидимому, настольк необходимый, что его соблюдаютъ, несмотря на всѣ старанія правительствъ, и настолько, повидимому, безполезный, что въ Англіи, гдѣ его нѣтъ совсѣмъ, личное достоинство человѣка уважается, какъ нигдѣ?

Древніе не знали дуэли.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобъ они были безчестными или не имѣли понятія о томъ, что такое чувство собственнаго достоинства.

Аристида всѣ уважали, къ Эфіальту относились съ презрѣніемъ.

Чувство собственнаго достоинства не допустило аѳинянъ позволить Периклу начертать его имя на всѣхъ выстроенныхъ имъ зданіяхъ, хотя Периклъ и предлагалъ въ такомъ случаѣ взять всѣ расходы по постройкамъ на себя.

Человѣкъ, посвящаемый въ рыцари, становился на одно колѣно, и старый рыцарь ударялъ его рукоятью копья по спинѣ.

Тогда посвящаемый клалъ руку на мечъ и давалъ клятву, что это послѣдній ударъ, который онъ оставляетъ безнаказаннымъ.

Что впередъ онъ ни одного оскорбленія не оставитъ безнаказаннымъ, ни одного вызова не принятымъ.

Вотъ происхожденіе дуэли.

Съ тѣхъ поръ ударъ всегда считается непремѣннымъ и безусловнымъ поводомъ къ дуэли.

Фугеру-де-Кампиньель, одинъ изъ «законодателей дуэли», такъ иронизируетъ по этому поводу:

— Казалось бы, чѣмъ сильнѣе ударъ, тѣмъ больше было насилія, тѣмъ сильнѣе оскорбленіе. А въ дуэляхъ, даже и въ нашъ разсудительный вѣкъ, совершенно наоборотъ. Возьмите бревно, дубину, ударьте изо всѣхъ силъ, обида будетъ очень легкая. Но она увеличится пропорціонально уменьшенію тяжести оружія. Она сильнѣе, если вы ударите обыкновенной палкой, и дѣлается кровавой, если вмѣсто палки будетъ хлыстикъ! Ударъ палкой весьма силенъ въ медицинскомъ смыслѣ, то-есть производитъ болѣе или менѣе значительныя поврежденія въ организмѣ, но онъ считается гораздо менѣе оскорбительнымъ, нежели ударъ рукою, который производитъ лишь красноту. Притомъ, если хотите ударить рукой, то остерегайтесь ее открыть, потому что въ такомъ случаѣ вы дадите пощечину. Сжавъ руку, вы сдѣлаете больше боли, но вы дадите только ударъ кулака. Разница огромная! Кулакъ дѣлаетъ мало шума; можетъ-быть, за него ограничатся только такимъ же ударомъ. Но отвѣтъ на пощечину—дуэль, и дуэль насмерть.

Детали, про которыя можно сказать: надо быть большимъ гастрономомъ по части пощечинъ для того, чтобы различать такія тонкости.

Дуэль, бывшая однимъ изъ рыцарскихъ обѣтовъ, перешла къ ихъ наслѣдникамъ, къ дворянству, какъ обычай.

Французская революція сравняла сословія, сдѣлала привилегіи общими.

И съ тѣхъ поръ дуэль во Франціи дѣлается достояніемъ всеобщимъ.

Въ этомъ отношеніи революція не уничтожила дворянства. Она всѣхъ возвела въ дворянское достоинство.

Всякій имѣетъ почетное право носить оружіе. Всякій имѣетъ право требовать удовлетворенія.

И съ тѣхъ поръ, какъ тысячи модъ и идей, это начинаетъ понемногу распространяться изъ Франціи по Европѣ.

Мирные лавочники выполняютъ обѣтъ, который давался только рыцарями!

Прежде дуэли происходили торжественно, публично, съ разрѣшенія и даже въ присутствіи королей.

Послѣдняя дуэль такого рода была въ 1547 году, при Генрихѣ II, въ Сенъ-Жерменѣ, въ Лайе.

Въ присутствіи короля и всего двора скрестили шпаги кавалеры Шабо-де-Жарнакъ и Вивонь-де-ла-Шатеньери.

Причина дуэли—Жарнакъ публично уличилъ Шатеньери во лжи.

Исходъ—лучшій боецъ своего времени, Шатеньери получилъ рану въ колѣно.

Это его привело въ такое отчаяніе, что Шатеньери сорвалъ повязку и черезъ три дня умеръ.

Смерть любимца такъ огорчила Генриха II, что поединки въ присутствіи короля съ тѣхъ поръ были отмѣнены.

Дуэли съ тѣхъ поръ перестаютъ быть публичными, хотя и теперь еще происходятъ многолюдныя дуэли.

Дуэли въ присутствіи посторонней публики.

И исторія дуэлей сообщаетъ намъ даже о совершенно невѣроятномъ случаѣ—«дуэли-спектаклѣ», въ присутствіи цѣлаго города.

Она произошла въ 1823 году въ Каркассонѣ, во Франціи.

Одному отставному унтеръ-офицеру пришлось выступить въ роли Валентина.

Онъ вступился за честь сестры, тяжко оскорбленной однимъ офицеромъ.

Офицеръ предупредилъ о предстоящей дуэли своего полковника и получилъ разрѣшеніе. Мало того, онъ извѣстилъ еще коменданта и мэра города, какъ будто дѣло шло о театральномъ представленіи. Въ назначенный часъ на крѣпостномъ валу собралось 1,200 человѣкъ зрителей. Для наблюденія за порядкомъ поставленъ былъ цѣлый полкъ.

Стрѣляли по жребію.

Первымъ—офицеръ. Пуля только слегка контузила противника въ голову.

Вторымъ—унтеръ-офицеръ. Противникъ упалъ съ раздробленнымъ черепомъ.

Мы напрасно, однако, стали бы идеализировать времена «рыцарства».

Несмотря на то, что дуэли происходили даже въ присутствіи королей, «рыцари чести» не гнушались измѣны, западни, засады.

Измѣннически убить противника на дуэли не считалось безчестнымъ людьми, которые видѣли оскорбленіе чести въ брошенномъ на нихъ косомъ взглядѣ.

Еще въ 1669 году во Франціи маркизъ де-ла-Донзъ былъ приговоренъ къ смертной казни за измѣнниче-

ское убійство родственника на дуэли и съ искреннимъ изумленіемъ воскликнулъ, идя на эшафотъ:

— Смерть за такой блестящій ударъ?!

Лишь во времена Людовика XIV дуэль принимаетъ характеръ дѣйствительнаго поединка.

И вы, сражаясь съ противникомъ, не должны опасаться, что въ это время вамъ въ спину нанесетъ ударъ наемный «браво»

Уставъ бороться противъ дуэли, законодательство хочетъ ее хоть оформить.

Дуэль считается дуэлью, а не простымъ убійствомъ только при участіи въ ней секундантовъ и при равенствѣ оружія.

Прежде быть секундантами было не такъ весело, какъ теперь

Когда падали противники, дрались ихъ секунданты (secundi—вторые). Когда падали эти, дралась вторая пара секундантовъ, которые назывались «тьерсами».

Еще въ 1833 году, въ дуэли полковника Галуа съ редакторомъ «Figaro» Рокеппаномъ, когда оба противника были ранены, секунданты тутъ же дрались между собой

Дуэль безъ свидѣтелей уже давно приравнивается къ простому убійству, и по такимъ дѣламъ вынесенъ былъ даже не одинъ смертный приговоръ.

Второе обязательное условіе дуэли—равенство оружія и по возможности шансовъ противниковъ.

Англійскіе присяжные приговорили однажды къ смертной казни, какъ умышленнаго убійцу, дуэлиста, поразившаго своего противника изъ пистолета той пары, изъ которой онъ предъ дуэлью въ теченіе нѣсколькихъ дней постоянно стрѣлялъ, тогда какъ про-

тивнику качества этихъ пистолетовъ вовсе не были извѣстны.

Вотъ и все, что обезсилѣвшее во многовѣковой борьбѣ противъ дуэлей законодательство выдумало для урегулированія дуэлей.

Вы видѣли, сколько «презрѣнія» было вылито на этотъ «почтенный» обычай, который въ XVI вѣкѣ считали уже «предразсудкомъ», и который въ XX въ такомъ ходу!

Враги или сторонники этого обычая не могутъ отказать ему въ одномъ—въ крайней живучести.

Онъ не только держится, но по временамъ вспыхиваетъ, какъ эпидемія.

Это стоитъ вниманія.

Дуэль какъ бѣда: она никогда «не приходитъ одна».

Отдѣльный случай дуэли вызываетъ обыкновенно «повѣтріе».

— Дуэль!

Когда это слово прозвучитъ въ воздухѣ, у всѣхъ какъ-то сами собою поднимаются плечи.

Всѣ приходятъ въ необыкновенно дуэльное настроеніе.

Застегиваются на всѣ пуговицы. Закладываютъ правую руку за бортъ сюртука, лѣвую откидываютъ назадъ и говорятъ:

— Чэ-есть!

Именно «чэ-есть», а не просто «честь».

Какъ плохіе нѣмецкіе актеры произносятъ:

— Die E-e-ehre!

Всѣ начинаютъ говорить особеннымъ «дуэльнымъ языкомъ».

«Встрѣча» вмѣсто «дуэли», «друзья» вмѣсто слова «секунданты».

— Онъ послалъ къ нему своихъ друзей, и встрѣча состоялась сегодня.

Всѣ судятъ, рядятъ, становятся необыкновенно придирчивыми ко всякой мелочи.

Всѣ оказываются знатоками дуэли. Точно они всю жизнь только и дѣлали, что изучали «законы дуэли».

И всѣ оказываются дуэлистами! Или хоть какъ-нибудь прикосновенными къ дуэльнымъ дѣламъ.

Этотъ «чуть-чуть» не дрался разъ на дуэли. Тотъ «едва» не попалъ въ секунданты. Этотъ «собирался» вызвать. Тотъ «всенепремѣнно вызоветъ».

Всѣ становятся сверхъестественно придирчивыми къ вопросамъ «чэ-э-эсти».

— Чуть что—дуэль, и никакихъ разговоровъ!

И возникаетъ какое-то «повѣтріе дуэлей».

Если бы законодательство захотѣло сразу уничтожить цѣлую массу вздорныхъ поединковъ, ему стоило бы только возстановить старинное правило дуэлей:

— Секунданты также должны драться.

«Законы дуэли» не разрѣшаютъ, чтобъ дуэль состоялась раньше 24 часовъ послѣ вызова.

Они даютъ противникамъ время поостыть, одуматься.

Поостывши и одумавшись, противники подчасъ приходятъ къ убѣжденію, что «вся исторія не стоитъ выѣденнаго яйца», они больше ужъ не «жаждутъ» крови.

Но зато гг. секунданты жаждутъ эффектной и шикарной исторіи.

Быть участникомъ эффектной исторіи, и притомъ безо всякаго риска!

Дуэль озаряетъ какимъ-то ореоломъ всѣхъ, шаговъ на пятьдесятъ кругомъ!

— Я былъ секундантомъ.

Это вписывается въ послужной списокъ на всю жизнь.

И, повторяемъ, если бы не тщеславіе гг. секундантовъ, двѣ трети вздорныхъ дуэлей кончались бы тихо и мирно.

Но слово «дуэль»—магическое слово!

Произнесенное среди мирныхъ гражданъ, оно ухитряется дѣлать ихъ необыкновенно воинственными.

Въ атмосферѣ, насыщенной словомъ «дуэль», вспыхиваетъ какое-то «повѣтріе».

Но столь ли необходимы эти частыя дуэли для того, чтобъ въ обществѣ поддерживалось уваженіе къ личному достоинству?

Обратимся снова къ той странѣ, откуда мы даже заимствовали свое опредѣленіе безукоризненно порядочнаго человѣка—слово «джентльменъ».

Въ Англіи, какъ мы уже говорили, нѣтъ дуэлей.

Этого, однако, нельзя объяснить только флегматичнымъ характеромъ англичанъ.

До 1840 года Англія была болѣе «страной дуэлей», чѣмъ какая бы то ни было другая.

Въ 1833 году на дуэли дрались даже дамы.

Но въ 1840 году высшее общество подало примѣръ низшему, упразднивъ дуэль.

Дуэль стала «mauvais genre'омъ», «не принятымъ въ высшемъ свѣтѣ».

И дуэли прекратились.

Вѣдь всюду масса дуэлей происходитъ потому, что это считается «grand genre'омъ», чѣмъ-то «принятымъ въ высшемъ обществѣ» и «натурально неразлучнымъ съ благороднымъ званіемъ».

Въ Англіи нѣтъ дуэлей. Но назовите страну, гдѣ бы чувство личнаго достоинства и уваженіе къ личному достоинству другого было развито больше, чѣмъ въ Англіи.

Англичанинъ пишетъ «я»—«J»—съ большой буквы, но зато въ англійскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ слова «ты».

— Вы скверный мальчикъ! — говоритъ мистрисъ своему 4-лѣтнему мальчику.—Станьте въ уголъ!

— Мой достопочтенный противникъ лжетъ!—кричитъ членъ палаты, дойдя до изступленія, теряя даже представленіе о томъ, гдѣ онъ находится.

Но даже въ экстазѣ, въ состояніи аффекта, онъ инстинктивно не забываетъ оттитуловать своего противника «достопочтеннымъ», потому что этотъ знакъ уваженія къ личному достоинству сталъ его плотью и кровью, его второй натурой.

Когда его честь оскорблена, англичанинъ апеллируетъ къ общественному мнѣнію.

Даже тогда, когда безчестіе случилось въ его «святая святыхъ», открываетъ общественному мнѣнію двери своего «home»'а и съ довѣріемъ говоритъ:

— Суди!

«Въ другихъ странахъ одна мысль отдать дѣло своей чести, чести своей жены или дочери на рѣшеніе чиновниковъ-судей и подьячихъ, приводитъ въ негодованіе щекотливаго человѣка. Въ Англіи всякій честный человѣкъ убѣжденъ, что и присяжные, и судьи,

и общественное мнѣніе станутъ за его дѣло, какъ за свое собственное [1])».

Онъ вѣритъ въ общественное мнѣніе, потому что оно есть.

Потому что оно руководствуется здравыми, честными и твердыми принципами.

Онъ знаетъ, что общественное мнѣніе, довѣрчиво допущенное къ его разрушенному семейному очагу, не станетъ отдѣлываться подлымъ хихиканьемъ надъ «рогами» и «Менелаемъ».

Что, грозное и неумолимое, оно явится судить и вышвырнетъ изъ общества негодяя, посягнувшаго на святость семейнаго очага, и недостойную, посмѣвшую втоптать въ грязь честное имя своего мужа.

Честный человѣкъ вѣритъ въ общество, вѣритъ, что оно придетъ къ нему на помощь въ трудную минуту бѣды и несчастія.

Общество не окажется подлецомъ и не станетъ смѣяться надъ несчастнымъ. Оно не окажется трусомъ и не отступитъ предъ могуществомъ, знатностью, богатствомъ. Оно не окажется казуистомъ и не прибѣгнетъ тамъ, гдѣ нуженъ приговоръ, къ уловкамъ:

— Да, конечно... Онъ поступилъ нехорошо... Но это человѣкъ исключительный... Ему можно простить... Онъ такъ талантливъ... Для людей исключительныхъ и мораль нужна исключительная...

Вспомните исторію покойнаго Парнелля.

Всѣ «тори» не могли сокрушить Парнелля, но этотъ талантливѣйшій, этотъ полезнѣйшій, этотъ гуманнѣй-

---

[1]) Лохвицкій: „Дуэль и кассаціонный судъ“.

шій общественный дѣятель палъ въ ту минуту, какъ увезъ чужую жену.

Общество выбросило его, несмотря на всѣ его прочія достоинства.

Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ. Преступникъ не можетъ издавать законовъ.

И карьера Парнелля была кончена.

Это, милостивые государи, а еще больше, милостивыя государыни, называется «общественнымъ мнѣніемъ».

«Общественное мнѣніе» у насъ...

Вы входите въ салонъ.

Если каждый разскажетъ вамъ все, что онъ знаетъ про своего сосѣда, васъ охватитъ недоумѣніе:

— Гдѣ я? Въ салонѣ или въ трюмѣ каторжнаго парохода?

Этотъ нажилъ свое состояніе такими-то и такими-то путями, о чемъ знаютъ всѣ, пожимающіе ему руку.

Этотъ только-только «выкрутился» изъ нѣсколькихъ скверныхъ исторій.

Вотъ эта дама... Но о ней говорятъ такія вещи, что вы только изумляетесь, какъ хозяйка дома, честная женщина, можетъ дышать однимъ воздухомъ съ ней?

И кто же говоритъ?

Сама же хозяйка дома.

Говоритъ — значитъ, вѣритъ всей этой грязи.

Вѣритъ, принимаетъ, усаживаетъ на одно изъ почетныхъ мѣстъ.

Что же, въ такомъ случаѣ, «общественное мнѣніе»?

Вообразите себѣ, что къ намъ переѣхалъ Ротшильдъ.

Что онъ совершилъ бы какую-нибудь гадость.

Теперь скажите по чистой совѣсти, неужели его перестали бы принимать «въ общество»?

Его, Ротшильда!

Громко вы мнѣ отвѣтите, конечно, твердо и съ негодованіемъ:

— Да.

Вѣдь это только гипотеза, и Ротшильдъ къ намъ пріѣхать не собирается.

Но тамъ, въ глубинѣ-то души, по чистой совѣсти, вы тихонечко, стыдливо отвѣтите мнѣ:

— Н-нѣтъ!

Даже больше!

Если бы Ротшильда за сдѣланную имъ гадость кто-нибудь публично оскорбилъ, вы и тогда бы нашли для него какія-нибудь оправданія.

И Ротшильду не нужно было бы драться на дуэли, чтобъ вернуться «въ общество».

Онъ достаточно богатъ, чтобъ быть даже битымъ.

При его милліонахъ можно дозволять себѣ эту роскошь.

Что же такое, послѣ этого, «общественное мнѣніе»?

Выйдите изъ салона и пойдите въ швейцарскую. Вонъ оно—съ булавой.

Его роль отлично исполняетъ швейцаръ, который пускаетъ всякаго, кто чисто одѣтъ, и низко кланяется вдобавокъ тому, кто можетъ дать на чай.

Если полное исчезновеніе дуэли мыслимо только тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, общественное мнѣніе стоитъ на высотѣ, то при такомъ общественномъ мнѣніи, какъ у насъ, нельзя и мечтать о полномъ исчезновеніи дуэли.

Но, съ другой стороны,—съ точки зрѣнія логики, съ точки зрѣнія чувства истинной порядочности,

стоитъ ли, можно ли такъ дорожить «мнѣніемъ швейцара», чтобъ ставить его даже выше жизни?

«Общественное мнѣніе», которое запрещаетъ красть, но «задолжать и не заплатить» считаетъ ни во что!

— Кто же изъ порядочныхъ молодыхъ людей не долженъ своему портному?—улыбается «общественное мнѣніе».

Хотя трудно понять, не сидѣвши въ арестантскихъ ротахъ, какая именно разница между тѣмъ, что человѣкъ просто украдетъ пару платья или обманетъ портного обѣщаніемъ заплатить.

«Общественное мнѣніе» строго караетъ за кражу носового платка.

Но когда крадутъ не носовой платокъ, а счастье всей жизни, честное имя, когда разбиваютъ семейный очагъ, «общественное мнѣніе» только пожимаетъ плечами, если была увезена одна жена·

— Увлекся!

Хихикаетъ, если человѣкъ отбилъ двухъ женъ:

— Однако.

И, дуясь для вида, въ сущности захлебываясь, говоритъ, какъ о «героѣ», о человѣкѣ, который увозитъ ужъ третью жену:

— Нѣтъ, каковъ Донъ-Жуанъ!

Что же понимаетъ это «общественное мнѣніе» подъ словомъ «честь»?

Иксъ ударилъ Игрека.

И «общественное мнѣніе» говоритъ:

— Игрекъ обезчещенъ.

Но если Игрекъ, зная за собой грѣшки, догадался о намѣреніи Икса, «предупредилъ событіе» и первый ударилъ Икса, тогда обезчещенъ Иксъ!

Честь — это въ родѣ мячика, который отъ ударовъ летаетъ отъ одного къ другому.

Нѣчто въ родѣ «лапты».

«Ррразъ»—и честь полетѣла куда-то на воздухъ... «Ддва!»—и безчестіе полетѣло къ противнику.

Стоитъ ли эта эластичная «честь», летающая другъ отъ друга, и это эластичное безчестіе, отлетающее отъ удара,—стоятъ ли онѣ чего-нибудь?

Честь ли это, наконецъ?

У насъ за «честь» часто принимается ея суррогатъ «амбиція».

Это двѣ вещи, которыя очень часто смѣшиваютъ, и которыя отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать.

Разница между ними та же, что между часами и цѣпочкой.

Можно имѣть великолѣпную цѣпочку и вмѣсто часовъ носить ломбардную квитанцію.

Такъ часто дѣлаютъ молодые люди, и всѣ, глядя на цѣпочку, думаютъ:

«Значитъ у него есть и часы».

Тогда какъ часовъ-то давнымъ-давно ужъ нѣтъ, а имѣется для вида одна цѣпочка.

Честь и часы мы имѣемъ для себя. Амбиція и цѣпочка безъ часовъ—это то, что носятъ для вида.

Можно не имѣть никакихъ часовъ, но чудную цѣпочку.

Въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ одинъ господинъ, принадлежавшій къ хорошему обществу, но любившій вмѣстѣ съ тѣмъ передернуть, былъ изобличенъ въ нечестной игрѣ.

— Вы шулеръ!—воскликнулъ партнеръ.

— Я самъ знаю, что я шулеръ, но не люблю, когда мнѣ объ этомъ говорятъ!—отвѣчалъ тотъ и далъ партнеру по физіономіи.

Вотъ вамъ проявленіе «амбиціи».

И наиболѣе бросающіяся въ глаза цѣпочки носятъ именно тѣ, у которыхъ нѣтъ даже ломбардной квитанціи на часы.

Вспомните хотя бы надѣлавшій въ свое время много шума парижскій процессъ Жака Сенъ-Сэра и Комп.

Среди лицъ, обвинявшихся въ шантажѣ, была масса такихъ, съ которыми считалось даже честью «перевѣдаться на шпагахъ».

Настоящихъ «законодателей дуэли, людей съ сильно-развитымъ point d'honneur'омъ, людей, не простившихъ бы ни малѣйшаго посягательства на ихъ «честь».

Достаточно сказать, что одинъ изъ участниковъ почтенной компаніи какъ разъ на слѣдующій день долженъ былъ драться на дуэли, но какъ разъ наканунѣ слѣдователь отправилъ его въ тюрьму. — его, «человѣка чести», за шантажъ, мошенничество, систематическое ограбленіе больного, умирающаго человѣка!

Что доказываетъ собою дуэль?

Что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ храбрымъ.

Положимъ, Наполеонъ говорилъ:

— Я не вѣрю храбрости дуэлистовъ. Латуръ-Мобуръ, храбрый изъ храбрыхъ, никогда не дрался на дуэли.

Но нужно быть самому Наполеону, чтобъ имѣть право такъ судить о храбрости другихъ. И надо быть

Латуръ-Мобуромъ, чтобъ не бояться подозрѣнія въ трусости.

Мы готовы признать за дуэлистами какую угодно храбрость.

Былъ ли Яго храбръ?

Несомнѣнно. Иначе бы онъ не пользовался такимъ уваженіемъ своего боевого товарища, славнаго полководца Отелло.

Есть ли въ Яго что-нибудь похожее на «человѣка чести»?!

«Трусъ боится пули, щекотливый человѣкъ боится говора свѣта, но люди чести всего болѣе боятся своей совѣсти».

Честь—это то, что существуетъ для внутренняго употребленія, амбиція — исключительно для наружнаго.

Человѣкъ чести, дѣйствительно, человѣкъ чести, не сдѣлаетъ безчестнаго поступка, будучи одинъ, въ герметически закупоренной комнатѣ.

Потому что можно бѣжать отъ всего и отъ всѣхъ, кромѣ самого себя.

И честь, зарѣзанная безчестнымъ поступкомъ, всегда будетъ хрипѣть:

— Ты—негодяй. Ты убилъ меня. Ты сдѣлалъ безчестное дѣло.

И это хрипѣнье зарѣзанной чести всегда будетъ звучать въ его душѣ, громче лести и похвалъ, которыми сталъ бы окружать его свѣтъ, не знающій объ его подломъ поступкѣ.

Тогда какъ для человѣка, лишеннаго внутренняго чувства чести, важно только одно:

— Чтобъ другіе не знали.

Когда же другіе узнаютъ объ его безчестности, онъ вызываетъ обличителя.

И продолжаетъ гордо высоко держать голову.

Такъ что, признавая дуэль, мы даемъ, съ одной стороны, безчестному возможность безнаказанно совершать все, что ему угодно, безъ опасности быть изобличеннымъ:

— Иначе—къ барьеру!

Даемъ тому же безчестному способъ выйти «съ честью» даже въ томъ случаѣ, когда онъ изобличенъ.

А съ другой стороны, ставимъ каждаго честнаго въ смертельную опасность отъ каждаго дерзкаго.

— Или деритесь съ нимъ или мы сочтемъ тебя безчестнымъ.

Мы даемъ свободу дерзости и возможность безчестію выходить «съ честью» изъ своего положенія.

Затворяемъ двери предъ честнымъ, потому что у него не хватило мужества стрѣляться, и широко распахиваемъ ихъ передъ безчестнымъ, потому что онъ выстрѣлилъ изъ пистолета!

Что доказываетъ дуэль именно въ вопросѣ о «чести»?

Развѣ вопросъ въ ударѣ, а не въ томъ, что человѣкъ заслужилъ такой поступокъ?

Если онъ заслужилъ своими дурными поступками, то какая же дуэль уничтожитъ предшествующую безчестность его дѣйствій?

Развѣ что-нибудь измѣнится? Нехорошіе поступки станутъ хорошими?

Дуэль кончаетъ собою все недоразумѣніе. И въ этомъ ея недостатокъ.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы ровно ничего не знаемъ:

— Кто правъ, кто виноватъ?

Мы знаемъ только:

— Они дрались.

И на вопросъ:

— Честный или безчестный это человѣкъ?

Мы можемъ только отвѣтить:

— Онъ храбрый человѣкъ.

Это все равно, что:

— Уменъ X или глупъ?

— Онъ поднимаетъ 4 пуда.

Что же доказываетъ дуэль?

— «Возьмемъ конкретный случай,— говоритъ Дюпенъ старшій [1]).—Иксъ нанесъ Игреку тяжкое оскорбленіе, «смываемое только кровью». Иксъ признаетъ дуэль. Что же онъ хотѣлъ сказать своимъ поступкомъ? Почему онъ не послалъ вызова? Ясно, что онъ хотѣлъ сказать и сказалъ намъ: «Вотъ человѣкъ, съ которымъ нельзя выходить на поединокъ, какъ съ равнымъ. Его можно только наказывать за дурные поступки, какъ наказываютъ существа ниже насъ. И я его наказываю». Но черезъ пять минутъ Игрекъ прислалъ ему вызовъ, и Иксъ этотъ вызовъ принялъ. Что же онъ теперь говоритъ намъ: «Нѣтъ, господа, съ нимъ можно стать на одну доску, это вовсе не низшее существо, которое можно только наказывать. Я былъ неправъ, считая его таковымъ». Не заключается ли въ этомъ пріемѣ вызова—отказа отъ своего мнѣнія объ Игрекѣ? Сознанія своей ошибки? Своей неправоты? Если нѣтъ, то гдѣ же здѣсь логика? Какое же значеніе этотъ по-

---

[1]) Рѣчь оберъ-прокурора кассаціоннаго суда во Франціи по вопросу о дуэли для адвокатовъ-стажіеровъ.

единокъ имѣетъ для Игрека? Если онъ, дѣйствительно, совершилъ поступокъ, противный чести, то развѣ этотъ поступокъ перестанетъ существовать? Если онъ ничѣмъ не заслужилъ нанесеннаго ему оскорбленія, то развѣ чувство справедливости, свойственное каждому честному человѣку, не возмущаетъ эту несправедливость: «Я позволяю врагу дѣлать со мной незаслуженно все, что ему угодно, — лишать меня чести или жизни». Я бы сказалъ, что это похоже на христіанское подставленіе врагу лѣвой щеки, когда ударили по правой, если Игрекъ самъ не держалъ при этомъ оружія. Каждый разъ, когда нашъ покой, покой общества, нарушенъ, мы въ правѣ требовать, чтобъ намъ объяснили, почему это сдѣлано. И вотъ, когда мы подходимъ съ тѣмъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, узнать, кто правъ, кто виноватъ, узнать, было ли это оскорбленіе заслуженной карой или несправедливостью,—передъ нами вмѣсто отвѣта, — X (иксъ) изъ двухъ скрещенныхъ шпагъ!»

«Дуэль, — восклицаетъ Дюпенъ въ другомъ мѣстѣ своего замѣчательнаго диспута,—дуэль, по словамъ моего оппонента, одного изъ стажіеровъ, не выдерживаетъ натиска логики. Мой молодой другъ ошибается: не натиска, а прикосновенія. Дуэль въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь разсматриваемъ, лопается, какъ мыльный пузырь, едва логика хочетъ къ ней прикоснуться, желая изслѣдовать: что жъ это такое?»

Все это, разумѣется, отлично понимается и обществомъ, тѣмъ не менѣе, посылающимъ своихъ членовъ на поединки.

Обществу въ сущности очень мало дѣла до чести. Но оно требуетъ, чтобъ у всѣхъ была амбиція

— Какое мнѣ дѣло до того, есть ли у тебя часы. Покажи только свою цѣпочку!

Въ обществѣ принято, чтобы всѣ носили цѣпочку, и оно не желаетъ залѣзать въ чужіе карманы: есть ли тамъ часы.

Оно понимаетъ, что причины, по которымъ оно требуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ дуэлей, причины очень поверхностныя.

И изъ-за поверхностныхъ причинъ не требуетъ глубокихъ ранъ.

— Выстрѣлите и приходите обратно!

Это самое возмутительное, что есть въ отношеніи общества къ дуэли.

Общество, которое требуетъ крови, — жестокое общество.

Но общество, которое требуетъ только порохового дыма,—просто любитъ скверный запахъ.

Такое отношеніе общества возмутительно во многихъ отношеніяхъ.

Болѣе тяжкія дуэли имѣютъ одну хорошую сторону.

Онѣ устрашаютъ и заставляютъ людей внимательнѣе слѣдить за своими отношеніями другъ къ другу.

Но что придется сказать объ обществѣ, въ которомъ безрезультатныя дуэли войдутъ въ обыкновеніе?

Гдѣ можно будетъ и лишать чести и возстановлять честь съ такой легкостью?

Тяжкія дуэли рѣдко вызываютъ подражанія.

Тогда какъ безрезультатныя вызываютъ цѣлыя «повѣтрія» дуэлей.

И общество относится къ нимъ добродушно, пока кто-нибудь не поплатится жизнью или здоровьемъ изъ-за какого-нибудь пустячнаго повода.

Тогда начинаются крики, ахи, охи, вопли!

— Варварское обыкновеніе! Предразсудокъ! Возмутительно! Безчеловѣчно!

Но ужъ поздно.

Намъ кажется, что лучше и честнѣе для общества говорить объ этомъ ante, а не post factum

Насколько могли, мы развернули передъ вами исторію дуэли, привели различные взгляды на нее, и теперь намъ остается только резюмировать сказанное.

Несмотря на всѣ доводы философовъ и моралистовъ, несмотря на всѣ старанія законодательствъ, какъ это видно изъ опыта многихъ вѣковъ и всѣхъ европейскихъ народовъ, дуэль можетъ окончательно исчезнуть только тамъ, гдѣ общественное мнѣніе, мощное и непоколебимое, само блюдетъ законы чести и наказываетъ ослушника.

Но врядъ ли и самаго холоднаго англичанина можно считать навсегда застрахованнымъ отъ дуэли.

Варварскій предразсудокъ или почтенный обычай, но она будетъ, вѣроятно, существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать смертельныя обиды·

Такія обиды, когда человѣку невыносима мысль о томъ, что тотъ, отнявшій у него лучшее, что есть въ жизни, существуетъ на свѣтѣ.

Земной шаръ покажется тѣснымъ для двоихъ такихъ людей.

И обиженный скажетъ обидчику:

— Мнѣ невыносима мысль о томъ, что ты существуешь на свѣтѣ. Но я не могу убить беззащитнаго. Вотъ тебѣ оружіе. Защищайся. Мнѣ легче моя смерть, чѣмъ твоя жизнь. Убей меня, или я убью тебя.

И общество къ такому случаю отнесется, какъ оно относится къ рѣдкому, исключительному несчастію.

Но общество не можетъ, если оно честно, не смѣетъ допускать того, чтобъ обычай превращался въ «простое обыкновеніе».

Мы понимаемъ ту «благородную умѣренность», которую выскажетъ оскорбитель и о которой говоритъ панегиристъ дуэли Нугаредъ-де-Файе.

«Я и безъ того оскорбилъ противника,—скажетъ онъ,—съ меня довольно».

И не будетъ стараться убить.

Но если обѣ стороны выскажутъ «благородную умѣренность», тогда общество въ правѣ спросить:

— Милостивые государи, зачѣмъ же такъ много ничего изъ шума, и такъ много шума изъ ничего.

И оно обязано это спросить, такъ какъ примѣры заразительны.

У насъ есть юноши, и повѣтріе можетъ закончиться печально для кого-нибудь изъ «малыхъ сихъ», «соблазнять» которыхъ запрещаетъ и чувство христіанской и общечеловѣческой морали.

Оправданный „отцеубійца“ (?).

Передъ присяжными засѣдателями тульскаго окружнаго суда предсталъ маленькій, тщедушный, жалкій, заморенный, забитый, изничтоженный юноша, мѣщанинъ Грязновъ, по обвиненію въ тягчайшемъ преступленіи, какое только знаетъ уголовный законъ: въ убійствѣ родного отца.

Не въ попустительствѣ, не въ укрывательствѣ, а въ самомъ убійствѣ.

Въ убійствѣ своими руками, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, по предварительному соглашенію съ другими лицами.

Рядомъ съ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли его зять, женатый на его сестрѣ—Горбуновъ, мальчишка подмастерье его отца—Мысевичъ, и дюжій, рослый, могучій, полный энергіи, сознавшійся въ совершеніи этого убійства работникъ Горбунова—Коноваловъ.

Вотъ то, что выяснилось на судѣ передъ присяжными засѣдателями.

Въ предмѣстьѣ Тулы, въ Чулковѣ, жилъ старикъ, хозяинъ большой ружейной мастерской и закладчикъ, Алексѣй Грязновъ, богачъ, послѣ котораго осталось болѣе ста тысячъ рублей, жестокость и безобразія котораго знала вся Тула.

Въ этомъ мірѣ, среди «мастеровщины», нравы царятъ грубые. «Это въ нравахъ простого русскаго народа», какъ сказалъ г. предсѣдатель суда въ своемъ резюме, оправдывая покойнаго Грязнова и цитируя для этого изъ «Домостроя»:

«Сокрушайте дѣтямъ своимъ ребра въ молодости, чтобы не видѣть отъ нихъ слезъ въ старости».

Но и среди грубыхъ нравовъ мастеровщины, то, что дѣлалъ покойный Грязновъ, казалось жестокостью.

Священникъ, духовникъ его покойной матери, бабушки подсудимаго, показалъ на судѣ, что старуха, сама выросшая среди грубыхъ нравовъ, не разъ просила его усовѣстить и убѣдить сына «бросить *тиранства и жестокости* надъ женой и дѣтьми».

Болѣе 20 лѣтъ безпрерывно длилось это мучительство и тиранство.

У жены своей Грязновъ выбилъ всѣ зубы.

Это не фигуральное выраженіе: у несчастной женщины нѣтъ ни одного зуба, всѣ выбилъ мужъ.

Въ этомъ битьѣ онъ не давалъ роздыха.

По показанію священника, даже на Пасху, возвращаясь домой изъ церкви разговляться, Грязновъ по дорогѣ колотилъ жену и дѣтей.

Грязновъ любилъ «ублаготворить свою плоть». Любилъ хорошо поѣсть. Но «настоящее кушанье» готовилось только для него одного. Домашніе должны были или хлебать пустыя щи или обходиться совсѣмъ безъ ѣды, когда Грязновъ, истратившись на себя, ничего не давалъ имъ на обѣдъ.

Свое «настоящее кушанье» Грязновъ съѣдалъ одинъ, на глазахъ у голодной семьи.

Иногда жена Грязнова, жалѣя дѣтей, готовила имъ что-нибудь потихоньку, и бѣда, если Грязновъ находилъ въ печкѣ такую контрабанду.

Однажды, найдя въ печкѣ горшокъ съ «контрабанднымъ» супомъ, Грязновъ вылилъ горячій супъ на голову своей жены, обварилъ ей всю голову, у несчастной слѣзла съ лица кожа.

Грязновъ даже чаю не давалъ домашнимъ. Онъ пилъ чай одинъ. Однажды, разсердившись во время этого чаепитія за что-то на свою жену, онъ облилъ ей голову кипяткомъ изъ чайника.

Къ этимъ мучительствамъ Грязновъ присоединялъ еще и издѣвательства. Если во время «обѣда» приходилъ кто-нибудь изъ постороннихъ, Грязновъ жаловался ему, въ присутствіи своей голодной семьи:

— Вотъ какая у меня семейка! Видите? Ѣсть даже со мной вмѣстѣ *не хочетъ!* Долженъ одинъ обѣдать! Словно бобыль!

На старости лѣтъ Грязновъ впалъ въ старческій развратъ и въ старческое безстыдство.

Заколотивъ, изуродовавъ, состаривъ свою жену, Грязновъ держалъ у себя всегда дѣвицъ то въ качествѣ прислуги, то въ качествѣ конторщицъ.

Когда взятая имъ дѣвушка забеременевала, онъ прогонялъ ее и бралъ другую.

Грязнова знала вся Тула, и этотъ старикъ, не боясь срама, бѣгалъ по самымъ люднымъ улицамъ, на виду у всѣхъ, за «уличными женщинами».

У него было три дочери.

Жену онъ билъ смертнымъ боемъ, сына билъ смертнымъ боемъ, дочерей-подростковъ онъ любилъ мучить иначе.

По словамъ свидѣтелей, старикъ не могъ пропустить идущей мимо дочери, безъ того, чтобы не ущипнуть ея. Когда дѣвушка вскрикивала и плакала, старикъ Грязновъ смѣялся. Въ этомъ онъ находилъ особое удовольствіе.

На судѣ упомянулось, что Горбуновъ, женившись на старшей дочери Грязнова, узналъ, что она была обезчещена отцомъ.

Вѣрно ли это?

Полиція показала, что слышала объ этомъ отъ домашнихъ Грязнова.

Отвѣчать на этотъ вопросъ Горбунова отказалась [1]). Не сказала «да», не сказала: «нѣтъ», а прямо не захотѣла объ этомъ говорить...

Свидѣтели показываютъ, что она, когда была дѣвушкой, часто бѣгала и по недѣлямъ пряталась отъ отца у сосѣдей, на чердакѣ.

Дѣвочка, дочь одного изъ сосѣдей, часто ходила къ младшей дочери Грязнова, какъ къ подругѣ. Однажды, вернувшись домой, она разсказала, что старикъ Грязновъ очень ее любитъ и часто цѣлуетъ.

Отецъ ей запретилъ ходить къ Грязновымъ:

— Чтобы нога твоя тамъ не была!

Онъ былъ вызванъ на судъ въ качествѣ свидѣтеля.

— Почему же вы запретили дочери ходить къ Грязновымъ? Что жъ тутъ нехорошаго, что старикъ цѣловалъ ребенка?—спросили его.

— Грязновъ цѣловалъ нехорошо, Грязнову нельзя было давать дотрагиваться до дѣтей. Такой это былъ человѣкъ.

---

[1]) Законъ предоставлялъ ей это право, какъ сестрѣ и женѣ подсудимыхъ.

Какова была жизнь Николая, сына Грязнова?

На это самый лучшій отвѣтъ—онъ самъ.

22-лѣтній парень—ростомъ съ 14—15 лѣтняго подростка. Хилый, изморенный. То, что называется «заморышъ». Боязливый, робкій, онъ съ трудомъ связываетъ слова. 20 лѣтъ голода, побоевъ, истязаній выучили его только молчать.

Единственный сынъ стотысячника еле-еле знаетъ грамоту.

Если дочерей, наказывать которыхъ ему доставляло особое удовольствіе, старикъ держалъ у себя «на верху», то сынъ всю жизнь прожилъ внизу, въ мастерской, вмѣстѣ съ мальчишками-рабочими.

Разница между нимъ и учениками была только та, что бить чужихъ мальчишекъ Грязновъ еще иногда и остерегался,—можно и отвѣтить,—а на сынѣ онъ срывалъ всю свою злость.

Никого такъ не билъ и не морилъ голодомъ Грязновъ, какъ своего сына. Онъ колотилъ его, по чемъ попало, прикладами и стволами ружей.

Лѣтъ шестнадцати мальчикъ Грязновъ совершилъ преступленіе: на нѣсколькихъ денежныхъ повѣсткахъ отъ заказчиковъ поддѣлалъ подпись отца и получилъ по нимъ деньги. Стотысячникъ Грязновъ отдалъ сына подъ судъ. Но на судѣ и онъ отказался обвинять сына, говоря, что мальчикъ, очевидно, дѣйствовалъ не своимъ умомъ, а «по наущенію старшихъ». Мальчикъ былъ оправданъ.

Теперь на судѣ, изъ свидѣтельскихъ показаній, выяснилось, для чего мальчикъ воспользовался этими деньгами: онъ кормилъ на нихъ мать и сестеръ, кото-

рыя умирали съ голода, потому что отецъ ничего не давалъ на обѣдъ.

На глазахъ Грязнова-сына мучили, истязали и оскорбляли его мать.

Если для сына у старика не было ничего, кромѣ побоевъ, то для жены и для дочерей у него не было другой клички, кромѣ позорнаго слова, которымъ зовутъ падшихъ женщинъ.

Сосѣди говорили на судѣ, что Грязновъ-сынъ часто прибѣгалъ къ нимъ, полный отчаянія, говоря:

— Я не могу видѣть мученій матери.

Однажды полицейскій, свидѣтельствовавшій объ этомъ и на судѣ, встрѣтилъ сына Грязнова въ такомъ видѣ, что «испугался», остановилъ его и спросилъ:

— Куда ты идешь?

— Топиться!—отвѣтилъ тотъ.

— «И видъ у него былъ такой страшный, что это не могло быть рисовкой. Нельзя было не повѣрить».

Полицейскій началъ уговаривать его:

— Зачѣмъ же руки на себя накладывать? Тяжело у отца—уйди.

— Да, хорошо говорить—«уйди». А мать, а сестры на мученье останутся!

«Лучше ужъ разомъ покончить съ собою. По крайней мѣрѣ ни видѣть, ни знать, ни душой за нихъ мучиться не буду», разсуждалъ Грязновъ-сынъ.

Такъ шла жизнь этой семьи. Со старшей сестрой было Богъ знаетъ что сдѣлано. Другихъ двухъ ждало то же. Искалѣченная мать не знала передышки отъ истязаній. А у забитаго въ конецъ сына, при видѣ всего этого, являлась только одна мысль: о самоубійствѣ.

Горбуновъ, зять, женатый на старшей дочери Грязнова, ѣздилъ къ тестю съ женою, «для приличія», только по большимъ праздникамъ и въ именины.

Его привозилъ рабочій, бывшій у него и за кучера, запасной рядовой изъ вятичей, Коноваловъ, 26-лѣтній парень, здоровенный, могучій, полный жизни.

Пока Горбуновъ съ женой сидѣли «наверху», Коноваловъ сидѣлъ и выпивалъ въ мастерской съ мастерами и Николаемъ Грязновымъ, котораго даже въ праздникъ «не допускали наверхъ». Коноваловъ видѣлъ и слышалъ все, что творится въ домѣ, и только диву давался:

– Распутничаетъ старикъ, а домашнихъ въ гробъ загоняетъ! И всѣ молчатъ! Э-эхъ, отдуть бы его такъ, чтобъ онъ могъ постичь!

Каждый разъ, какъ Коноваловъ пріѣзжалъ съ хозяиномъ къ Грязновымъ, онъ слышалъ о новыхъ безобразіяхъ, творимыхъ старикомъ, возмущался и находилъ только «одно средство»:

— Оттрепать его хорошенько... Оттрясти... Чтобъ понялъ!.. Эхъ, доведись до меня, я бъ ему показалъ.

И каждый разъ это говорилъ не Грязновъ-сынъ. Онъ былъ слишкомъ забитъ, чтобы у него даже являлись мысли о протестѣ. Каждый разъ такіе разговоры велъ Коноваловъ.

Были ли разговоры объ убійствѣ и о платѣ за убійство?

Николай Грязновъ говоритъ: были.

Горбуновъ говоритъ,—да, онъ мелькомъ что-то въ этомъ родѣ слышалъ, былъ разговоръ, говорилъ Коноваловъ.

Наконецъ самъ Коноваловъ говоритъ: «Да, разговоръ былъ,—говорилъ я».

Говорилъ только Коноваловъ.

За годъ приблизительно до убійства, онъ однажды среди разговоровъ о томъ, что «батьку твоего надо оттрясти хорошенько, другого ничего не остается», сказалъ Грязнову-сыну:

— А далъ бы мнѣ пятьсотъ рублей, если бъ я твоего батьку оттрясъ?

За нѣсколько мѣсяцевъ до убійства онъ, опять среди разговоровъ, спросилъ:

— А если бъ я избавилъ васъ всѣхъ отъ старика, двѣ тысячи рублей далъ бы?

Если кто-нибудь и «подстрекалъ», — такъ только Коноваловъ.

И это совершенно естественно.

Мысль о такомъ энергичномъ, дерзкомъ поступкѣ могла явиться у человѣка сильнаго, энергичнаго, смѣлаго.

У забитаго въ конецъ Грязнова являются совершенно иныя мысли: о самоубійствѣ.

Что отвѣчалъ на мысль Коновалова Грязновъ?

Коноваловъ говоритъ, что Грязновъ сказалъ:

— Дамъ!

Пусть даже это было такъ.

Но вотъ обстановка.

Къ изстрадавшемуся и измученному Грязнову является Коноваловъ, всегда какъ разъ тогда, когда Грязновъ чувствуетъ себя особенно обиженнымъ, оскорбленнымъ: праздникъ, и то его наверхъ «не допустили». Коноваловъ поднимаетъ разговоръ о творящихся въ домѣ безобразіяхъ, растравляетъ раны

Грязнова, и у человѣка, при такихъ условіяхъ, «въ разговорѣ» вырывается, какъ стонъ, какъ крикъ наболѣвшей души:

— Пятисотъ, тысячи, двухъ тысячъ не пожалѣлъ бы, чтобъ только насъ всѣхъ отъ такихъ мученій избавили!

Не забывайте, что это только «разговоръ».

О Господи! Если бы все, что говорится во злѣ, въ раздраженіи, подъ вліяніемъ душевной боли, «въ разговорѣ», исполнялось,—святѣйшій человѣкъ былъ бы величайшимъ изъ преступниковъ. Сколько бы убійствъ совершилъ каждый! Но, къ счастью, между словомъ и дѣйствіемъ еще огромная, для большинства непереходимая, пропасть.

Развѣ каждый изъ насъ не восклицаетъ:

— Полжизни отдалъ бы за то-то!

— Полсостоянья отдалъ бы за то-то!

Значитъ это, что человѣкъ, дѣйствительно, «даетъ обѣщаніе»?

Даже самъ оговорившій Грязнова Коноваловъ долженъ сознаться, что слыхалъ отъ Грязнова эти вырвавшіяся слова «въ разговорѣ», и что этотъ «разговоръ» поднималъ онъ самъ.

19 марта 1899 года у старика Грязнова было какое-то семейное торжество, и Горбуновъ пріѣхалъ съ женой.

Коноваловъ по обыкновенію сидѣлъ и пилъ водку внизу, въ мастерской.

Какъ вдругъ сверху сходитъ въ слезахъ Горбуновъ. Горбуновъ просилъ у тестя, чтобъ тотъ, наконецъ, выдалъ за дочерью обѣщанное приданое: купилъ домъ, какъ было условлено. Старикъ, какъ всегда, отвѣчалъ отказомъ въ самой грубой, оскорбительной формѣ, при

постороннихъ, такъ что Горбуновъ даже заплакалъ и ушелъ.

Передъ тѣмъ разговоръ по обыкновенію шелъ о новыхъ «тиранствахъ» старика. Возмущенный этими разсказами, Коноваловъ еще больше бѣсится при видѣ плачущаго хозяина:

— Чортъ знаетъ, что дѣлаетъ человѣкъ: и тиранитъ, и грабитъ!

Коноваловъ идетъ во дворъ запрягать лошадь. Въ это время во дворъ выходитъ, закрывшись женскимъ платкомъ, истощенный безпутствомъ, безсильный старикъ Грязновъ. Онъ вышелъ, чтобъ самому запереть ворота, когда зять уѣдетъ. Злющій, какъ всегда, онъ начинаетъ привязываться и ругать Коновалова:

— За лошадью, такой-сякой, ходить не умѣешь! Такая ли должна быть лошадь?

Выпившій, разозленный Коноваловъ,—«не сынъ, не жена,—онъ молчать не станетъ»,—отвѣчаетъ ругательствами:

— Нешто лошадь по-своему передѣлаешь! Ты вонъ семью свою всю жизнь дрессируешь, и то все по-своему выдрессировать не можешь!

Старикъ Грязновъ отвѣчаетъ ему на это что-то ужъ очень оскорбительное.

Коноваловъ окончательно выходитъ изъ себя, кидается на Грязнова, чтобы «задать ему встряску», сбиваетъ его съ ногъ и начинаетъ «расправляться съ нимъ по-свойски», беретъ его за глотку.

Два человѣка: истощенный старикъ и здоровеннѣйшій парень огромной силы.

Коноваловъ «увлекается» и, когда опомнился отъ прилива злости, видитъ, что старикъ-то мертвъ.

На шумъ изъ дома выбѣгаютъ Грязновъ и Горбуновъ, видятъ трупъ и въ испугѣ бѣгутъ обратно въ домъ.

Коноваловъ, вѣроятно, былъ, дѣйствительно, страшенъ въ эту минуту.

Во дворъ выбѣжалъ подмастерье, 18-лѣтній Мысевичъ. Увидавъ, что случилось, онъ бросился было бѣжать, но Коноваловъ остановилъ его:

— Стой! Видишь, какой грѣхъ вышелъ! Помоги мнѣ убрать тѣло. А то и съ тобой то же будетъ.

И дрожащій отъ страха Мысевичъ помогаетъ Коновалову перенести трупъ въ сарай и повѣсить на перекладинѣ.

Грязновъ и Горбуновъ, вѣроятно, такъ перетрусили, что никуда не годились: Коноваловъ ихъ даже не попросилъ помочь, а предпочелъ мальчишку Мысевича.

Коноваловъ подтверждаетъ, что ни Грязновъ ни Горбуновъ даже не притрогивались къ трупу.

Покончивъ съ уборкой мертваго тѣла, Коноваловъ вошелъ въ домъ и, обратившись къ семейнымъ Грязнова, сказалъ:

— Поздравляю васъ съ освобожденіемъ отъ тиранства!

Затѣмъ онъ не только научилъ, «что теперь дѣлать» но и, несомнѣнно, пригрозилъ:

— Смотрите же! Говорите, что старикъ самъ удавился! Меня выдадите, — всѣхъ запутаю. Скажу, вы подговорили!

— Да когда же?..

— А разговоръ помнишь? «Пятьсотъ рублей дашь»? — «Дамъ». Скажу, что меня наняли.

Горбуновъ съ женой и съ Коноваловымъ уѣхали, а семья Грязновыхъ легла спать.

Не правда ли, какая страшная подробность? Они спали, въ то время, какъ рядомъ, въ сараѣ, висѣлъ трупъ старика.

Да, они спали въ первый разъ за 21 годъ этимъ страшнымъ и спокойнымъ сномъ: на утро имъ, — въ первый разъ въ жизни!—не грозили ни мучительства, ни истязанья!

На утро Грязновъ явился въ полицію заявлять, что отецъ повѣсился,—съ такимъ видомъ, что въ полиціи сразу сказали:

— Ну, и видъ же у тебя. Что-то тутъ не такъ!

И когда явились во дворъ дома Грязновыхъ, то увидали кровь на томъ мѣстѣ, гдѣ было совершено убійство, и слѣды, которые вели отъ этого мѣста къ сараю. Даже слѣдовъ-то убрать не постарались при этомъ «заранѣе обдуманномъ», налаженномъ, приготовленномъ убійствѣ, совершонномъ почему-то не въ четырехъ стѣнахъ, а на дворѣ, гдѣ было больше риска криками привлечь вниманіе!

Убійство было раскрыто сію же минуту, къ счастью для Грязновыхъ.

Къ счастью, потому что, если бъ повѣрили самоубійству старика, Грязновы бы ничего не выиграли: вмѣсто тирана-отца они имѣли бы тирана — Коновалова, который дѣлалъ бы съ ними все, что хотѣлъ, тянулъ бы изъ нихъ все, у котораго они были бы цѣликомъ въ рукахъ: вѣдь они, зная объ убійствѣ, не донесли!

Вотъ обстоятельства дѣла, какъ они выяснились передъ присяжными.

При такихъ обстоятельствахъ, что могли отвѣтить присяжные на вопросъ:

— Виновенъ ли Николай Грязновъ въ томъ, что, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и по предварительному соглашенію съ другими лицами, лишилъ жизни отца своего?

На этотъ единственный вопросъ они отвѣтили:

— Нѣтъ, не виновенъ

Какъ, несомнѣнно, отвѣтили бы: «да, виновенъ», если бы ихъ спросили:

— Виновенъ ли онъ въ укрывательствѣ?

Изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла выходило, что онъ виновенъ только въ укрывательствѣ,—и развѣ это вина присяжныхъ, что ихъ спросили не о томъ преступленіи, которое, дѣйствительно, совершилъ человѣкъ, а о томъ, котораго онъ, несомнѣнно, не совершалъ?

При чемъ же тутъ всѣ эти яростные вопли противъ суда присяжныхъ, которые возбудило это несчастное дѣло?

Поистинѣ, трудно представить себѣ болѣе справедливый и строгій приговоръ, чѣмъ тотъ, который вынесли присяжные по этому дѣлу.

Оправдавъ Грязнова, Горбунова и Мысевича въ томъ, что они *убили* старика, присяжные признали Коновалова виновнымъ не просто въ убійствѣ, но въ убійствѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ; вѣдь онъ подумывалъ и подговаривалъ: хорошо бы старика спровадить; они отвергли «предварительное соглашеніе съ другими лицами», потому что никакого «соглашенія» не было, нельзя же считать пустой и праздной болтовни «соглашеніемъ»; и они, очень строго осудивъ Коновалова, дали ему все же снисхожденіе: все-таки

онъ совершилъ преступленіе, о которомъ «подумывалъ», въ раздраженіи, по винѣ старика,—не выведи его старикъ изъ себя, онъ не привелъ бы «обдуманнаго намѣренія» въ исполненіе, мало ли сколько и хорошихъ и дурныхъ, совершенно «обдуманныхъ намѣреній» не приводится въ исполненіе?!

Болѣе яснаго, логичнаго, вытекающаго изъ обстоятельствъ дѣла, но и *болѣе строгаго* приговора нельзя и ожидать.

Правда, Грязновъ, Горбуновъ, Мысевичъ не понесли наказанія за то, что они дѣйствительно сдѣлали: за укрывательство чужого преступленія. Но вопросомъ объ этой ихъ дѣйствительной винѣ присяжнымъ и не дали заниматься.

Да и не кажется ли вамъ, по отношенію къ Грязнову, что 21 годъ каторги, которую вынесъ въ «родительскомъ домѣ» этотъ несчастный, достаточное уже наказаніе за то, что этотъ забитый, жалкій человѣкъ, изъ трусости, изъ робости, которую въ него вколотили съ дѣтства, не пошелъ доносить на убійцу человѣка, который истязалъ его мученицу-мать, безчестилъ его сестеръ, доводилъ до самоубійства его самого [1])?

---

[1]) Оправдательный вердиктъ по дѣлу Грязнова, по модѣ того времени, былъ кассированъ. При вторичномъ разбирательствѣ Грязновъ былъ признанъ виновнымъ въ укрывательствѣ.

Защитникъ вдовъ и сиротъ.

(Т и п ъ).

Это проворный и быстрый господинъ. Снять съ его адвокатскаго фрака значокъ,—получился бы образцовый распорядитель кафе-шантана съ кабинетами.

— Кабинетикъ вамъ? Господину кабинетъ съ кушеточкой!

Онъ говорилъ вдохновенно, съ глазами, подернутыми слезой:

— Святому дѣлу служу-съ! И на этотъ фракъ-съ потрепанный, старый, засаленный какъ на бѣлую тогу весталки гляжу! Донъ-Кихотъ! И этотъ старый, заношенный фракъ—для меня рыцарскіе доспѣхи. Защитникъ вдовъ и сиротъ-съ!

И онъ вздохнулъ, говоря о своей добродѣтели, какъ о неизлѣчимой болѣзни.

— «Что жъ, молъ, дѣлать, ежели меня маменька въ этакой золотухѣ родила?»

— Кругомъ война за существованіе. Жестокая культура-съ!—продолжалъ онъ.—Возводятъ дома высоченные, паровозы-съ, сломя голову, мчатся. Фабрики-съ—словно огромныя музыкальныя табакерки,—внутри все колесики, зубчики, валики вертятся,—день и ночь неумолчно пѣсню въ честь всесильнаго золота

поютъ. Пароходы Левіаѳаны по рѣкамъ плаваютъ. И изъ-подъ холодныхъ, бездушныхъ, сверкающихъ сталью машинъ-съ теплая и живая человѣческая кровь брызжетъ. Тамъ домъ рухнулъ, тамъ поѣздъ подъ откосъ кувыркомъ полетѣлъ, тамъ пароходъ объятъ пламенемъ. Убитые, раненые! Совсѣмъ война-съ. И среди этой войны за существованіе мой домикъ-съ—палатка «Краснаго Креста», разбитая на полѣ битвы-съ. Перевязочный пунктъ. Идутъ ко мнѣ безъ ногъ, тянутся ко мнѣ безъ рукъ. Вдовица идетъ, поливая путь слезами. Сироту ведутъ.

Онъ самъ смахнулъ слезу, словно досадуя: экъ нынче добродѣтель-то у меня какъ разыгралась!

— Иначе на свой фракъ смотрю-съ. Я на торжище милліонеровъ не иду-съ. Толстой сумы не защищаю-съ. Въ права владѣнія милліонными наслѣдствами не ввожу-съ. У нихъ кліэнты съ избыткомъ благъ земныхъ,—у моихъ кліэнтовъ и необходимаго нѣтъ-съ: руки, ноги не всѣ. У меня ни одного цѣлаго кліэнта нѣтъ. Что ни кліэнтъ, то безъ купона!

— Какъ безъ купона?

— Безъ купона. Купонами это я руки и ноги называю. Человѣкъ есть акція. А на немъ купоны растутъ: руки, ноги. Мелкіе купончики: пальцы, ребрышки. Отрѣзало руку,—купонъ отрѣзанъ. Я предъявляю его ко взысканію. Другой разъ, знаете, ѣдешь на дачу, на платформѣ размечтаешься: сколько народу ходитъ, купонами машутъ. Можетъ-быть, этотъ самый поѣздъ—рразъ, и нарѣжетъ купоновъ. До того иной разъ замечтаешься,—скажешь мужичку: «Чего купонами машешь? Иди осторожнѣе». У меня вѣдь пассажиръ больше третьяго класса. Тамъ, для перваго,

другіе адвокаты есть. Адвокаты для богатыхъ. Ко мнѣ идутъ съ билетомъ третьяго класса!

Онъ задумался, снова вздохнулъ и сказалъ:

— Я такъ думаю, что если бы во Франціи жилъ,— изъ меня непремѣнно бы Жоресъ вышелъ!

Я былъ растроганъ:

— Что же, страждущіе сами къ вамъ притекають, или какъ?

Онъ отвѣчалъ съ умиленіемъ:

— Помощь страждущему, нуждающемуся, бѣдствующему требуетъ уничиженія-съ! Я въ газетахъ не какъ другіе, я не политику читаю-съ, не фельетонъ занимательный, не въ передовой статьѣ игрой ума восхищаюсь. Я читаю-съ отдѣлъ низменный, презрѣнный. «Дневникъ происшествій». Кухаркѣ уподобляюсь. Онъ самымъ мелкимъ шрифтомъ печатается-съ. Онъ кровью написанъ-съ. Кровью человѣческой! Гдѣ рабочій упалъ съ крыши, гдѣ во время сцѣпки вагоновъ составителя буферами придавило. Онъ, этотъ отдѣлъ, написанъ не литературнымъ языкомъ, не въ блестящемъ стилѣ. Словно писарь участковый писалъ: «Сего числа въ районѣ такой-то части произошло упаденіе лѣсовъ».. А я сердцемъ въ этихъ неуклюжихъ протокольныхъ фразахъ стоны слышу. Живой, человѣческій стонъ рабочаго Ивана Степанова, которому «при паденіи лѣсами прищемило ногу». Я вижу эту ногу! И иду! И иду!

— Сами идете?

Онъ улыбнулся улыбкой горькой и саркастической.

— Этика воспрещаетъ адвокату самому за кліэнтами ходить. Жестокая выдумка—этика! Жестокая, ибо сытая. Человѣку страдающему, человѣку, на котораго

рухнули лѣса, человѣку, которому прищемило ногу, руку помощи предложить этика воспрещаетъ! Самому ходить нельзя. У меня увѣчные ходятъ!

— Какъ увѣчные?

— Изъ бывшихъ кліэнтовъ особенно достопримѣчательные экземпляры отбираю и на жалованьѣ держу. Различныхъ есть категорій увѣчные для затравки. Есть на одной ногѣ, есть которые безъ руки. Одинъ совсѣмъ даже ползающій имѣется. Вдовицы также содержатся. И при вдовицахъ сироты.

— Всѣ на службѣ у васъ?

— Штатъ! Увѣчному человѣку нѣтъ большаго перваго утѣшенія, какъ такого же увѣчнаго встрѣтить. Увѣряю васъ, что человѣку на одной ногѣ даже противно смотрѣть на человѣка, у котораго двѣ ноги. Какъ намъ на урода. «Сколько у него ногъ!» Тогда какъ видъ одноногаго человѣка въ немъ возбуждаетъ радость: «Нашъ братъ, одноногій!» Сейчасъ у нихъ и общая тема для оживленнѣйшаго разговора есть,—нога! «Тебѣ какъ ногу отрѣзало?»—«Мнѣ паровозомъ».—«Да, и мнѣ паровозомъ». И одноногій одноногому говоритъ: «Спасибо, мнѣ еще адвокатъ такой-то помогъ. Деньги взыскалъ. Онъ по этой части ходокъ. Иди къ адвокату такому-то!» Одноногій одноногому всегда повѣритъ! Свой человѣкъ и живой примѣръ!

Голосъ его зазвучалъ даже вдохновенно:

— За обиженнаго, за страждущаго брата войну веду. Ничѣмъ не побрезгаю въ этой войнѣ. Грѣхъ въ такихъ случаяхъ—брезгливость. Преступленіе! Жестокая вещь брезгливость! Сытая выдумка! Въ больницахъ среди сторожей, среди сидѣлокъ друзей имѣю. Жалованье плачу. Лежитъ человѣкъ безъ ноги, а

сидѣлка ему въ сумерки тихимъ голосомъ утѣшеніе преподаетъ: «Не убивайся очень-то. Адвокатъ такой-то есть. Выпишешься,—прямо къ нему иди. Ноги нѣтъ,— передъ деньгами. У насъ тутъ тоже одинъ лежалъ, безъ ноги-то. Пошелъ къ этому адвокату. Денно и нощно Бога за него благодаритъ. Живетъ на одной ногѣ, да бариномъ. Такой ему кушъ, по адвокатовой защитѣ, отвалили. «Ежели, говоритъ, теперича мнѣ и другую ногу какъ-нибудь отрѣжутъ, — поползу, а ужъ къ этому адвокату». Вотъ какъ доволенъ». И идутъ ко мнѣ съ разныхъ сторонъ люди на одной ногѣ. Перевязочный пунктъ среди поля сраженія!

— Картина!

— Достойная кисти Верещагина!—отвѣтилъ онъ съ гордостью.—Я, знаете, о чемъ мечтаю? Построить особый домъ. «Домъ для увѣчныхъ присяжнаго повѣреннаго такого-то»

— Домъ призрѣнія?

— До суда. Перевязка, такъ сказать, ранъ нужды. Я и сейчасъ перевязываю. Но это амбулаторный пріемъ. Приходитъ ко мнѣ кліэнтъ. Письмоводитель только взглядываетъ: какого раздѣла? Безъ руки, безъ ноги? На каждый сортъ увѣчья у меня особый шкапъ. А въ шкапу-съ папки, въ алфавитномъ порядкѣ, съ газетными вырѣзками.— «Какъ фамилія!» — «Андроновъ».— «Посиди, подожди!» Письмоводитель приходитъ и докладываетъ: «Андроновъ, безъ нижняго купона!» Я сейчасъ въ «безногій» шкапъ. На букву «А». Вырѣзка изъ дневника происшествій: «Такого-то числа... при переходѣ черезъ полотно... ногу... Андроновъ... страдаетъ глухотой». — «Черезъ десять минутъ пусть войдетъ». Входитъ, бѣдняга, на одной ногѣ. — «Такъ и

такъ, Андроновъ»... Прерываю: «Стой! Андроновъ? Ногу? Припоминаю! Это не на Смоленской ли дорогѣ?»—«На ей, батюшка, проклятущей! Я, стало-быть»... — «Стой! Не говори! Я помню, меня еще тогда этотъ случай возмутилъ до глубины души! Сама судьба тебя ко мнѣ посылаетъ! Ты, сколько мнѣ помнится, глуховатъ?» Смотритъ на меня во всѣ глаза. — «Отецъ родной! И откуда тебѣ все»... — «Стой! Не надо благодарностей! Мало ли сколько бываетъ несчастныхъ случаевъ. Но твой случай исключительный! Небывалый! Онъ врѣзался мнѣ въ память!» Это первое утѣшеніе страждущему. Скажите, развѣ не утѣшеніе для страждущаго узнать, что его несчастіемъ интересуются, что ему сочувствуютъ? Наконецъ у человѣка есть самолюбіе. Всякому лестно, что съ нимъ случилось необыкновенное несчастье. Хоть самолюбіе-то бѣдняку потѣшить!

— Конечно, конечно.

— Я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, когда надо утѣшить несчастнаго, страждущаго брата!

И глаза его блеснули даже отвагой.

— Да! «Какъ же, какъ же! — говорю я. — Я тогда еще подумалъ: ахъ, злодѣи, ахъ, изверги! Неужели это имъ пройдетъ такъ даромъ? Держать такіе свистки, что и не разслышишь? А если человѣкъ глухъ? Давить его за то, что глухъ? Давить? Живого? Человѣка? Давить? Подписывай довѣренность!» Но...

И голосъ его, возбужденный, взволнованный, зазвучалъ глубокою грустью:

— Но чуткимъ сердцемъ своимъ я чувствую рану, которую нужно сейчасъ утолить. «Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ!» Сейчасъ-то, сейчасъ-то чѣмъ будетъ жить страдающій братъ? Перевязавъ раны ду-

ховныя, надо перевязать рану экономическую. «Есть ли деньги-то у тебя, бѣдняга? Нѣтъ? На̀ красненькую на жизнь. Выйдетъ,—еще приходи!»

— Послушайте. Позвольте пожать вашу руку.

— Не за что. Это въ счетъ будущихъ благъ. Я авансирую. И только! Выдана мнѣ довѣренность,— этимъ заложенъ отрѣзанный купонъ у меня. Довѣренность—закладная. И я даю деньги подъ купонъ, вплоть до полной реализаціи. Какъ въ банкирской конторѣ. Выходятъ деньги,—приходитъ опять. Но это, такъ сказать, амбулаторный пріемъ. Амбулаторная перевязка ранъ. Моя мечта — создать госпиталь, гдѣ экономическіе раненые лежали бы до полнаго излѣченія, т.-е. до присужденія иска. Поставить дѣло въ грандіозныхъ размѣрахъ! Убѣжище для тяжущихся! Иногда, въ минуты досуга, я составляю со знакомымъ архитекторомъ даже планъ такого убѣжища. Въ первомъ этажѣ помѣщаются исключительно безногіе. Чтобъ по лѣстницамъ не ходить.

— Какъ заботливо!

— Во второмъ этажѣ безрукіе. Я ихъ кормлю, одѣваю, обуваю. Это имъ обходится дешевле. Своя же портновская мастерская, гдѣ шьютъ штаны объ одной штанинѣ, пиджаки съ однимъ рукавомъ. Меньше матеріи и дешевле стоитъ. Тогда какъ на волѣ ему приходится покупать штаны обыкновенные, пиджаки двухрукавные! Зачѣмъ ему лишніе штанина и рукава? То же и съ обувью. Одна нога, а покупать приходится пару. Одного сапога нигдѣ не продаютъ. У меня же шить будутъ по одному сапогу. Имъ экономія и мнѣ безопасность и польза. Тамъ, на волѣ, онъ чортъ его знаетъ, что ѣстъ, ходитъ по бабкамъ, дрянью всякой

мажется. Долго ли увѣчному человѣку и на тотъ свѣтъ? Иногда какіе купоны пропадаютъ! А у меня, братъ, нѣтъ! До суда сохраню тебя въ цѣлости! Ну, и то еще польза, — у меня жить будутъ подъ присмотромъ, никто его не соблазнитъ. А тамъ, на волѣ, жужжатъ ему въ уши: «Не вѣрь адвокату! Да ты бы къ такому-то сходилъ, тотъ лучше». А у меня, — шалишь! Ни превратныхъ мыслей, ничего! Выдалъ довѣренность, и уповай на Господа. Человѣкъ больной, человѣкъ увѣчный, человѣкъ этакое несчастье перенесъ,— ему покой нуженъ. А не превратныя толкованія, которыя его только спокойствія духа лишаютъ! Ну, и мѣры можно принимать. Къ суду пострадавшихъ подготовлять. Сиротъ, напримѣръ, сѣчь можно. Чтобъ сидѣть не могли. Пусть на судѣ ерзаютъ да плачутъ. Предсѣдатель разсердится: «Что это за дѣти тамъ ревутъ? Вывести ихъ!»—«Это, г. предсѣдатель, истцы. Пострадавшіе. Сироты». Ему стыдно станетъ, что онъ сиротъ обидѣлъ. И на приговорѣ это отразится. Загладить захочетъ. Насчетъ вдовъ можно просто прислугѣ сказать: «Огорчить вдову такую-то, чтобъ она завтра цѣлый день проплакала!» И будетъ цѣлый день въ судѣ плакать. Это тоже на судей подѣйствуетъ! Я вамъ говорю, — съ твердостью воскликнулъ онъ, — тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ интересахъ младшаго, страждущаго брата, я ни передъ чѣмъ не остановлюсь. Высшая нравственность мнѣ говоритъ: «Тутъ останавливаться воспрещается». Останавливаться — преступленіе.

— Но послушайте! За всю эту энергію, находчивость, состраданіе, я думаю, и обожаетъ же васъ младшій, страждущій братъ!

Онъ улыбнулся грустной и скромной улыбкой:

— Я не изъ тѣхъ, кто ищетъ за «подвиги» наградъ. За любовь къ людямъ одна истинная награда— неблагодарность. Знаете ли вы, что для жалобъ, поступающихъ на меня въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, заведенъ особый шкапикъ?

— Да не можетъ быть?!

— Фактъ!—вздохнулъ онъ.— Одинъ изъ старшинъ сторожу говорилъ: «Если пожаръ, первымъ долгомъ этотъ шкапикъ спасай. Пусть все погоритъ, — намъ одинъ этотъ шкапикъ на годъ работы дастъ!» Мнѣ шутя говорятъ: «Вы сословіе разоряете! Изъ-за васъ отчетъ вдвое толще выходитъ».

— И все потерпѣвшіе?

— Все потерпѣвшіе.

— Купоны?

— Купоны. Но я на нихъ не ержусь. Получить за подвигъ любви неблагодарность, это удѣлъ каждаго борца. Сумѣть отвѣтить на нее ласковой улыбкой— его долгъ. Несомнѣнно, что ампутація руки, ноги нарушаетъ цѣлость нервной системы. На человѣка паровозъ наѣхалъ, — это хоть кому разстроитъ нервы. Ну, они и жалуются! Но я на нихъ не сержусь. Они на меня жалуются, а я ихъ прощаю. Я, повторяю, не изъ тѣхъ, кто ищетъ «за подвиги награды». Я борецъ идеи. Мнѣ ничего не надо.

— Но гонораръ-то, полагаю, вамъ нуженъ?

— Какой же гонораръ? — пожалъ онъ плечами. — Законный гонораръ: десять процентовъ.

— Это очень немного!

— Законный!

— Такъ что, если человѣку присудили двѣ тысячи, вы получаете двѣсти рублей, плюсъ, конечно, то, что вы дали «подъ залогъ купона»?

Онъ улыбнулся снисходительной улыбкой.

— Вы меня не совсѣмъ такъ поняли. Десять процентовъ не съ присужденной суммы, а съ суммы претензіи.

— Такъ что сколько же потерпѣвшій получитъ изъ двухъ тысячъ? Сколько?

— Это глядя по тому, какую онъ заявилъ претензію. Претензіи иногда, дѣйствительно, преувеличиваютъ. Согласитесь, всякому своя рука или нога дороги. И мое положеніе щекотливое. Цѣнитъ человѣкъ свою ногу въ десять тысячъ. Не могу же я ему сказать: «Это дорого. Твоя нога этого не стоила». Это неделикатно. Это грубо. Это бьетъ по самолюбію. Человѣкъ нуждается въ утѣшеніи, ему говоришь: «Конечно, конечно! Такая нога!» И предъявляешь претензію въ десять тысячъ, согласно его желанію!

— А присуждаютъ двѣ. Сколько же онъ получаетъ?

— Съ десяти тысячъ десять процентовъ — тысяча рублей. Тысяча рублей мнѣ. Тысяча рублей ему, минусъ, конечно, что ему передавалъ «подъ залогъ купона».

— Съ двухъ тысячъ тысяча гонорара?!

— Больше нельзя. Совѣтъ на это косится. Эти люди, привыкшіе служить сытымъ, относятся ужасно къ намъ, адвокатамъ бѣдняковъ, адвокатамъ несчастныхъ, адвокатамъ поистинѣ страждущихъ. Мой товарищъ, адвокатъ Б., тоже «увѣчный адвокатъ», какъ я, предъявилъ претензію на восемнадцать тысячъ. Дѣло кончилось безъ суда, на трехъ тысячахъ. Коллега Б. взялъ

изъ нихъ тысячу восемьсотъ рублей гонорара и тысячу двѣсти отдалъ пострадавшему! Такъ что же? Взъѣлись! «Тысячу восемьсотъ рублей, говорятъ, за то, что написали на Ремингтонѣ въ три строчки претензію? По шестьсотъ рублей за строку?» На шесть мѣсяцевъ совѣтъ было практику запретилъ. Да, слава Богу, палата смилостивилась. Постановила ограничиться строгимъ выговоромъ! Объ этомъ даже въ «отчетѣ» напечатано.

— И много, скажите, васъ такихъ, «увѣчныхъ», въ Москвѣ?

— Человѣка три-четыре, крупныхъ-то. Есть еще у вдовъ и сиротъ защитники! Хотя не всякій, конечно, этотъ подвигъ на себя принимаетъ. Согласитесь, бороться, защищать, въ отвѣтъ получать неблагодарность, даже презрѣніе. Строгіе выговоры, рисковать ежеминутно запрещеніемъ практики!

О, культура!

За что ты давишь людей?

И такъ много паровозовъ на свѣтѣ, а ты еще адвокатовъ наплодила.

Защитникъ желѣзныхъ дорогъ.

(Другой типъ).

— Играли вы когда-нибудь на сценѣ?

— Не случалось.

— Я, еще когда студентомъ былъ, игралъ. Въ благотворительномъ спектаклѣ. Въ пользу пострадавшихъ отъ какой-то катастрофы. Странное ощущеніе! Выходите на сцену, и первая мысль: «Батюшки, сколько у меня рукъ и ногъ выросло!» Просто, не знаете, куда ихъ всѣ дѣвать! На самомъ дѣлѣ, зачѣмъ человѣку непремѣнно двѣ руки и цѣлыхъ двѣ ноги? Embarras des richesses. Лишній расходъ на брюки, сапоги и рукава! Если у человѣка нѣтъ руки,—будь почтальономъ. Если у человѣка нѣтъ ноги, — сиди и клеи коробочки. Если вы хорошо, безъ предубѣжденія, разберетесь въ вопросѣ,— вы увидите, что двѣ руки и цѣлая пара ногъ,— это ужъ баловство, развратъ, поощренье роскоши!

Господинъ, говорившій это, солидный господинъ, въ великолѣпномъ фракѣ съ сіяющимъ значкомъ присяжнаго повѣреннаго.

На его визитной карточкѣ значится:

— Юрисконсультъ Кукуевско-Костоломской желѣзной дороги.

Все въ немъ полно спокойствія, величія и достоинства.

Отъ него исходитъ благоуханіе.

Отъ волосъ слегка пахнетъ одеколономъ. Когда, говоря, онъ наклоняется къ вамъ близко, отъ лица у него пахнетъ пудрой и отъ бороды чѣмъ-то необыкновенно-нѣжнымъ и пріятнымъ. Когда вынимаетъ платокъ, — по комнатѣ разливается еле слышный запахъ «Ideal».

Если бы онъ надушился чуть-чуть сильнѣе, — отъ него пахло бы кокоткой.

Но онъ надушенъ въ мѣру.

— Нѣчто подобное говорилъ въ судѣ одинъ французскій адвокатъ,—заикнулся я,—тоже юрисконсультъ желѣзной дороги.— «Зачѣмъ жалобщику рука?» Адвокатъ жалобщика отвѣчалъ: «Рѣчь моего противника такъ убѣдительна, такъ блестяща, что мнѣ хочется ему аплодировать. Мало того! Аплодировать хотѣлъ бы и мой кліэнтъ. Но у него нѣтъ руки!» Противникъ былъ срѣзанъ.

Благоухающій господинъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— Не находчивый адвокатъ,—только и всего. Я бъ на его мѣстѣ сказалъ: «Вотъ видите, господа судьи, какая польза отъ того, что у человѣка нѣтъ лишней руки! Если бы онъ сталъ аплодировать, вы, г. предсѣдатель, приказали бы его вывести за безобразіе. А теперь онъ можетъ спокойно сидѣть и любоваться торжественнымъ отправленіемъ правосудія». Вы помните Лермонтовскую «Тамань»?

— Конечно.

— Поэтъ говоритъ: «Я не люблю людей съ физическими недостатками. Мнѣ кажется, что физическому недостатку всегда соотвѣтствуетъ какой-то недостатокъ въ душѣ». Я думаю, какъ поэтъ. Душа — это нервы. От-

рѣзавъ только палецъ, — вы отрѣзаете уже нѣсколько нервовъ. Это убыль души. У человѣка, которому отрѣзало руку, ногу, — у него уже не полна нервная система. У него уже крупный недостатокъ въ душѣ Человѣкъ и съ двумя руками, и съ двумя ногами отличался уже преступными наклонностями. Неосторожностью. Преступной неосторожностью: неосторожностью къ самому себѣ. Какъ же вы хотите, чтобы человѣкъ относился къ другимъ, когда онъ самъ къ себѣ даже относится преступно?

— Вы думаете, что всѣ несчастные случаи происходятъ вслѣдствіе «собственной неосторожности»?

— Всѣ. Человѣкъ говоритъ: «Я не слыхалъ свистка паровоза. Я не замѣтилъ, что лѣса непрочны. Машина, къ которой я подошелъ, не была ограждена». Онъ требуетъ, чтобъ паровозы свистали, увидѣвши его, чтобъ люди чужіе и посторонніе заботились, думали о немъ: осматривали лѣса, сажали машины, какъ звѣрей, въ клѣтки. Онъ хочетъ, чтобъ другіе работали на него! Развѣ это не преступное легкомысліе? Преступное,—потому что преступленіе такъ относиться къ самому себѣ. Преступленіе! Итакъ, въ лицѣ каждаго пострадавшаго мы имѣемъ уже субъекта съ преступными задатками. Совершается убыль души: отрѣзываетъ руку или ногу. Часть души,— часть нервной системы,— ампутирована. И такъ душа была не изъ важныхъ, а ея еще убыло! Чего же ждать отъ такого субъекта? И вотъ мы видимъ ужасное и отвратительное явленіе. Съ человѣкомъ случилось несчастіе. Тяжелое, непоправимое. Вмѣсто того, чтобъ горько оплакивать его,— онъ преисполняется духомъ. Онъ радуется: «Взыщу!» Онъ идетъ къ адвокату, онъ требуетъ, чтобъ ему заплатили.

Заплатили тысячи! Онъ спекулируетъ на свое несчастіе, — и изъ кары неба дѣлаетъ для себя источникъ обогащенія. Чѣмъ объяснить эту черствость сердца? Этотъ возмутительный матеріализмъ? Я объясняю себѣ убылью души вмѣстѣ съ убылью нервной системы

Онъ говорилъ горячо, съ негодованіемъ и когда произносилъ слова «возмутительный матеріализмъ»,— даже слегка обмахнулся надушеннымъ платкомъ, словно скверно пахло.

— Я говорю этимъ господамъ безъ рукъ, безъ ногъ: «Во имя человѣческаго горя, стойте вы, торгаши собственнымъ мясомъ! Вы, истинные торгаши человѣческимъ тѣломъ! Вы, сдѣлавшіе предметъ наживы изъ собственныхъ рукъ и ногъ! Вы, исказители человѣческой природы! Во имя уваженія къ человѣческому горю, не дѣлайте изъ него предметъ торга! И въ святую поэзію человѣческой скорби не вносите презрѣннаго звона золота и, похожаго на змѣиный шопотъ, тихаго шелеста бумажекъ! Плачьте, но не требуйте сторублевокъ, чтобъ прилѣпить къ вашимъ ранамъ. Это не лѣкарство отъ ранъ. Источайте у людей брильянты слезъ скорби и состраданія,— но не требуйте золотыхъ!»

— Очень хорошо. Сильно и прочувствованно. Но, кромѣ безногихъ и безрукихъ, есть еще и совсѣмъ задавленные. Послѣ которыхъ остаются жены и дѣти.

— Послушайте! Будемъ говорить безъ всякой сентиментальности. Трезво, здраво. Есть ли потеря такого отца — горе? Человѣкъ отличался преступной неосторожностью. Чему онъ могъ научить своихъ дѣтей? Такой же неосторожности! Какой примѣръ онъ могъ подать имъ? Примѣръ преступнаго легкомыслія, и

только! Не лучше ли, что дѣти лишены пагубнаго примѣра и пагубнаго воспитанія? Весь міръ согласится со мной,—это аксіома,—что въ дѣлѣ воспитанія самое благотворное начало — вліяніе матери. Со смерти отца этому благотворному началу предоставляется полная свобода. Отецъ часто тормозитъ благотворное вліяніе матери. Теперь это вліяніе идетъ свободно, безъ тормоза, полнымъ ходомъ. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ хочется крикнуть: «ура!»

— Но матеріальныя средства! Матеріальныя средства!

— Нужда, лишеніе? Отлично. Ничто такъ не скрѣпляетъ семью, ничто не связываетъ ея несокрушимымъ цементомъ, какъ нужда, какъ лишеніе. Въ богатыхъ семьяхъ всѣ смотрятъ врозь, — въ бѣдныхъ всѣ сбиты въ комокъ. Держатся другъ за друга. Мать работаетъ съ утра до поздней ночи, не покладая рукъ. Пусть даже губитъ себя за работой, — тѣмъ лучше! Святой образъ матери отъ этого только выростаетъ въ глазахъ дѣтей. Онъ будетъ служить имъ путеводной звѣздой во всю дальнѣйшую жизнь: «Наша святая!» скажутъ они. Образъ матери имъ будетъ безконечно дорогъ,— имъ, закаленнымъ на жизненную битву бойцамъ. Ничто такъ не закаляетъ, какъ нужда, какъ лишеніе. Жизнь покажется имъ праздникомъ послѣ такого дѣтства! Неизбалованные жизнью, — да имъ каждый пустякъ, каждая мелочь, мимо которой мы проходимъ, ея не замѣчая,—покажутся прелестью, наполнятъ душу восторгомъ, превратятся въ радость жизни. Имъ, знающимъ голодъ,—каждый кусокъ колбасы, даже второго сорта, покажется лакомствомъ. Имъ, привыкшимъ къ лохмотьямъ, штаны безъ заплатъ покажутся бальнымъ платьемъ. Имъ, выросшимъ въ холодѣ, въ темнотѣ,

лампа покажется солнцемъ, стоящимъ на столѣ, и каждый разъ, какъ затопятъ печку, они будутъ радоваться и веселиться. Жизнь представится имъ, не избалованнымъ, полной лакомствъ, радостей, прелестей. Какія же тутъ основанія къ иску?! Кого давятъ? По большей части простолюдиновъ. Часто даже пьяныхъ. Вспомните, какъ обращаются простолюдины съ женами, съ дѣтьми! Взгляните здраво. Отъ скольких колотушекъ спасла несчастную женщину и дѣтей желѣзная дорога! За что же тутъ взыскиваютъ?!

— И вы боретесь съ этой безрукой и безногой арміей?

— Безкорыстно.

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза прямо, свѣтло и ясно.

— Безкорыстно. Потому что я получаю жалованье. Если бъ я получалъ проценты,—можно было бы заподозрѣть, что я дѣйствую изъ интереса. Но я получаю годовое жалованье отъ желѣзной дороги, — значитъ, дѣйствую по убѣжденію. Матеріально я не заинтересованъ, взыщутъ съ насъ столько или столько. Я получаю жалованье, и потому я идеалистъ чистѣйшей воды. Сознаюсь въ этомъ вамъ, имѣю мужество сознаться безъ краски стыда на лицѣ. Это смѣшно, конечно: въ нашъ вѣкъ быть идеалистомъ! Но таково ужъ воспитаніе. Я человѣкъ семидесятыхъ годовъ. Я выросъ идеалистомъ-мечтателемъ. Имъ и умру. Человѣкъ — мой богъ. Ему я поклоняюсь. Красотѣ его духовной природы. И когда на эту красоту, на «возвышенность» человѣческой природы посягаютъ, превращая самое горе въ источникъ обогащенія,—я громко говорю: «Назадъ!» Мнѣ кажется, что клевещутъ на человѣческую природу. «Мнѣ кажется, что бьютъ мою родную мать!»

..акъ сказалъ Гюго. Я идеалистъ, милостивый государь. Мнѣ тяжко видѣть, что даже среди простого народа матеріализмъ внѣдряется въ сердце и изгоняетъ возвышенныя стремленія духа. Всей моей дѣятельностью я борюсь съ этимъ, я не даю торжествовать грубому матеріализму. Я прихожу къ этимъ безногимъ, безрукимъ, потерявшимъ отцовъ, мужей, прихожу въ тягчайшую минуту ихъ жизни и говорю: «Мужайтесь! Переносите съ терпѣніемъ постигшее васъ испытаніе! Ищите высокихъ, нравственныхъ, а не грубыхъ, матеріальныхъ утѣшеній! Горе человѣческое свято! Душа въ горѣ — храмъ страданія. Да не войдетъ въ этотъ храмъ торгашъ и не поставитъ въ немъ мѣняльнаго стола!» Я идеалистъ. Человѣкъ—мой богъ. Право—моя религія. Послѣ человѣка, право для меня священнѣйшее, что есть на землѣ. Кому бы оно ни принадлежало! Въ мірѣ, суетномъ и мятущемся, люди дѣлятся на богатыхъ и бѣдныхъ. Въ тихой пристани, моемъ кабинетѣ, гдѣ со стѣнъ глядятъ портреты Гюго и Толстого, гдѣ улыбается своею скорбною улыбкой Данте, гдѣ со шкапа смотритъ своимъ измученнымъ лицомъ Сенека,— тамъ нѣтъ этого дѣленія. Тамъ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. И милліонера я приму такъ же съ распростертыми объятіями, какъ принялъ бы бѣдняка. Я другъ равенства. Истиннаго равенства. Да здравствуетъ полное равенство между людьми. Потрудитесь закрыть дверь, а то какъ будто немножко дуетъ... Я больше скажу. Долой аристократовъ! Всякихъ! Аристократію рода, аристократію денегъ, — но и аристократію несчастія. Долой преимущества! Я истинный демократъ, мой другъ. Пусть ничто не даетъ преимуществъ: ни родовитость, ни богатство, ни несчастіе. Почему мы готовы

слушать только плачъ и жалобы человѣка, которому отдавило руку или ногу,—и не желаемъ слышать жалобъ того несчастнаго, чей паровозъ отдавилъ руку или ногу. Развѣ это не несчастіе, не страданіе знать, что твой паровозъ-преступникъ сдѣлалъ такое дѣло? Развѣ это справедливо? Почему признавать права только безрукаго и безногаго, а не признавать правъ людей съ обѣими руками и обѣими ногами? Что это за «аристократія несчастія»? Право,—какъ знамя. Священная вещь, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Ницъ передъ правомъ! И я защищаю право. Я помогаю желѣзной дорогѣ осуществить ея право. Она недовольна рѣшеніемъ окружнаго суда,—она имѣетъ право перенести дѣло въ палату. Я помогаю ей осуществить это законное право. Она недовольна рѣшеніемъ палаты. Право ея—подать въ Сенатъ. Я осуществляю и это ея право. Пусть всякій пользуется всѣми своими правами. Это—шествіе въ міръ справедливости и истиннаго равенства!

— Неужели вы такъ горячо говорите по каждому дѣлу? У васъ, вѣроятно, ихъ сколько въ году! Такъ можно сгорѣть въ одинъ годъ. Вы не бережете себя. Это, извините, тоже преступная неосторожность!

Онъ улыбнулся мнѣ успокоительной улыбкой:

— Ахъ, нѣтъ! Въ судѣ этого не требуется. Это я говорю только предъ судомъ своей совѣсти!

— А она что же? Устраиваетъ засѣданія?

Онъ пожалъ плечами:

— Не о чемъ. Нѣтъ состава преступленія. Я получаю жалованье,—и моя совѣсть спокойна. Я процентно не заинтересованъ,—значитъ, дѣйствую по убѣжденію.

— Такъ что въ судѣ не нужно рѣчей?

— Гражданскій. Ни подъ перлы краснорѣчія, ни подъ брильянты ничего не выдаютъ. Дѣло очень просто. По самому роду моей миссіи, — миссіи юрисконсульта желѣзной дороги, — ко мнѣ поступаютъ два рода дѣлъ: о порчѣ или утерѣ грузовъ и о порчѣ или утерѣ людей. По первымъ существуетъ разъ навсегда одно возраженіе: «плохая укупорка». Истецъ виноватъ въ порчѣ самъ, зачѣмъ самъ не заботился и плохо укупорилъ грузъ. По вторымъ тоже разъ и навсегда одно возраженіе: «собственная неосторожность». Порча или потеря человѣка произошла благодаря его собственной неосторожности. Потому, «прошу въ искѣ отказать, что же касается до частнаго ходатайства истца о вызовѣ свидѣтелей, то прошу таковое оставить безъ послѣдствій, въ виду недоказанности самаго права на искъ». Соотвѣтственно этому въ кабинетѣ два шкапа. Шкапъ съ «плохой укупоркой» и шкапъ «собственной неосторожности». Иду и говорю, соотвѣтственно тому шкапу, изъ котораго письмоводитель подалъ мнѣ дѣло. Сказалъ ли онъ: «Это изъ праваго-съ», или: «Это изъ лѣваго-съ шкапа».

— А вдругъ путаница?

— Кто? Письмоводитель? Не перепутаетъ никогда! Онъ на этотъ счетъ аккуратенъ. Со мной, дѣйствительно, разъ случай вышелъ!

И онъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ.

— Было, знаете, масса дѣлъ. Ушелъ въ буфетъ завтракать. Сказалъ разсыльному: «Позовите, когда мое, и когда противникъ кончитъ говорить». Не раньше. Что мнѣ его краснорѣчіе слушать? Лучше лишней осетрины съѣсть. Всѣ мы говоримъ въ такихъ дѣлахъ одно и то же. Едва я приступилъ къ осетринѣ, — су-

дебный разсыльный: «Пожалуйте! Ваше! Кончилъ!» Лечу, утеръ ротъ и начинаю: «Прошу въ искѣ за бездоказанностью отказать, такъ какъ убытокъ произошелъ отъ плохой укупорки»... Сказалъ, и, можете себѣ представить, даже остановился. Что произошло? Судьи глядятъ на меня дико. Противникъ, язва, какъ Вельзевулъ улыбается. Ничего понять не могу. Кажется, что слѣдуетъ сказалъ?! А судебный разсыльный меня за фалду, за фалду: «Иванъ Ивановичъ, не о подмоченномъ грузѣ,—увѣчное дѣло!»

— Ахъ!

— Никакого «ахъ». Просто, улыбнулся, провелъ рукой по волосамъ. «Такъ,— говорю,— господа судьи, сказалъ бы я, если бы даже дѣло шло только о подмоченномъ грузѣ! И вы отказали бы истцу, сказавши: «Самъ виноватъ, за собственную неосторожность самъ и платись». А тутъ рѣчь идетъ о еще болѣе тяжкой неосторожности,—о неосторожности, благодаря которой погибла... погибла... ну, вообще, погибъ одинъ изъ членовъ человѣческаго тѣла! Что же въ этомъ случаѣ остается сказать вамъ, гг. судьи?» Даже предсѣдатель потомъ благодарилъ: «Большое удовольствіе доставили. Какъ выпутались!»

— Значитъ, собственно, «защита права», по такимъ дѣламъ у васъ чрезвычайно просто? Можно бы, прямо, вмѣсто себя фонографъ посылать?

Онъ улыбнулся:

— Ну, не совсѣмъ. Есть, знаете, маленькіе «трюки», которыхъ фонографъ передать не можетъ. Это ужъ относится скорѣе къ «искусству юриспруденціи», а не къ чистой юриспруденціи, какъ таковой. Небольшіе пріемы, выработанные опытомъ. Напримѣръ, я являюсь по болѣе

затруднительнымъ изъ такихъ дѣлъ съ очень набитымъ портфелемъ. Это производитъ удручающее впечатлѣніе на судъ. «Какъ начнетъ онъ подкрѣплять свои возраженія! Экъ, какую уйму основаній притащилъ!» А дѣлъ, понимаете, назначена масса. Ну, и боятся. Пріемъ болѣе психологическій. Этимъ у меня жена больше завѣдуетъ. Ей только скажешь: «Котикъ, сегодня положить можно». У дамъ всегда, знаете, тысячи порученій наготовѣ. Или у Мюра и Мерилиза перемѣнить что-нибудь надо, или изъ бѣлья ея что-нибудь починить надо отдать, изъ тонкихъ и деликатныхъ вещей, или ботинки какія-нибудь не впору. Она и кладетъ. Выходитъ портфель. Разъ она, знаете, увлеклась,—двѣ штуки полотна перемѣнить да кусокъ канауса да туфель двѣ пары. Весьма мнѣ помогло тогда право осуществить. Не только на судъ,—на противника сильное впечатлѣніе произвело. Устрашился. «Вижу, — говоритъ, — коллега, что вооружились!» А самъ по портфелю, такъ, шуточкой, гладитъ. А я портфель-то отъ него, отъ него. Вдругъ туфли нащупаетъ! Процессъ проиграть можно. «Такъ ужъ, — говоритъ,— я, коллега, особенно на ходатайствахъ настаивать не буду, только вы арсенала въ ходъ не пускайте. Мнѣ еще нынче въ коммерческій судъ поспѣть надо». Ну, а если туфель нѣтъ, нащупать нечего, — тогда мы заранѣе свой портфель на пюпитръ кладемъ. Мое дѣло пятымъ, а я передъ третьимъ на виду у суда на пюпитръ портфель положу. Судъ смотритъ и ужасается. А противникъ,— щупай! Что полотно, что фай, что бумага, — не прощупаешь. Можно, конечно, ключикъ подобрать къ портфелю противника, — закончилъ онъ меланхоли-

чески, — но кругомъ народъ. Неудобно. Смотри поросенка въ мѣшкѣ!

— Все, конечно, требуетъ искусства. Но какимъ же образомъ вы «осуществляете право»?

— Право осуществляется самымъ осуществленіемъ права! — сказалъ онъ торжественно, какъ жрецъ. — Право, какъ нѣчто божественное, есть нѣчто самодовлѣющее. Право не платить по корыстнымъ домогательствамъ пострадавшаго осуществляется правомъ подавать апелляціи и кассаціи. Въ окружномъ судѣ дѣло рѣшили,—въ палату передаю. Въ палатѣ рѣшено,—въ Сенатъ. Поживи, корыстолюбецъ! Нынѣ у насъ XX вѣкъ, 1907 г.,— а въ палатѣ еще дѣла 1898 года слушаются. За изобиліемъ! Прошлаго столѣтія дѣла! А Сенатъ!..

Онъ даже зажмурилъ глаза отъ удовольствія:

— Если бы можно было при каждомъ дѣлѣ прилагать на выдержку ящикъ сигаръ,— цѣны бы сигарамъ не было! Такъ выдерживаются! Опять-таки изъ-за изобилія и перепроизводства дѣлъ! Подожди! Величайшихъ корыстолюбцевъ этимъ сокращаютъ. На что угодно идутъ. Самыя корыстныя желанія въ душѣ ихъ смолкаютъ. Брильянты слезъ на глазахъ блестятъ. «Дай, — говорятъ дорогѣ, — хоть что-нибудь, только не тяни этакъ! Второй разъ словно подъ паровозомъ лежу!»

— Ну, а совѣтъ?

— Что совѣтъ?

— Совѣтъ какъ къ такой дѣятельности?

— Совѣтъ, милостивый государь, монтіононовскихъ премій за добродѣтель не выдаетъ. Остаемся отъ совѣта не поощренными.

— Ну, а въ другомъ отношеніи?

— Приструнить?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ изумленіемъ.

— За что же? Я подаю апелляціи и кассаціи. Это право отвѣтчика. Я помогаю людямъ осуществить свое «право». Святое и великое назначеніе человѣка!

— Простите. Вы идеалистъ, и не любите «матеріальныхъ» вопросовъ. Но позволю поставить святое дѣло осуществленія права на грубую матеріальную почву. Вы измотаете кліэнта, онъ согласится вмѣсто тысячъ получить гроши,—а его адвокатъ, по условію, возьметъ изъ этихъ грошей, какъ съ тысячъ? «Десять процентовъ съ исковой суммы?!»

Благоухающій собесѣдникъ даже какъ-то слегка отмахнулся надушеннымъ платкомъ:

— Это ужъ ихъ дѣло!

И я далъ себѣ клятву,—послѣ этого разговора быть какъ можно осторожнѣе.

По желѣзнодорожнымъ путямъ не ходить, до полной остановки изъ вагона не выходить и, завидѣвъ поѣздъ, бѣжать, — но не сломя голову, — въ другую сторону.

Поступятъ съ тобой, какъ съ Фриной.

Адвокатъ, сначала противникъ, сниметъ съ тебя, увѣчнаго, костюмъ, а потомъ свой адвокатъ—послѣднюю рубашку.

Одинъ очень умный человѣкъ сказалъ, что «адвокаты—это налогъ на человѣческую глупость».

При теперешнихъ условіяхъ взысканія по увѣчнымъ дѣламъ—это еще и налогъ на человѣческое несчастіе.

И налогъ страшно, невыносимо обременительный.

Къ общественной совѣсти.

Въ мрачномъ залѣ петербургскаго окружнаго суда кончилась одна изъ сессій присяжныхъ засѣдателей.

Сессія была не изъ важныхъ.

Колода безъ козырей

Ни одного крупнаго процесса, которые останавливаютъ общественное вниманіе. Такъ, уголовный мусоръ, уголовный хламъ, уголовная мелочь.

Дѣла о третьей кражѣ, о мелкихъ подлогахъ, мошенничествахъ.

Тамъ, гдѣ улики подтверждались, присяжные говорили:

— Да, виновенъ.

Гдѣ собранныя «улики» оказывались на судѣ пустяками, присяжные оправдывали.

При чемъ часто защитники, выпрашивая оправданіе или снисхожденіе, говорили:

— Онъ столько-то просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи!

Сроки все очень большіе, потому что слѣдователей «по преступникамъ» очень мало, и слѣдствія затягиваются надолго.

Итакъ, напоставлявъ приговоровъ, присяжные закончили свою сессію.

Но тутъ произошло нѣчто необычайное. По окончаніи послѣдняго дѣла старшина присяжныхъ всталъ и обратился къ предсѣдателю не съ обычной благодарностью:

— За безпристрастное и внимательное веденіе дѣла, благодаря которому мы, присяжные, могли со спокойной совѣстью постановлять наши приговоры!

Онъ сказалъ:

— Совѣсть присяжныхъ засѣдателей неспокойна. Мы оправдывали людей, впавшихъ въ грѣхъ только вслѣдствіе крайней нужды и несчастія. Людей не дурныхъ. И отпускали ихъ на волю. Куда? Куда пойдетъ человѣкъ безъ поддержки, находящійся въ крайней нуждѣ, обезславленный своей «подсудимостью»? Какой другой путь, кромѣ пути преступленія, открытъ ему среди его нищеты, позора и безпомощности? Многіе на судѣ оказывались невиновными. Но до суда они ужъ отбыли тяжелое наказаніе, предварительное заключеніе. Почему? Только потому, что у нихъ нечѣмъ было внести за себя залогъ, часто грошевый, ничтожный. Все это глубоко волнуетъ насъ, представителей общественной совѣсти. Намъ, представителямъ общества, кажется, что общество сдѣлало не все, что оно обязано было сдѣлать по отношенію къ этимъ несчастнымъ, только отпустивъ ихъ съ миромъ, послѣ долгаго сидѣнья въ тюрьмѣ. Необходимо, кажется намъ, создать попеченіе о тѣхъ, кто находится подъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и о тѣхъ, кто выходитъ изъ суда оправданнымъ, но безо всего. Вотъ что подсказываетъ намъ наша совѣсть, и мы обращаемся

къ вамъ, гг. судьи, не найдете ли вы необходимымъ взять вмѣстѣ съ нами иниціативу въ учрежденіи такого попечительства?

Вѣсть о необычномъ обращеніи старшины присяжныхъ къ предсѣдателю обѣжала судъ и встрѣтила у судей живѣйшее сочувствіе.

Это было именно то, что тревожило часто и совѣсть судей, которымъ въ ихъ тяжеломъ дѣлѣ чаще приходится сталкиваться съ несчастіемъ, чѣмъ съ порокомъ.

Покойный И. Ѳ. Горбуновъ въ шутливомъ письмѣ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей писалъ:

— «Петербургъ городъ большой, и воровъ въ немъ много. А котораго вора поймаютъ, того вора посадятъ и, подержавъ, отпустятъ. И опять тотъ воръ воровать учнетъ».

Эта поимка воровъ, сажанье и потомъ опять отпускъ,—все, въ чемъ и состояло до сихъ поръ дѣло правосудія, что-то въ родѣ толченія воды въ ступѣ.

— И опять тотъ воръ воровать учнетъ.

Но почему учнетъ?

Злая ли воля руководитъ человѣкомъ, когда онъ, выпущенный изъ тюрьмы, «опять воруетъ» отъ голода?

Это вопросы не только милосердія, но и общественной безопасности.

Если вы возьмете всѣ почти убійства съ цѣлью грабежа,—вы увидите, что «звѣрскіе» герои ихъ начинали съ маленькаго.

Кража—тюрьма. По выпускѣ изъ тюрьмы, по необходимости,—новая кража. И такъ выше, выше по «лѣстницѣ преступленій».

И общество, въ интересахъ не только милосердія, но и собственной безопасности, должно заботиться о томъ, чтобы человѣкъ, случайно впавшій въ преступленіе, затѣмъ силою обстоятельствъ не превращался въ опаснаго злодѣя.

Подавая руку помощи человѣку, совершившему кражу изъ нужды и отбывшему наказаніе, вы, быть-можетъ, спасаете общество въ будущемъ отъ убійства цѣлой семьи съ цѣлью грабежа.

Законъ говоритъ:

«Если человѣкъ, который можетъ быть отпущенъ подъ залогъ или поручительство, залога не вноситъ и поручительства не представляетъ,—онъ долженъ содержаться до суда подъ стражей».

Законъ написанъ въ огражденіе общества. И долгъ не только милосердія, но и справедливости—избавить отъ ненужнаго мученья человѣка, пребываніе котораго въ обществѣ самъ законъ не считаетъ опаснымъ.

Зачѣмъ, почему долженъ подвергаться, еще безъ суда, еще до суда, тяжкой карѣ? Только потому, что у него нѣтъ денегъ на грошевый залогъ?

Теперь въ законодательномъ порядкѣ разрабатывается гуманный проектъ. О пріостановкѣ наказанія до выздоровленія тѣхъ, кто заболѣетъ во время отбыванія наказанія.

Ихъ будутъ отпускать на попеченіе родныхъ или попечителей.

Это справедливо и гуманно.

Больныхъ, конечно, не наказываютъ.

Ну, а тѣ больные, у кого нѣтъ родныхъ, нѣтъ людей, которые взяли бы ихъ на свое попечительство?

Они будутъ отбывать наказаніе и больные.

За что же? Только за то, что у нихъ нѣтъ родныхъ?

Тамъ человѣкъ сажается въ тюрьму, еще неизвѣстно, виноватый или не виноватый, только потому, что у него нѣтъ денегъ на залогъ. Здѣсь больной подвергается наказанію только потому, что онъ одинокъ.

Знаменитая русская [1]).

По паспорту она—Вѣра Жело.

Въ Парижѣ ее прозвали Револьвера Жело.

Нѣтъ въ мірѣ уголка, гдѣ бы не знали этого имени.

И мнѣ хотѣлось бы вскрыть эту славу, какъ вскрываютъ волдырь. Небольшой, но надоѣдливый.

Досадно, въ концѣ-концовъ, что на такомъ здоровомъ и крѣпкомъ организмѣ, какъ русское общество, появляются такіе прыщи.

Разбирая «славу» г-жи Револьверы Жело, я думаю, что никогда еще плохая актриса изъ грошевой мелодрамы не дѣлала такого шума.

А всѣ ея слова, жесты, позы напоминаютъ очень зауряднную актриску изъ самой грошевой мелодрамы.

Что такое Вѣра Жело?

— Она училась въ Парижѣ.

Какой вздоръ!

Она училась, какъ тотъ анекдотическій студентъ, которымъ хвасталась его мать.

— Ужъ такъ-то учится мой сынъ! Такъ-то учится! Каждый годъ съ факультета на факультетъ переходитъ!

Шататься въ Сорбонну и въ College de France, двери которыхъ открыты для всѣхъ, любознательныхъ и любопытныхъ, еще не значитъ учиться.

---

1) Г-жа Вѣра Жело стрѣляла въ Парижѣ въ профессора College de France Эмиля Дешанеля, который якобы покушался на ея честь. Но не попала и ранила на смерть свою подругу Зеленину.

Она слушала такъ, что придется, въ свободные часы между завтракомъ и обѣдомъ.

Безо всякой системы. Безо всякаго желанія что-нибудь дѣйствительно изучить.

Астрономію, исторію литературы, химію, римское право.

На какую лекцію попадетъ.

Въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ живетъ дѣйствительно учащаяся, дѣйствительно работающая русская молодежь, ни ея ни ея несчастной подруги Зелениной не знали.

А когда узнали, не признали ихъ своими.

— Онѣ не имѣли ничего общаго съ нами.

Вѣра Жело просто молодая дѣвушка, которой хотѣлось жить въ Парижѣ подъ предлогомъ якобы ученья.

— Она подвергалась преслѣдованію и была оскорблена.

— Какъ?

— Вы подверглись насилію?—спросилъ ее докторъ.

— О, нѣтъ! До этого бы я не допустила!—отвѣчала она со смѣхомъ.

Что же съ ней случилось?

Какъ ее оскорбили?

Словомъ, жестомъ, намекомъ?

Предсѣдатель суда умолялъ ее:

— Откройте же намъ эту тайну!

Молчаніе.

— Васъ стѣсняетъ публика? Публика будетъ удалена! Передъ вами будутъ только судьи, которымъ вы должны сказать все, какъ на исповѣди. Ваша тайна умретъ здѣсь. Но судьи, присяжные должны знать правду!

Мелодраматическое молчаніе.

Такія шаржированныя скромности бываютъ только въ очень плохихъ мелодрамахъ.

Въ концѣ-концовъ эта «драматическая пауза» была похожа на невольную паузу, которую дѣлаетъ человѣкъ, когда ему рѣшительно нечего сказать.

— О, она подверглась страшному оскорбительному преслѣдованію!

Я имѣлъ удовольствіе видѣть передъ собой госпожу Вѣру Жело во время суда въ теченіе цѣлаго дня.

Удовольствіе, говоря по правдѣ, не изъ особенныхъ.

Скажу словами Гейне:

— Если бы прекрасная Елена была похожа на нее, бѣдная Троя не была бы разрушена, и Гомеръ не написалъ бы своей «Иліады»! Троянской войны не было бы!

Съ такой внѣшностью можно ходить гдѣ угодно, объѣхать весь міръ одной или оставаться вдвоемъ.

Это—счастливая внѣшность, потому что она безопасна.

Но что вы хотите!

Есть такія барышни изъ города Николаева! Oh, la, la! За ними ухаживали даже гимназисты пятаго класса! А одинъ четвероклассникъ хотѣлъ и совсѣмъ застрѣлиться!

Онѣ увѣрены. Стоитъ появиться въ Парижѣ,—весь Парижъ потеряетъ голову!

— Въ Парижѣ любятъ красивыхъ женщинъ.

Онѣ перевернутъ весь Парижъ!

Люди почтенные, съ именемъ, бросятъ все: семью, положеніе, и побѣгутъ за ними.

И въ Николаевѣ мечтаютъ:

— Какъ меня будутъ преслѣдовать въ Парижѣ! Воображаю!

Это—забавная манія. Смѣсь маніи величія съ маніей преслѣдованія.

Онѣ—прекрасныя нимфы, и весь міръ, переодѣвшись въ фавновъ и сатировъ, гонится за ними по пятамъ.

Конторы, банки закрыты. Биржа бездѣйствуетъ. Офицеры взяли отпуски. Всѣ жены покинуты

Судьбѣ было угодно превратить этотъ водевиль въ трагедію.

Но, въ качествѣ истинной актрисы грошевой мелодрамы, г-жа Вѣра Жело продолжаетъ играть мелодраму.

Зеленина умираетъ.

Револьвера требуетъ у слѣдователя:

— Отпустите меня! Я хочу быть у ея одра!

— Но, mademoiselle, какъ же я васъ отпущу?

— На честное слово! Я даю мое честное слово!

— Я не имѣю права, mademoiselle.

И г-жа Жело огорошиваетъ слѣдователя трескучей фразой изъ плохой мелодрамы:

— Вы не знаете, что такое честное слово русскаго человѣка! Когда какой-нибудь русскій даетъ слово, это самая надежная гарантія! Такъ принято въ нашей странѣ!

Въ маленькомъ театрикѣ такая фраза, выкрикнутая во все горло, вызвала бы бурю аплодисментовъ.

— Громко, чортъ возьми, сказано! Bis!

— Вѣру Жело судили.

Вѣру Жело никогда не судили!

Никогда.

Старались вывести изъ неловкаго, конфузнаго положенія г. Эмиля Дешанеля, отца президента палаты депутатовъ.

Этотъ мелодраматическій выстрѣлъ ранилъ репутацію старика. И ее надо было возстановить. Вотъ все, чѣмъ занимался судъ.

Насталъ самый страшный моментъ французскаго процесса.

Изъ своего темнаго угла поднялся прокуроръ.

Этотъ страшный французскій прокуроръ, который, протягивая костлявую руку къ подсудимому, прямо говоритъ:

— Я требую его головы!

Съ бородкой и лицомъ Мефистофеля, худой какъ скелетъ, въ тогѣ огненнаго цвѣта, онъ, дѣйствительно, былъ похожъ, если не на сатану, то на одного изъ его аггеловъ.

И вдругъ случилось что-то необыкновенное.

Сатана заговорилъ какъ купидонъ.

Онъ требовалъ оправданія г-жи Вѣры Жело!

— Отпустите ее съ миромъ. Ну ее!

Стоило для этого такъ рядиться! Это во Франціи называется «судить»?

И при видѣ переполненнаго театра, куда собрался весь свѣтъ и полусвѣтъ Парижа, мелодраматическая артистка, конечно, не могла не сыграть самой эффектной сцены.

Драматически потрясая руками, она съ паѳосомъ кричала, обращаясь къ Эмилю Дешанелю:

— О, простите меня, monsieur! О, простите меня! О, клянусь, что я ошиблась!

Если бы это происходило въ настоящемъ театрѣ, всякій рецензентъ написалъ бы на другой день:

— Г-жа Вѣра Жело очень утрированно провела свою роль. Ей не хватало простоты, естественности и искренности. Мелодраматическая фальшь рѣзала ухо. Такъ нынче ужъ не играютъ! Такъ можно играть развѣ еще въ Торжкѣ или Карасубазарѣ! А на порядочной сценѣ это не терпимо!

И когда ее защитникъ вопіялъ, указывая на ничего не понимающаго по-французски Зеленина:

— Взгляните на этого молодого русскаго, который пріѣхалъ, чтобъ взять съ собой mademoiselle Вѣру Жело! Быть-можетъ, мы присутствуемъ при зарожденіи романа! Сѣнь деревьевъ, окружающихъ могилу несчастной Зелениной, осѣняетъ двухъ полюбившихъ другъ друга молодыхъ людей. Эта любовь на краю могилы. Я вижу этотъ блѣдный, трогательный образъ Зелениной, которая поднимается изъ могилы и благословляетъ молодую чету!

Г-жа Вѣра Жело въ это время «судорожно рыдала», чтобъ дать возможность защитнику перейти къ послѣдней части заранѣе написанной и красиво прочитанной рѣчи.

— О, не плачьте, mademoiselle Вѣра! О, не плачьте! Счастье еще ждетъ васъ впереди!

Г. Зеленинъ не могъ протестовать потому, что онъ не понималъ, что про него говорили.

Г-жа Вѣра Жело не могла протестовать противъ такого способа защиты, возмущающаго всякое нравственное чувство, потому что...

Любовь на краю могилы. Убійца, выходящая замужъ за брата убитой.

Развѣ могла актриса, да еще мелодраматическая отказаться отъ такой роли?!

И вотъ теперь г-жа Револьвера Жело угощаетъ весь міръ своимъ «самоубійствомъ».

Войдемъ на секунду въ положеніе этой актрисы.

Судъ конченъ. Шумъ тоже.

Послѣ парижскаго шума г-жа Жело погрузилась снова въ «николаевскую неизвѣстность».

Человѣкъ, имя котораго гремѣло, не можетъ ужъ больше выносить неизвѣстности.

Это чувство хорошо знакомо всѣмъ: литераторамъ, артистамъ, художникамъ, «знаменитымъ» преступникамъ, «извѣстнымъ» скандалистамъ.

Онъ долженъ заставлять о себѣ говорить.

Въ тишинѣ онъ чувствуетъ себя похороненнымъ.

Тишина давитъ его, какъ земля могилы. Онъ задыхается. Задыхается отъ неизвѣстности.

И вотъ мелодраматическое самоубійство.

Снова «сла́ва».

Снова она своей маленькой персоной интересуетъ весь міръ.

Корреспонденты бѣгутъ на телеграфъ:

— Вѣра Жело, знаменитая Вѣра Жело покушалась на самоубійство.

Газеты печатаютъ всѣ подробности:

— Самоубійство знаменитой, той самой Вѣры Жело! Какая новая роль!

— Не выдержала мученій совѣсти!

Нѣтъ человѣка, который не говорилъ бы о ней:

— Вѣра Жело покушалась на самоубійство!

Г-жа Вѣра Жело никогда не покушалась на самоубійство.

Для человѣка, который хотѣлъ бы покончить со своими грѣшными днями, Парижъ представляетъ массу отличныхъ способовъ.

Эйфелева башня имѣетъ 300 метровъ высоты. Неугодно ли? Одобрено многими англичанами.

Каждые полчаса въ Парижъ приходятъ и изъ Парижа уходятъ десятокъ поѣздовъ.

Сколько колесъ!

И для человѣка, который хочетъ покончить съ собою навѣрняка, вовсе не надо итти на берегъ Сены и кидаться въ воду, непремѣнно на виду у матросовъ, которые стоятъ около спущенныхъ въ воду лодокъ.

Для самоубійцы это не находчиво.

Сцену «самоутопленія» Вѣры Жело для Торжка, напримѣръ, можно бы считать проведенной прелестно.

Подойдя къ берегу, г-жа Револьвера Жело на виду у матросовъ сбросила шляпу.

— Обратите вниманіе! Первый сигналъ! Сейчасъ буду топиться!

У галлереи торжковскаго театра заняло бы при этомъ духъ.

Затѣмъ она сбросила еще что-то. Второй звонокъ!

Наконецъ по третьему звонку, бросилась въ воду и поплыла.

Самоубійство было проведено по всѣмъ правиламъ.

Когда матросы подъѣхали въ лодкѣ, г-жа Жело обратилась къ нимъ съ эффектной фразой.

Она могла говорить и не спѣшила захлебнуться.

— Оставьте меня. Я хочу умереть!

Она думала, что матросы сейчасъ же приподнимутъ шапки:

— Ахъ, pardon, mademoiselle! Мы не знали, что вы хотите! Ради Бога, простите, что вамъ помѣшали! Будьте здоровы, тоните!

И издали посмотрятъ, какъ она это сдѣлаетъ.

Но матросы ее вытащили. Противъ всякихъ ожи даній!

Г-жа Вѣра Жело никогда не покушалась на самоубійство.

Доказательство налицо.

Обставляя «самоубійство» всѣми возможными мелодраматическими эффектами, она заблаговременно послала префекту полиціи письмо:

— Я—Вѣра Жело. Пріѣхала въ Парижъ и кончаю самоубійствомъ потому, что хочу быть похороненной непремѣнно рядомъ съ моей несчастной жертвой Зелениной. Это мое послѣднее желаніе.

И послѣ этого она идетъ... топиться.

Для чего?

Для того, чтобъ ея тѣло Сена отнесла куда-нибудь за предѣлы Парижа?

Чтобъ ея трупъ всплылъ черезъ нѣсколько дней гдѣ-нибудь далеко, распухшій, неузнаваемый, и былъ похороненъ въ разрядѣ неизвѣстныхъ самоубійцъ, гдѣ-нибудь въ общей могилѣ?

«Погруженіе самого себя въ воду и добровольное невыхожденіе изъ нея», какъ писалъ въ протоколѣ одинъ околоточный надзиратель, совершенно особый способъ самоубійства.

Топятся, обыкновенно, люди, которые не хотятъ, чтобъ ихъ трупъ былъ найденъ.

Это способъ болѣе или менѣе вѣрный скрыть свой трупъ.

И для человѣка, который хочетъ, чтобъ его трупъ былъ узнанъ и похороненъ непремѣнно въ извѣстномъ мѣстѣ, этотъ способъ самоубійства самый неподходящій.

Сами факты находятся въ противорѣчіи со словами, и мы можемъ смѣло сказать, что тутъ было покушеніе на шумъ, а не на самоубійство.

— Но позвольте! Не слишкомъ ли далеко вы заходите въ своемъ отрицаніи? Учиться не училась, покушенія на красоту никакого не было, было только желаніе порисоваться, обратить на себя вниманіе: «Вотъ я какая!» Покушенія на самоубійство тоже не было...

Я даже думаю, что никакой Вѣры Жело на свѣтѣ не существуетъ.

Мнѣ все время кажется, что это «знаменитая» психопатка процесса Мироновича, г-жа Семенова, назвалась Вѣрой Жело и продолжаетъ морочить публику.

Это, несомнѣнно, второе изданіе истерички и психопатки Семеновой

Изданіе исправленное и дополненное.

Екатерина Семенова довольствовалась шумомъ на всю Россію.

Вѣрѣ Жело нуженъ шумъ на весь міръ.

Она—Наполеонъ среди истеричекъ.

Посмотрите, какъ ихъ объединяетъ даже общность вкусовъ.

Екатерина Семенова, если вы помните, была большой любительницей бравыхъ околоточныхъ надзирателей, и за хорошаго околоточнаго надзирателя, какъ Безакъ, готова была, по ея словамъ, итти хоть на преступленіе.

Г-жа Вѣра Жело питаетъ тоже слабость къ полицейскимъ.

— И для комиссара полиціи готова на самопожертвованіе.

Она должна кончить свои дни. Совѣсть мучитъ ее невыносимо.

Но когда комиссаръ въ полицейскомъ участкѣ уговариваетъ ее бросить это вредное намѣреніе, она даетъ ему слово:

— Обѣщаюсь, что больше никогда не буду покушаться на самоубійство!

Она готова претерпѣвать какія угодно мученія совѣсти. Пусть! Разъ комиссаръ полиціи объ этомъ проситъ!

Это «больше никогда не буду» звучитъ удивительно дѣтски-забавно у этого «трагическаго» персонажа.

Слѣдователя она тоже увѣряла:

— Отпустите! Я больше не буду искать моего оскорбителя. А если встрѣчу, стрѣлять больше не буду!

Все «больше не буду».

Когда она попадется въ бѣду, она трусливо хнычетъ:

— Больше не буду!

Когда ей сходитъ съ рукъ, она думаетъ:

— Какъ бы еще прошумѣть на весь міръ?

Такова эта m-lle Геростратъ или, вѣрнѣе, m-lle Вѣра Добчинская, которая желаетъ, чтобъ весь міръ зналъ о ея существованіи.

Право, она не стоила бы никакого вниманія, если бы не представляла собою любопытнаго общественнаго явленія.

Раздумывая надъ этой Револьверой Жело, я полагаю, что она—жертва той самой профессіи, которой я имѣю честь и высокое удовольствіе заниматься.

Жертва журналистики. Журналистики, которая можетъ сказать про себя, перифразируя слова Мефистофеля:

— Стремясь всегда къ добру, творю я много зла.

Добчинскіе, желавшіе, чтобъ «и въ Петербургѣ знали: живетъ, молъ, въ такомъ городѣ Петръ Ивановичъ Добчинскій», были, конечно, всегда.

Но раньше «извѣстность» не была такъ легко достижима.

Теперь, благодаря намъ, журналистамъ, вамъ стоитъ сдѣлать что-нибудь очень хорошее или какую-нибудь гадость, статую или скандалъ, и ваше имя завтра получитъ извѣстность!

Но сдѣлать статую можетъ не всякій. А потому большинство предпочитаетъ скандалъ

Есть тысячи «скандальныхъ знаменитостей», которыя дорожатъ, однако, своей извѣстностью, такъ же, какъ дорожатъ ею литераторъ, художникъ, артистъ, докторъ, адвокатъ.

Каждый изъ моихъ коллегъ, порывшись въ своей памяти, найдетъ десятки такихъ странныхъ господъ.

Его бранишь въ печати. Надъ нимъ смѣешься.

И онъ питаетъ къ тебѣ какую-то нѣжность, «влеченье, родъ недуга».

И чѣмъ чаще вы на него нападаете, тѣмъ его нѣжная привязанность дѣлается глубже и сильнѣе

— Когда же этотъ человѣкъ на меня обидится?

Никогда!

— Чего ему нужно?

Видѣть свое имя въ печати.

Только.

Это не манія величія. Они не требуютъ, чтобъ ихъ выхваляли или прославляли.

Психіатрамъ слѣдуетъ ввести въ свою номенклатуру еще одинъ терминъ:

— Манія извѣстности! Или «страхъ предъ неизвѣстностью».

Это настоящая болѣзнь, и болѣзнь, которая свирѣпствуетъ эпидемически.

Растетъ вмѣстѣ съ ростомъ газетъ.

Мы ежедневно отравляемъ массу людей. Мы сводимъ съ ума, чортъ возьми!

Это тоже «стремленіе къ безсмертію»

Пародія на Алкивіада.

Дѣло Каласа.

19 марта 1762 года на площади города Тулузы всенародно былъ казненъ посредствомъ колесованія человѣкъ, который до самой послѣдней минуты повторялъ: «Я не виновенъ».

Его имя было Жанъ Каласъ.

Что онъ совершилъ?

Ничего.

Въ чемъ обвинялся?

Въ одномъ изъ страшнѣйшихъ преступленій: въ убійствѣ родного сына.

Жанъ Каласъ, по профессіи торговецъ индійскими товарами, по религіи—гугенотъ, 40 лѣтъ торговалъ въ Тулузѣ и пользовался незапятнанной репутаціей.

Это былъ человѣкъ добрый и съ просвѣщенными взглядами, отличавшимися терпимостью въ вопросахъ совѣсти.

Одинъ изъ его сыновей, Луи, принялъ католичество, и отецъ сказалъ по этому поводу: «Лишь бы эта перемѣна религіи была искренней, и я не могу не одобрить ея, потому что стѣсненіе совѣсти приводитъ только къ размноженію лицемѣровъ».

Перемѣнившему религію сыну онъ выдавалъ ежегодную пенсію.

30 лѣтъ въ домѣ Каласа была служанкой католичка; она вынянчила всѣхъ его дѣтей, содѣйствовала Луи

въ принятіи католичества, и Каласъ не отказалъ ей отъ должности.

Этого-то человѣка обвинили въ убійствѣ сына изъ-за религіознаго фанатизма.

Среди дѣтей Каласа былъ сынъ Маркъ Антуанъ, неудачникъ-литераторъ, обладавшій безпокойнымъ, мрачнымъ характеромъ. Его природная меланхолія усиливалась неудачами, которыя ему приходилось терпѣть. Питая отвращеніе къ торговлѣ, онъ хотѣлъ сдѣлаться адвокатомъ, но не могъ, потому что въ тѣ времена защищать людей разрѣшалось только католикамъ. Принять же католичество онъ не хотѣлъ, такъ какъ это было противно его совѣсти. Любимой темой разговоровъ и размышленій Марка Антуана было самоубійство. Онъ любилъ перечитывать статьи Плутарха и Сенеки о насильственной смерти и часто декламировалъ полные мрачнаго отчаянія монологи Гамлета. Онъ былъ игрокомъ, игралъ несчастливо и въ день смерти проигралъ крупную сумму, данную ему отцомъ для размѣна.

3 октября 1761 года семья Каласа обѣдала вмѣстѣ съ однимъ пріѣзжимъ другомъ. Маркъ Антуанъ удалился въ серединѣ обѣда. Въ 10 часовъ вечера гость собрался домой и младшій сынъ Каласа пошелъ его проводить съ фонаремъ. Выходя, они увидѣли, что магазинъ отпертъ и Маркъ Антуанъ виситъ мертвый на притолокѣ двери.

Поднялся крикъ, на который сбѣжались сосѣди, послали за врачомъ и дали знать начальнику полиціи Давиду де-Боригъ.

Давидъ не былъ злымъ человѣкомъ, онъ былъ только тупъ и ограниченъ, что никогда не мѣшало

людямъ производить слѣдственныя дѣла и держать въ рукахъ судьбу человѣка. Въ дѣлѣ Каласа онъ впалъ въ ту же ошибку, въ которую часто впадаютъ слѣдователи: сразу сказалъ себѣ: «Вотъ виновникъ», и, предубѣжденный, велъ слѣдствіе такъ, чтобы доказать, что онъ не ошибся.

Его разбудили извѣстіемъ о происшествіи въ домѣ Каласа. Явившись спросонья, онъ услыхалъ чье-то восклицаніе въ толпѣ: «Каласы убили своего сына!» и его моментально осѣнило вдохновеніе. Онъ сразу все постигъ.

«Въ этомъ дѣлѣ заинтересованы государство и религія», сказалъ онъ себѣ и приказалъ отвести въ тюрьму Каласовъ, даже не знавшихъ еще, въ чемъ ихъ обвиняютъ.

Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что люди, которые осмѣливаются не раздѣлять религіи короля и полиціи, способны на всѣ преступленія.

Ни на секунду онъ не задумался рѣшить: «Гугенотъ Каласъ убилъ своего сына, потому что тотъ хотѣлъ принять католичество»

Арестъ всей семьи Каласъ подлилъ масла въ огонь. Проснулась старая религіозная ненависть къ гугенотамъ, развязались досужіе языки. Весь городъ взволнованъ. Всякій старается открыть какую-нибудь новую подробность. Одинъ разсказываетъ, что покойникъ хотѣлъ принять католичество для поступленія въ адвокаты и что семья удавила его, чтобы предупредить отреченіе отъ кальвинизма. Другой прибавляетъ, что отреченіе должно было совершиться на слѣдующій день. Третій, что протестантская религія приказываетъ отцамъ и матерямъ убивать дѣтей, когда они хотятъ

стать католиками. Четвертый говоритъ, что все это совершенно вѣрно, что протестанты въ ихъ послѣднемъ собраніи выбрали палача секты и что молодой человѣкъ, бывшій 3 октября въ гостяхъ у Каласовъ, и есть этотъ палачъ, что онъ пріѣхалъ въ Тулузу спеціально, чтобы повѣсить своего друга.

Никто этихъ слуховъ не провѣряетъ, но всѣ повторяютъ.

Какой-то живописецъ говоритъ, что жена ему сказала, что какая-то женщина, по имени Мандриль, разсказывала ей, что какая-то незнакомка говорила ей, что слышала крики Марка Антуана Каласа въ другомъ концѣ города.

И подобные-то слухи Давидъ де-Боригъ собираетъ какъ неопровержимыя доказательства противъ Каласа.

Собираетъ!! — онъ порождаетъ ихъ. Объявляется публично на улицахъ и площадяхъ, что всякій, кто знаетъ или слышалъ что-нибудь по дѣлу Каласа, подъ страхомъ отлученія отъ церкви долженъ сообщить это полиціи и суду.

Сплетни и слухи растутъ. Это—оргія сплетенъ, въ которой безумствуютъ и толпа, поощряемая къ сплетнямъ, и слѣдователь, вѣрящій каждому вздору.

Въ дѣло вмѣшиваются іезуиты. Марка Антуана Каласа торжественно хоронятъ какъ мученика, и вся Тулуза, слѣдующая за его гробомъ, требуетъ мщенія.

Безуміе толпы заразительно, и магистратъ, въ который переходитъ слѣдствіе Давида, охватываетъ та же слѣпота, которой пораженъ городъ.

Магистратъ принимаетъ на вѣру мусоръ сплетенъ и слуховъ, собранный Давидомъ, и въ это время человѣку, сохранившему ясность ума среди всеобщаго

безумія, страшно сказать хоть что-ниоудь въ защиту Каласа.

Судья Монэ, который хочетъ ввести правильность въ веденіе слѣдствія, обвиняется въ желаніи обѣлить Каласа и долженъ подать въ отставку.

Прокуроръ Дюру, протестовавшій противъ неправильности слѣдствія, обвиняется въ оскорбленіи суда и исключается со службы на 3 мѣсяца.

Всякій, кто могъ бы сказать что-нибудь въ защиту Каласа, пугливо прячется.

10 засѣданій тулузскаго парламента посвящены дѣлу Каласа.

Фактовъ, уличающихъ Каласа, нѣтъ, но для судей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ фанатизма толпы, масса слуховъ стоитъ фактовъ.

Подсудимый отрицаетъ свою виновность, но правосудіе надѣется пыткой вынудить признаніе

«Геніальный» слѣдователь Давидъ де-Боригъ торжествуетъ; тулузскій парламентъ большинствомъ 8 голосовъ противъ 5 приговариваетъ Каласа къ пыткѣ и казни черезъ колесованіе.

19 марта 1762 года Каласа пытаютъ въ тюрьмѣ. Но среди всѣхъ страшныхъ истязаній, которыя только могло выдумать изобрѣтательное въ то время правосудіе, Каласъ повторяетъ одно: «Я не виновенъ».

Его ведутъ на казнь.

Измученнаго, истерзаннаго его останавливаетъ у подножія эшафота монахъ, присланный спасать душу Каласа, когда будутъ губить его тѣло.

Монахъ убѣждаетъ Каласа сознаться.

— Какъ, — восклицаетъ Каласъ, — вы серьезно думаете, что отецъ можетъ убить своего сына?

Начинается колесованіе.

Въ то время, какъ палачъ мучитъ его тѣло, представители правосудія мучатъ его душу вопросами: «Кто были твои сообщники?»

Разбитый, трепещущій на спицахъ колеса, Каласъ шепчетъ: «Тамъ, гдѣ нѣтъ преступленія, развѣ могутъ быть сообщники?»

Каласъ казненъ. Его младшій сынъ, его жена, его дочери заключены по католическимъ монастырямъ.

Не кажется ли вамъ эта казнь гугенота въ угоду религіозному фанатизму отголоскомъ Варѳоломеевской ночи?

Варѳоломеевская ночь еще не кончилась. Мракъ и тьма царятъ кругомъ, но есть человѣкъ, который, какъ яркимъ факеломъ, освѣтитъ умъ и совѣсть потонувшихъ въ безпросвѣтномъ мракѣ людей.

Этотъ человѣкъ — великій Вольтеръ. Почему Вольтеръ вмѣшался въ дѣло Каласа? На этотъ вопросъ онъ далъ отвѣтъ, полный красоты и благородства: «Я вмѣшался въ это дѣло потому, что въ него никто не хотѣлъ вмѣшаться».

Одинъ марсельскій негоціантъ Доминикъ Одиберъ, бывшій проѣздомъ въ Тулузѣ во время казни Каласа и познакомившійся съ обстоятельствами дѣла, явился къ Вольтеру и сказалъ ему, что въ Тулузѣ казнили неповиннаго человѣка.

Извѣстіе о томъ, что гдѣ-то невинно пострадалъ совершенно неизвѣстный ему человѣкъ, взволновало Вольтера.

«Я внѣ себя,—пишетъ онъ одному изъ лицъ, власть имѣющихъ,—я хочу знать истину, я васъ умоляю, скажите мнѣ, что я долженъ думать объ этомъ дѣлѣ».

Въ тотъ же день въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Это дѣло я принимаю близко къ сердцу, оно отравляетъ для меня всѣ удовольствія жизни».

Геніальнымъ чутьемъ Вольтеръ угадываетъ присутствіе фанатизма въ этомъ дѣлѣ, а извѣстно, что изо всѣхъ видовъ человѣческой глупости фанатизмъ былъ ненавистнѣе Вольтеру, чѣмъ что-либо другое.

И это наполняетъ его еще большей энергіей.

Вольтеръ пишетъ письма министрамъ, обращаетъ вниманіе высокопоставленныхъ лицъ на дѣло Каласа, умоляетъ разслѣдовать это дѣло и узнать истину, но тѣ, разумѣется, не спѣшили отвѣтить человѣку, который былъ только писателемъ.

Тогда Вольтеръ самъ производитъ слѣдствіе.

Онъ встрѣчаетъ противодѣйствіе. Его увѣряютъ со всѣхъ сторонъ, что Каласъ виновенъ, и порой онъ переживаетъ тяжелыя минуты.

Онъ самъ сомнѣвается въ правотѣ своего дѣла. Послѣ письма отъ герцога Ришелье онъ говоритъ:

«Не нужно вмѣшиваться въ это дѣло, Каласъ былъ виновенъ».

Но вотъ онъ видится съ младшимъ сыномъ Каласа, бѣжавшимъ изъ монастыря въ Швейцарію.

Разсказъ мальчика трогаетъ Вольтера и наполняетъ его душу увѣренностью, что такой человѣкъ, какъ Каласъ, не могъ совершить этого страшнаго дѣла. Что долженъ былъ перечувствовать Вольтеръ въ это время?

«Весь міръ былъ противъ меня, и я былъ одинъ противъ всего міра», пишетъ онъ впослѣдствіи.

Только нѣсколько друзей истины, воодушевленныхъ его благороднымъ примѣромъ, раздѣляютъ его одиночество

Ихъ имена заслуживаютъ быть упомянутыми, когда рѣчь идетъ о подвигѣ Вольтера. Это были: негоціантъ Дебрюсъ, адвокатъ де-Вегобръ, министръ Мульту, банкиръ Катала и юрисконсультъ Троншэнъ.

Съ невѣроятнымъ трудомъ они собираютъ доказательства невиновности Каласа.

«Если бъ вы знали,—пишетъ впослѣдствіи Вольтеръ,—сколько нужно было заботъ и труда, чтобы добыть, наконецъ, нѣсколько юридическихъ доказательствъ въ пользу Каласа, вы ужаснулись бы. Какой злой рокъ тяготѣетъ надъ людьми? Почему такъ трудно помогать несчастнымъ и такъ легко ихъ угнетать?»

Нѣсколько мѣсяцевъ проходитъ въ погонѣ за доказательствами, за всякаго сорта указаніями, могущими пролить хоть каплю свѣта, возстановить подробности загадочной драмы.

«Тѣ,—пишетъ Вольтеръ,—которые могли бы пролить на это дѣло наиболѣе свѣта, хранятъ очень низкое и даже подозрительное молчаніе».

Но вотъ цѣной невѣроятныхъ усилій юридическія доказательства собраны. Вальтеръ обращается къ властямъ на этотъ разъ уже съ доказательствами. Онъ говоритъ:

— Въ этомъ процессѣ заинтересованъ весь человѣческій родъ. Я хочу, чтобы тулузскій парламентъ отдалъ отчетъ обществу въ дѣлѣ Каласа. Говорятъ, что это не въ обычаяхъ суда. Надо стать выше обычаевъ въ такихъ необыкновенныхъ случаяхъ. Я требую опубликованія доказательствъ сыноубійства, — доказательствъ, которыя привели Каласа къ колесованію и оставили цѣлую семью въ жертву самыхъ ужасныхъ подозрѣній». Онъ требуетъ, чтобъ сдѣлали извѣстнымъ то, что до сихъ поръ почему-то прятали.

«Приговоръ надъ Каласомъ долженъ быть публично подтвержденъ или отвергнутъ, доказательства провѣрены,—этого требуетъ достоинство Франціи»

Но всѣ его просьбы, мольбы остаются безъ отвѣта.

Одни хранятъ молчаніе. Другіе совѣтуютъ бросить это грязное дѣло, въ которое онъ впутался. Третьи повторяютъ: «Приговоръ произнесенъ, надо относиться къ нему съ уваженіемъ».

Есть люди, которые разсуждаютъ такъ: «Пусть Каласъ даже не виновенъ, но тутъ замѣшаны интересы гораздо болѣе высшіе, чѣмъ жизнь какого-то Каласа. Могутъ пострадать престижъ суда, престижъ государства».

Наиболѣе ярые обвиняютъ Вольтера въ оскорбленіи суда.

Встрѣтивъ такое отношеніе къ истинѣ, Вольтеръ рѣшаетъ апеллировать къ общественному мнѣнію.

«Только голосъ народа,—пишетъ онъ,—можетъ дать намъ возможность добиться правосудія».

Но какъ пробудить этотъ голосъ общественной совѣсти?

«Я боюсь,—пишетъ Вольтеръ,—что въ Парижѣ слишкомъ мало думаютъ объ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Могли бы колесовать сотню неповинныхъ людей, въ Парижѣ будутъ говорить только о новой пьесѣ и думать о хорошемъ ужинѣ».

Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшается и съ этихъ поръ его лозунгомъ становится фраза, которую онъ пишетъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей:

«Кричите и заставляйте кричать другихъ».

Онъ издаетъ брошюры по дѣлу Каласа, ихъ конфискуютъ, по приказанію властей разбиваютъ типограф-

скіе станки, напечатавшіе эти брошюры, но тѣмъ лучше. Это производитъ еще больше шума, заставляетъ интересоваться:

— Что же хочетъ сказать этотъ человѣкъ, которому такъ стараются зажать ротъ?

Голосъ сомнѣнія шепчетъ публикѣ:

«Что же они такъ тщательно хотятъ скрыть?»

Франція взволнована.

Все сильнѣе раздаются крики:

— Каласъ! Каласъ!

Этотъ крикъ становится синонимомъ требованія правды и свѣта

Приговоръ, мотивы котораго стараются скрыть, кассированъ общественнымъ мнѣніемъ.

Подъ давленіемъ общественнаго негодованія ничего не остается больше дѣлать, какъ пересмотрѣть процессъ Каласа

Въ теченіе 5 засѣданій государственный совѣтъ Франціи пересматриваетъ весь хламъ сплетенъ и вздорныхъ слуховъ, такъ тщательно собранныхъ когда-то Давидомъ де-Боригомъ, и вотъ 28 февраля 1765 года выносятъ резолюцію:

— Сыноубійства не было.

Имя Жана Каласа реабилитировано, его семья выпущена изъ монастырскихъ тюремъ.

Этотъ день былъ днемъ настоящаго народнаго праздника въ Парижѣ.

Судьи и изстрадавшаяся семья Каласа были встрѣчены восторженными криками при выходѣ изъ суда

Люди отъ радости обнимались на улицахъ и одно имя было у всѣхъ на устахъ рядомъ съ именемъ Каласа: «Вольтеръ».

Фернейскій отшельникъ бесѣдовалъ съ младшимъ сыномъ Каласа въ то время, когда ему принесли радостное извѣстіе. Старикъ и юноша бросились въ объятія другъ друга, рыдали и, какъ говоритъ Вольтеръ, задыхались отъ радости.

Въ 1777 году Вольтеръ посѣтилъ Парижъ.

Когда на Королевскомъ мосту его окружила восторженная толпа, какой-то иностранецъ спросилъ у одной изъ женщинъ: «Кто это?»

Та посмотрѣла на него съ удивленіемъ и спросила:

«Развѣ не весь свѣтъ знаетъ, что это человѣкъ, который спасъ Каласа?»

Пытки.

Существуютъ ли у насъ пытки?

Рѣчь идетъ не о «рижскихъ застѣнкахъ».

Я говорю о «правосудіи», а не о «расправѣ».

Рѣчь идетъ «о временахъ мирныхъ».

— Существуютъ ли у насъ въ обыкновенное время въ уголовныхъ дѣлахъ пытки?

Всякій судейскій съ негодованіемъ отвѣтитъ:

— Пытки въ Россіи уничтожены еще въ концѣ XVIII вѣка.

А вотъ что отвѣчаютъ факты.

Въ Одессѣ разбиралось дѣло объ убійствѣ банкира Лившица.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣло трое убійцъ:

— Томилинъ, Павлопуло, Львовъ.

А въ числѣ свидѣтелей фигурировало около двадцати, которые сознались:

— Въ убійствѣ банкира Лившица.

Увѣрили, что это:

— Именно они!

Въ свое время разсказывали всѣ подробности:

— Какъ убивали.

На судѣ установился прямо «церемоніалъ» допроса этихъ свидѣтелей.

Предсѣдатель.—Свидѣтель (или свидѣтельница), что вы знаете по этому дѣлу?

— По этому дѣлу я ничего не знаю

Предсѣдатель. — Г. товарищъ прокурора, не имѣете ли вопросовъ?

Тов. прокурора (заглянувъ въ дѣло, тихо, даже какъ будто слегка сконфуженно). — Вопросовъ не имѣю.

Предсѣдатель. — Гг. защитники!

Защитникъ. — Скажите, свидѣтель, вы сознавались въ убійствѣ покойнаго Лившица?

— Да, сознавался (сознавалась).

— И разсказывали всѣ подробности, какъ вы убивали?

— Да.

— И всѣ эти подробности потомъ оказались ложными?

— Да, ложными.

— Скажите, вы знали банкира Лившица?

— Въ жизни не видывалъ.

— Знали расположеніе его квартиры? Гдѣ онъ живетъ, по крайней мѣрѣ?

— Говорю вамъ, что даже имени его не зналъ. Вотъ, когда въ газетахъ прочли, что его убили, тогда только и узналъ (узнала), что былъ въ Одессѣ банкиръ Лившицъ.

— Почему же вы сознавались въ убійствѣ человѣка, котораго никогда въ глаза не видали?

Предсѣдатель нѣсколько разъ порывался:

— Г. защитникъ...

Но дѣло было такъ возмутительно, что даже у предсѣдателя не поворачивался языкъ сказать:

— Это къ дѣлу не относится.

Хотя это и могло не нравиться мѣстному «начальству».

А «начальствомъ», истиннымъ «начальствомъ», «начальствомъ надъ всѣми начальствами» считались Министерство Внутреннихъ дѣлъ и все, что отъ него.

— Меня такъ въ полиціи били, — отвѣчали какъ одинъ всѣ эти свидѣтели, взведшіе на себя такой страшный поклепъ,—такъ били, что въ чемъ угодно готовъ былъ сознаться!

А одна изъ свидѣтельницъ быстро распахнула кофточку и показала прямо зіяющія раны.

— Я и до сихъ поръ гнію отъ этихъ побоевъ! — завопила она.

И это черезъ два года!

Предсѣдатель только нашелся замѣтить:

— Свидѣтельница, потрудитесь вести себя прилично.

Дѣло было такъ.

Въ центрѣ города было совершено преступленіе, взволновавшее всю Одессу.

Однажды утромъ нашли банкира Лившица задушеннымъ. Его кухарка лежала въ кухнѣ связанною.

Насгораемый шкапъ былъ не тронутъ. Убійцы ничего не взяли. Что-то случилось. Очевидно, имъ помѣшали.

— Чтобы было разыскано!

И полиція «дѣятельно принялась за розыски».

Хватали направо, налѣво.

И вскорѣ оказалось на дознаніи столько сознавшихся и столько оговоренныхъ, что у полиціи голова пошла кругомъ.

Всѣ сознавались, и всѣ показанія противорѣчили другъ другу!

На одномъ всѣ «спотыкались».

И концы въ воду. Слѣдовъ никакихъ

— Если бы деньги взяли — плевое дѣло! — Найти говорила полиція.—Пойти по вертепамъ, по притонамъ. Навѣрное, гдѣ-нибудь, подлецъ, полупьяный сидитъ по четвертному билету на чай швыряетъ. Дальше не vйдетъ! Себя обнаруживаетъ

А тутъ:

— Слѣдовъ никакихъ!

Городъ возмутился. Начальство возмутилось.

Показываетъ подробно:

— Когда, съ кѣмъ, какимъ образомъ убивалъ!

Но описать расположеніе комнатъ не можетъ.

Вретъ такое, — ничего даже подходящаго.

То же и съ наружностью Лившица.

— Самъ своими руками душилъ! Помогали такой-то, такой-то

А дойдетъ до вопроса:

— А какой изъ себя былъ Лившицъ?

Ничего похожаго.

Приходилось слѣдователю имъ же доказывать:

— Врете на себя!

Многіе даже и послѣ этого не хотѣли во враньѣ сознаваться.

Стояли на своемъ:

— Сказалъ, что я. Я и есть. Я убилъ.

На судѣ ихъ спрашивали:

— Что же заставляло васъ такъ запираться на свою голову?

Отвѣтъ былъ одинъ и тотъ же:

— Изъ боязни. Боялся (боялась), опять полиціи отдадутъ. На дознаніи говорили: «Отречешься отъ показаній, скажешь: били! — помни, опять къ намъ для

дополнительнаго дознанія попадешь. Тогда ужъ не прогнѣвайся». Лучше въ каторгу!

Дѣло среди этихъ «чистосердечныхъ сознаній» запуталось такъ, что потеряли надежду его и распутать. Пока, наконецъ, истинные виновники не нашлись совершенно случайно.

Одинъ изъ нихъ,—Павлопуло,—былъ даже возвращенъ съ дороги на каторгу. Онъ успѣлъ ужъ попасться въ другомъ городѣ, по другому дѣлу, и «заслужилъ каторгу».

На судѣ открылась вся картина истязаній.

Было тяжело дышать, слушая.

Словно присутствовали при процессѣ въ XVII вѣкѣ.

Подсудимая Хана Луцкеръ, сообщница въ убійствѣ, ничего не слышала.

Приходилось кричать.

А въ дѣлѣ были показанія:

— Луцкеръ шепнула: «пора». Я шепнулъ Луцкеръ: «подожди здѣсь».

— Отъ битья при дознаніи оглохла!

Подсудимая Лея Каминкеръ,—кухарка, она и «подвела» убійцъ, связыванье было комедіей,—жаловалась, что:

— Едва дышитъ отъ побоевъ!

По просьбѣ защиты былъ оглашенъ протоколъ медицинскаго осмотра ея черезъ двѣ недѣли послѣ убійства.

Когда она уже двѣ недѣли сидѣла въ участкѣ.

— Половина головы черная отъ кровоподтека, болѣзненнаго при дотрогиваніи.

— Какъ вы это объясните?—обратился защитникъ къ приставу, производившему все дознаніе.

Франтъ-приставъ въ бѣлоснѣжныхъ замшевыхъ перчаткахъ и мундирѣ «гвардейскаго образца» очень любезно отвѣтилъ:

— А это ихъ тогда Томилинъ, послѣ убійства, свистнулъ! Озвѣрѣлъ очень, что даромъ проработали!

Защитникъ просилъ огласить протоколъ медицинскаго осмотра при арестѣ.

Среди подробнѣйшаго описанія слѣдовъ веревокъ и ссадинъ при связываніи:

— Величиной въ серебряный пятачокъ... въ гривенникъ...

Ни о какомъ кровоподтекѣ «въ половину головы» ни слова.

Дѣло было ясное.

«Подъ Томилина» работалъ кто-то другой.

Кровоподтекъ «въ полголовы», котораго никто не видитъ! И который черезъ двѣ недѣли сохраняетъ такую болѣзненность, словно его нанесли вчера!

Одинъ изъ подсудимыхъ, четвертый убійца,—мужчина, по общимъ показаніямъ, роста геркулесовскаго, силы необычайной, котораго боялись всѣ остальные,—не дождался суда: повѣсился въ участкѣ во время производства дознанія.

Всякому было ясно, что не перспектива старой знакомой тюрьмы и не каторга, съ которой какой «варнакъ» не увѣренъ «фартомъ убѣжать», такъ на смерть перепугали геркулеса, человѣка больше, чѣмъ бывалаго, преступника-рецидивиста!

Всякій знакомый съ преступнымъ міромъ знаетъ, какая рѣдкость среди этихъ людей самоубійство. Какъ цѣпляются они за эти жалкіе, несчастные обломки жизни. Чѣмъ меньше у человѣка остается, тѣмъ оно

ему дороже. Эти люди, не жалѣющіе чужой жизни, своей дорожатъ какъ никто. И въ каторгѣ ею дорожатъ куда больше, чѣмъ на волѣ! Эти люди «животолюбивы» прежде всего. Какой, «каторжной» даже для каторги жизни не перетерпитъ человѣкъ въ надеждѣ на «фартъ», — случай, удачу! Какихъ розогъ! Какихъ, бывало, плетей. Нужны истязанія нечеловѣческія, чтобы довести, наконецъ, «варнака» до самоубійства!

— Побоевъ не выдержалъ!—показывали свидѣтели, содержавшіеся, «въ качествѣ обвиняемыхъ», въ одномъ участкѣ съ повѣсившимся.

Потомъ, на Сахалинѣ, я встрѣтился съ двумя изъ убійцъ Лившица—Павлопуло и Томилинымъ.

Волосы вставали дыбомъ слушать Павлопуло, какъ:

— Изъ нихъ добывали сознаніе.

Томилинъ молчалъ.

Онъ предупредилъ меня черезъ доктора:

— Попросите пріѣзжаго барина, — пусть меня не спрашиваетъ. Я ничего не скажу.

Но товарищи по камерѣ этого страшнаго человѣка со спокойнымъ, добродушнымъ даже лицомъ и холодными «стальными» глазами, разсказывали мнѣ о мечтахъ Томилина:

— Гордый очень. Свое въ умъ взялъ. Бѣжать все хочетъ. Били его — страсть! Въ Одестъ норовитъ. Съ приставомъ сосчитаться.

Они назвали фамилію. Фамилія была та.

— Тѣмъ только и живъ!

— Убить хочетъ?

— Зачѣмъ! Это ему не по-сердцу. Дѣтки, слыхать, у пристава есть.

— Ну?

— Рестантъ у насъ тутъ былъ, съ Кавказа, Гуліевъ-Богодуровъ по прозванію. Померъ—Сакàлина не выдержалъ. Человѣчишка былъ дрянь, — одначе, отплатить ему удалось хорошо. Обидѣлъ его кто-то тамъ, на Кавказѣ. А онъ у обидчика дочку, имназистку, на дорогѣ перенялъ и расплатился. Изнасильничалъ дѣвочку и зарѣзалъ. «На!» Убить что? Умереть! Момента! Нѣтъ, ты поживи да подумай. Какъ твоя дочка кончалась! До гробовой доски вспоминай. Предъ этакой-то жизнью смерть что! Конфетка! Очень это Томилину понравилось!

— Что жъ, онъ дѣтей у своего пристава насиловать собирается?

— Зачѣмъ насиловать! Такъ, потѣшиться. Чтобы знаки послѣ смерти остались. «Не сразу, молъ!» Чтобы потомъ мурашки всю жизнь у родителя по головѣ ходили: «какъ мои дѣтки за меня мучились!»

— Звѣрь!

— И съ нимъ звѣри!

Исполнить этого Томилину, слава Богу, не удалось.

Но подумайте, что же нужно, чтобы человѣка до такого озвѣрѣнія довести?

Какіе «побои» должны были быть, если человѣкъ, среди розогъ и плетей, о нихъ не забывалъ.

— Вотъ это были мученія!

Вернемся къ процессу.

Среди этого «процесса XVII вѣка», среди разсказовъ объ истязаніяхъ и пыткахъ «при дознаніи», авторъ этого «дознанія», приставъ, помощники, щеголеватые околоточные въ бѣлоснѣжныхъ перчаткахъ и, по-одесски, мундирахъ «гвардейскаго образца» любезно давали показанія:

— Чистосердечно сознался.

Защитники пробовали было:

— Скажите, свидѣтель...

Но предсѣдатель тутъ ужъ набирался духа:

— Защитникъ, вы должны знать, что свидѣтель можетъ не отвѣчать на уличающіе его самого вопросы? Зачѣмъ же и задавать безполезные вопросы?

— Прошу занести въ протоколъ!

— Будетъ занесено.

И было занесено.

Дѣло было такъ вопіюще, что даже цензора возмутились. Даже подцензурнымъ одесскимъ газетамъ было разрѣшено напечатать всѣ эти подробности.

Результатъ?

Никакого.

Имѣлись десятки свидѣтельскихъ показаній. Имѣлись несомнѣнныя доказательства: эти «чистосердечныя» взваливанья на себя убійства. Имѣлась даже вещественная улика: протоколъ о «кровоподтекѣ въ полголовы», впервые появившемся у Леи Каминкеръ черезъ двѣ недѣли послѣ ареста при участкѣ.

Все, что нужно для возбужденія дѣла объ истязаніи.

Было прокурорскимъ надзоромъ возбуждено дѣло?

Никакого.

Всѣ эти «занесенія въ протоколъ» такъ и похоронены въ архивахъ одесскаго окружнаго суда.

Единственнымъ нравоученіемъ, вытекшимъ изъ всѣхъ этихъ открытій и разоблаченій, было предсѣдательское:

— Свидѣтельница, надо вести себя приличнѣе!

И имена всѣхъ этихъ «авторовъ дознанія» я прочелъ среди героевъ, дѣйствовавшихъ на одесскихъ улицахъ въ памятные октябрьскіе дни 1905 года.

Всѣ со времени дѣла Лившица очень ушли по службѣ!

— Но,— скажете вы, — то въ Одессѣ. Городъ не въ счетъ. Тамъ и теперь...

О теперешнихъ временахъ разговора нѣтъ.

Мы говоримъ «о временахъ мирныхъ», которыя когда-нибудь да наступятъ же и которыя мы хотимъ очистить отъ мути, грязи и скверны прошлаго.

— Но и мирныя времена! То Одесса! Гдѣ десять лѣтъ могъ безнаказанно свирѣпствовать Зеленой, который на вопросъ проѣзжаго высокопоставленнаго лица: «Ну, что, градоначальникъ, все ругаешься?» — «браво» отвѣтилъ: «Радъ стараться!»

Провинція не въ счетъ? Вотъ вамъ Москва.

Въ Москвѣ помнятъ, конечно, опереточнаго актера П. П. Долина, талантливаго артиста, рано покинувшаго жизнь.

Долинъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ на Тверской.

Однажды у него изъ ящика письменнаго стола пропали золотые часы съ массивной цѣпью и кучей брелоковъ, которыхъ у Долина была такая масса, что они звенѣли на ходу, какъ золотые кандалы.

Долинъ заявилъ полиціи.

Подозрѣніе пало, конечно, какъ всегда въ такихъ случаяхъ:

— Первымъ долгомъ на прислугу

Номерной и горничная были взяты въ сыскную:

— Къ Эффенбаху.

Тогдашнему московскому Лекоку.

Прошло двѣ недѣли.

Долинъ освѣдомился.

— Еще запираются. Но скоро надоѣстъ. Сознаются.

Какъ вдругъ пропажа и воръ отыскались.

Въ ссудную кассу, въ Газетномъ переулкѣ, явилась молодая женщина, плохо говорящая по-русски, заложить часы съ золотою цѣпью и массой брелоковъ.

Содержатель ссудной кассы прочелъ на брелокахъ:

И. П. Долину отъ поклонницъ... Талантливому И. П. Долину... Долину... Долину...

Содержатель ссудной кассы послалъ за полиціей. Молодую женщину арестовали.

Оказалось, что это француженка, гувернантка безъ мѣста, жившая въ тѣхъ же номерахъ и часто бывавшая у Долиныхъ.

Не подозрѣвая, чтобы полиція предупреждала всѣ ссудныя кассы, она выждала время, пока дѣло «нѣсколько забылось», и отправилась закладывать украденныя ею вещи.

Она созналась. Разсказала, какъ она зашла къ Долинымъ, когда въ номерѣ никого не было. Какъ воспользовалась этимъ.

Номерного и горничную выпустили изъ сыскного отдѣленія, гдѣ они:

— Вскорѣ должны были сознаться Эффенбаху

Номерной сейчасъ же уѣхалъ въ деревню:

— На поправку.

А горничную я видѣлъ самъ, своими глазами.

Ее показала мнѣ жена Долина:

— Посмотрите, что съ человѣкомъ сдѣлали!

Она проводила меня въ каморку, гдѣ за ситцевой занавѣской лежала охавшая и стонавшая женщина.

Уговорила ее показаться.

— Чего ужъ тутъ стѣсняться?

Несчастная буквально вся была изсѣчена.

Спина, ниже спины, ноги.

— Повернись.

Были изсѣчены грудь, животъ.

— Какъ ужъ не по чемъ стало сзади сѣчь, — какъ ударять, я безъ чувствъ, — стали сѣчь спереди. «Сознавайся» да «сознавайся». Еще бы немножко, — и взяла бы, можетъ, на себя. Не въ себя стала приходить.

Вѣдь «не сама же себя высѣкла» несчастная баба?

— Жаловаться?

Болѣло, гноилось у нея все это, не могла она повернуться безъ нестерпимой боли, но когда только сказали:

— Жаловаться на полицію!

Она такъ заерзала, словно угорь на горячей сковородкѣ, что пришлось успокоивать:

— Лежи! Лежи! Не бойся! Никто не будетъ жаловаться!

Одна мысль имѣть опять дѣло «со страшной полиціей» приводила ее въ неописуемый ужасъ·

— Оставьте! Я повѣшусь! Я, ей Богу, повѣшусь!

— Сколько разъ,—говорилъ мнѣ одинъ мой знакомый, бывшій судебнымъ слѣдователемъ въ Москвѣ, — сколько разъ мнѣ хотѣлось зацѣпить этого знаменитаго Эффенбаха! Нѣтъ, срывается! Налицо улики! Истязанія были, несомнѣнно. Не подцѣпишь! На-дняхъ еще. Приводятъ мужика. Сознался въ небываломъ преступленіи. Истязали! Спрашиваю: «Били?»—«Моченьки,— говоритъ,—нѣтъ. Что хотятъ, то на себя и взведешь!»— —«Какъ били, показывай!»—«Мягкимъ чѣмъ-то по головѣ. Мягкое, а словно пудъ!» Это у нихъ мѣшочки такіе длинненькіе, съ пескомъ, приспособлены. «Пой

деть, начнетъ молотить. На колѣнки передъ нимъ, а ему-то еще и способнѣе. Сидишь въ каморкѣ, темно, а какъ ключъ въ двери застукаетъ, — ровно мышь въ мышеловкѣ замечешься. Сейчасъ войдетъ!» — «Кто же билъ?» — «Самъ начальникъ. Его всѣ другіе такъ «начальникомъ» и звали!» Только этого и надо. Самъ Эффенбахъ попался!—«Такой,—мужикъ продолжаетъ,— мужчина огромаднѣйшаго роста, въ плечахъ косая сажень. Страшенный, чисто слонъ!» Перо изъ рукъ вывалилось. А Эффенбахъ-то, знаете, роста ниже средняго, худенькій! Вѣдь несомнѣнное «противорѣчіе въ показаніи». Неопровержимое доказательство: «вретъ!» Настаиваю: «Да ты вспомни! Можетъ, не такой онъ! Можетъ, маленькаго роста!» Мужикъ на своемъ: «Говорю—слонъ! По силѣ видать! Нешто махонькій такъ можетъ?» А между тѣмъ несомнѣнно, что Эффенбахъ, разъ его «начальникомъ» звали. Это у нашихъ «agents de sureté» такая иностранная привычка. Съ Парижа взяли! Модники!

— Чѣмъ же вы объясняете?

— Да чего же тутъ объяснять? Съ сидѣнья въ темнотѣ, въ этакомъ-то душевномъ состояніи, подъ такими-то ударами,—мало ли что человѣку покажется! Коропузъ съ богатыря! Они имъ какой-то сверхчеловѣческій ужасъ битьемъ въ такой обстановкѣ внушаютъ! У человѣка такъ всѣ представленія перепутаются, такъ начнетъ галлюцинаціи съ правдой мѣшать, — никакихъ основаній для дѣла!

— Ну, а зацѣпили бы Эффенбаха,—дѣло пошло бы?

Слѣдователь подумалъ:

— Н-не думаю! Сказали бы: человѣкъ нужный. Но хоть пугнуть бы бестію. Хоть для очистки совѣсти.

Это—Москва. А вотъ Петербургъ.

Лѣтъ пять тому назадъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось «пустячное дѣло»

Два брата-татарина, официанты на Николаевскомъ вокзалѣ, обвинялись въ кражѣ

Какой-то отъѣзжающій зашелъ въ буфетъ, спросилъ себѣ бутылку пива, расплатился, пошелъ садиться въ поѣздъ, на платформѣ хвать,—бумажника съ деньгами нѣтъ.

— Очевидно, расплачиваясь, выронилъ.

Онъ вернулся. Лакея, который подавалъ.

— Никакого бумажника на полу не видалъ. Мало ли тутъ народа ходитъ.

Господинъ—станціоннаго жандарма.

Обыскали лакея, — ничего. Обыскали его брата, — нашли «часть денегъ». Бумажникъ и остальныя, очевидно, куда-нибудь успѣлъ спрятать.

Клянется и божится:

— Деньги наши. Накопленныя.

Братьевъ передали въ сыскное отдѣленіе.

Черезъ нѣсколько времени они сознались.

— Господинъ обронилъ, Али замѣтилъ, поднялъ, передалъ брату, раздѣлили.

Только куда Али дѣлъ доставшіяся на его долю деньги и бумажникъ,—Али, «несмотря на всѣ увѣщанія», сказать отказался.

Насталъ день суда.

Братьевъ защищалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго «по передовѣрію отъ патрона».

— Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. Сознались!

Вопросъ предсѣдателя:

— Признаете ли себя виновнымъ?..

— Такъ тошно. Оба виноватъ!

Заключеніе прокурора:

— Въ виду полнаго сознанія подсудимыхъ не вижу надобности въ допросѣ свидѣтелей.

— Вы, г. защитникъ?..

Защитникъ, къ которому передъ дѣломъ подошелъ одинъ изъ свидѣтелей, взволнованный:

— Вы защищаете подсудимыхъ такихъ-то?

И о чемъ-то съ жаромъ ему говорилъ.

Защитникъ:

— Прошу допросить свидѣтелей!

Предсѣдатель посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ и отвращеніемъ:

— На юридическаго младенца.

Вѣдь посылаютъ же этакихъ юридическихъ молокососовъ!

Сознались,—и свидѣтели.

Только судей задерживать!

Пожалъ плечами:

— Судъ постановилъ допросить свидѣтелей.

Первый же—потерпѣвшій. Нарочно изъ имѣнія пріѣхалъ къ дѣлу.

— Господа судьи! Эти люди обвиняются безвинно! Мой грѣхъ невольный! Деньги-то нашлись. И бумажникъ — вотъ онъ. За подкладку провалился. Такъ и ходилъ. А стали перешивать пиджакъ, — за подкладкой-то...

Предсѣдатель къ подсудимымъ:

— Какъ же вы сознались, когда никакой и кражи-то не было?

Подсудимые переглядываются между собой. Словно совѣтуются:

— Говорить ли?

Что-то по-татарски между собой.

— Да вы не на неизвѣстномъ языкѣ между собой сговаривайтесь. Вы мнѣ отвѣчайте!

Старшій братъ крякнулъ, видимо, рѣшился:

— Ошень насъ, ваше превосходылъ, въ сыскной билъ. Такъ билъ, что убійствъ на себя приниматъ могилъ!

Занесли, по просьбѣ защитника, въ протоколъ.

Въ газетахъ было со всѣми подробностями.

Отказъ отъ обвиненія. Оправдательный приговоръ.

— Но выяснившееся на судѣ дѣло объ истязаніи?

Такъ и умерло.

Прокуроръ не возбудилъ.

Защитникъ потомъ на подсудимыхъ накинулся:

— Мнѣ-то зачѣмъ же вы говорили: «Виновны. Мы крали. Нашъ грѣхъ?»

— Боялся. А вдругъ ты это судьямъ скажешь! Намъ въ сыскной говорилъ. «Помни, что намъ, то и слѣдователю и всѣмъ говори! А то къ намъ же назадъ пришлютъ!» Дополнытелны дознани называется. Такъ бить будутъ!

Я разсказываю только первые мнѣ на память пришедшіе факты.

А сколько еще я ихъ знаю!

А сколько такихъ «анекдотовъ» разскажетъ вамъ любой адвокатъ, даже и не роясь особенно въ памяти!

А много ли по такимъ «открытіямъ на судѣ» возбуждено дѣлъ прокурорскимъ надзоромъ?

Обыкновенно принято

Подсудимый на судѣ отказывается отъ своихъ первоначальныхъ показаній:

— При дознаніи били!

Значитъ, вретъ:

— Всѣ они на это ссылаются

Но, во-первыхъ, зло должно существовать, чтобы на него ссылаться. И должно быть очень распространено, чтобы на него ссылались «всѣ», какъ на нѣчто самое обыкновенное.

А, во-вторыхъ, эти не отказывающіеся-то подсудимые?

Что же они, по злому умыслу, сами въ каторгу, въ арестантскія роты лѣзутъ, чтобы только полицію оклеветать?

А медицинскіе протоколы о побояхъ черезъ двѣ недѣли послѣ ареста для дознанія?

Сами себя люди избили, изувѣчили, чтобы людей, производящихъ дознаніе, опорочить?

Резина—судейское и прокурорское «пониманіе обязанностей».

И хорошо эту резину Н. В. Муравьевъ выварилъ.

Отлично тянется.

— Пытки не въ русскомъ характерѣ! — говорятъ, — мы не китайцы, не испанцы какіе-нибудь «сладкострастные»! Сдѣлавшіе изъ пытки утонченнѣйшее искусство!

— Ну, положимъ, и у насъ бывали артисты. Съ историческимъ именемъ! Малюта, напримѣръ...

— Куда Малютѣ какому-нибудь до испанцевъ! Какія у насъ пытки! Такъ битье, по дикости нравовъ. И память народная о пыткахъ ничего не сохранила. Одно выраженіе: «узнать подноготную». Иглы подъ ногти запускали, чтобы «дознаться». Дальше изобрѣтательность не шла!

— Но и это недурно.

— Далеко до испанскихъ арсеналовъ!

Но и у насъ «страсти» при дознаніи,—на которомъ потомъ строится слѣдствіе, судъ, вся судьба, вся жизнь человѣческая!—не всегда ограничиваются однимъ «простымъ» битьемъ.

Мнѣ разсказывалъ...

И я не имѣю основаній не вѣрить этому разсказу.

Ничего лестнаго для разсказчика онъ не заключалъ. Выдумывать было не къ чему. Такіе эпизоды въ жизни стараются забывать.

И если бы не угрызенія совѣсти, если бы не давило кошмаромъ это прошлое,— что заставило бы человѣка, обезпеченнаго, съ положеніемъ, живущаго уже за границей, разсказывать о себѣ такое?

Это было въ одномъ изъ южныхъ городовъ. Разсказчикъ—еврей, музыкантъ.

Его призвали свидѣтельствовать при дознаніи противъ родственника по женѣ. По дѣлу, по которому онъ ничего не зналъ.

По дѣлу, по которому родственникъ его не былъ ни духомъ ни тѣломъ не виноватъ.

Дѣло о поджогѣ.

Не было своевременно «дано».

Вызываютъ въ участокъ. Прихожу. Ведутъ въ кабинетъ къ приставу. Глазъ на глазъ. Вы знаете нашихъ южныхъ приставовъ? У нихъ самихъ — ничего. Но у женъ ихъ всегда отличныя имѣнія и съ каждымъ годомъ округляются. Господинъ выхоленный, франтъ, усы въ стрѣлку, отъ брильянтина шиломъ торчатъ.

Посмотрѣлъ приставъ:

Ты музыкантъ?

— Музыкантъ.

— Пилишь или насвистываешь?

«Вижу, ничего. Добрый. Думаю: шутить хочетъ».

— Флейта.

— Семейный?

— Жена, двое дѣтей.

— Мастерство какое-нибудь знаешь?

— Зачѣмъ же мнѣ мастерство, если я и на флейтѣ 75 руб. въ мѣсяцъ зарабатываю?

— Здорово! Какія деньги вамъ, свистунамъ, платятъ!

«А я флейтистъ хорошій. Если бы не семья, я, можетъ-быть, концертантомъ попробовалъ бы быть. Я и здѣсь 200 гульденовъ въ мѣсяцъ имѣю. Первая флейта!»

Говоритъ приставъ:

— Слушай же, флейта, и думай. Такой-то тебѣ родственникъ?

— По женѣ.

— Ты мнѣ покажешь, что по-родственному знаешь... То-то и то-то.

— Какъ же я покажу, если я объ этомъ въ первый разъ слышу?!

Посмотрѣлъ на меня приставъ:

— Подумай,— говоритъ,— рукъ объ тебя очень марать не стану. Бить тебя не буду. Только разъ! Даже не кулакомъ. Видишь,— рука складывается въ горсточку. Наотмашь по уху! Чокъ! Барабанной перепонки и нѣтъ. Понялъ?

Заметался я передъ нимъ.

— Ваше высокоблагородіе!

Въ ноги:

— Какой же я музыкантъ глухой? Вся семья по міру!

«А я-таки музыкантъ! У меня способности. У меня талантъ!»

Приставъ:

— Вотъ ты,—говоритъ,—пока я эту бумажку пишу, и подумай. Кто тебѣ, флейта, дороже: женина родня или своя семья.

Написалъ бумажку.

— Ну?—спрашиваетъ.

— Какъ же я буду невиновнаго человѣка въ каторгу законопачивать!

Придавилъ пуговку. Позвонилъ.

«На порогѣ вѣстовой появился. Мужчина,—въ карманъ меня спрячетъ».

— Подержи-ка, — говоритъ, — мнѣ эту музыку!

«Музыку» взяли за плечи.

Приставъ всталъ.

— Ваше высокоблагородіе! Стойте! Стойте! Согласенъ!

— То-то. Сидоренко, выйди. Черезъ пять минутъ ко мнѣ письмоводителя пришли. Пусть свидѣтельское показаніе запишетъ!

«И разсказалъ мнѣ все, что я «видѣлъ и знаю по этому дѣлу».

— И вы?

— Показалъ!

Онъ сказалъ это тихимъ, упавшимъ голосомъ и добавилъ со скривленной улыбкой:

— Какая же флейта безъ перепонки?.. Женѣ я, пришелъ, все разсказалъ. Плакала жена о родственникѣ. Но меня поняла.

— Ну, а на судѣ?

— Суда я, сами понимаете, не дождался. Какъ я сталъ бы родственнику въ глаза смотрѣть? Подъ присягой человѣка въ могилу закапывать? Или отказаться отъ показанія? Развѣ у нихъ мало предлоговъ. Вызовутъ въ участокъ, и съ глаза на глазъ... Разъ что тамъ перепонки рвуть, — продалъ все за безцѣнокъ, сюда бѣжалъ. Здѣсь, слава Богу, имѣю кусокъ хлѣба.

«Съ глаза на глазъ!»

У насъ просто.

Я самъ два раза былъ свидѣтелемъ пытокъ.

Одинъ разъ это было въ участкѣ, въ Николаевѣ, сейчасъ же послѣ еврейскаго погрома.

Приставъ любезно давалъ мнѣ «свѣдѣнія» и самъ же предложилъ присутствовать при допросѣ:

— Мы этихъ мерзавцевъ не покрываемъ!

На третій день, дѣйствительно, уже не покрывали.

Приставъ сидѣлъ за столомъ.

Передъ нимъ, въ числѣ письменныхъ принадлежностей, лежала нагайка.

Вводятъ «задержаннаго».

— Имя, званіе, фамилія. Билъ жидовъ?

Отвѣтъ у всѣхъ одинъ, слово въ слово:

— Помилте, ваше высокоблагородіе! Что я? Жидовъ, что ли, не видалъ, чтобъ ихъ дуть? Не махонькій.

— Какъ же попалъ?

— Иду я, стало-быть, улицей. Праздникъ, — гуляю. Гляжу, — озорничаютъ. Остановился поглядѣть. А въ этотъ самый моментъ изъ-за уголышка казаки. Да въ нагайки! Тутъ меня, съ прочими наравнѣ, въ участокъ и загнали.

— Повернись!

— Ась?

— Спиной стань.

Мужикъ съ недоумѣніемъ поворачивался спиной.

— На дверь смотри.

— Смотрю.

Приставъ вставалъ и нагайкой вдоль спины отпускалъ такой ударъ, что у мужика вырывался вопль не человѣческій. Человѣка всего корежило.

— Пшелъ. Говоришь правду. Слѣдующаго.

Опять тѣ же вопросы, слово въ слово тотъ же отвѣтъ.

То же:

— Стань спиной. Смотри на дверь.

Ударъ. Крикъ. Но ужъ не такимъ благимъ матомъ. И нѣтъ тѣхъ корчей.

Тогда:

— Скидывай рубашку!

Допрашиваемый снималъ рубашку, подъ ней оказывалась другая.

— Скидывай и эту!

Подъ ней третья. Подъ ней еще одна или двѣ шерстяныя вязаныя.

— Слоеный! Ты чего жъ такъ вырядился?

— Помилте, ваше высокоблагородіе! Сами изволите знать! Время праздничное! Народъ пьяный! Нешто возможно оставлять? Живемъ артелью. Всего лишишься. Спьяна жъ и украдутъ. Для цѣлости все, что было, на себя и одѣлъ!

Отвѣтъ тоже, слово въ слово, одинъ и тотъ же.

— Ладно. Разсказывай своей бабушкѣ. Задержать. Громила. Слѣдующій!

И приставъ пояснилъ мнѣ:

— Это у нихъ сноровка такая. Идетъ на погромъ,— побольше рубашекъ на себя надѣваетъ. Будутъ казаки плетьми бить,—чтобъ не такъ больно. Я, тутъ, на югѣ, служимши, всю ихнюю механику знаю. А плетка у меня для скорости. У меня ударъ, — гвозди пополамъ перешибаю. Завизжитъ человѣкъ, какъ боровъ зарѣзанный, — вѣрно! Нечего съ нимъ долго канителиться. Допрашивать, записывать Въ одной рубахѣ. Случаемъ попалъ. Отпустилъ, — и къ сторонѣ. Не даетъ настоящаго голоса, — этимъ стоитъ заняться. «Раздѣвайся». Узнаю безъ промаха. Система такая,—добываю голосъ.

Другой разъ я видѣлъ пытку на каторжномъ пароходѣ.

Помощникъ капитана,—и предобродушный человѣкъ въ обыкновенной жизни,—«разбиралъ дѣло».

Въ трюмѣ случилась кража.

Подозрѣвался арестантъ-татаринъ.

Татарина вывели на палубу. Разложили.

— Дать ему «линекъ».

Тутъ же стоялъ переводчикъ.

Послѣ удара;

— Что онъ говоритъ?

— Говоритъ, кто кралъ,—не знай!

— Дай еще!

Давали.

— Теперь что?

— Говоритъ, ей Богу, не она.

— Скажи, запорю,—не сознается. Дать еще!

На седьмомъ татаринъ сознался и указалъ, кому передалъ похищенное.

— Да вѣдь это пытка! — сказалъ я потомъ помощнику.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ удивленіемъ:

— Скажете!

Какъ посмотрѣлъ на меня и тотъ начальникъ тюрьмы, который мнѣ разсказывалъ:

— Я человѣкъ, прямо скажу, гуманный. Они и такъ всего лишены. Что мнѣ къ нимъ соваться, ихъ жизнь еще утягчать? Оставилъ ихъ себѣ. Живутъ вольно. Только чтобъ безобразій особенныхъ не было. На прошлой недѣлѣ случилась у меня кража. Не дѣло! «Я бы,— говорю,—по-настоящему могъ теперь повальный обыскъ въ тюрьмѣ сдѣлать. Тамъ у васъ и карты, и водка, и деньги,—чортъ васъ знаетъ!—вы, можетъ, фальшивыя дѣлаете. Вамъ было бы это непріятно. Такъ вы вотъ что. Вы мнѣ украденное найдите и воровъ разыщите. Сами!» На завтра, — и вещи и мерзавца — пожалуйте! Они вечеромъ, что бъ вы думаете, — сдѣлали? Взяли подозрѣваемыхъ и принялись качать. Раскачаютъ, подбросятъ вверхъ, — да сами и разступятся. Онъ объ земь — бухъ. Послѣ четвертаго раза, — во всемъ повинились, и все указали.

— И вы объ этомъ знали?

— Какъ же мнѣ не знать, что у меня въ тюрьмѣ дѣлается?

— Да вѣдь это же пытка!

Онъ посмотрѣлъ на меня тоже съ изумленіемъ:

— Тоже скажете! Какая же пытка?.. Такъ... «товарищеское воздѣйствіе».

Насъ всѣхъ испортили съ дѣтства «кабинеты восковыхъ фигуръ».

Съ ихъ:

— Испанской инквизиціей.

Ихъ «испанскими сапогами», «грушами», которыми раздирали ротъ.

— Вотъ это пытки!

А это? Это «такъ»... битье, «невоздержность на руку»...

— Да и вездѣ полиція дерется.

Это ужъ чуть ли не Господомъ Богомъ такъ устроено.

— Франція — просвѣщенная страна? Республика. А и тамъ, не въ концѣ XVIII вѣка, а въ 1906 году министръ-президентъ г. Клемансо долженъ былъ циркуляръ издать противъ практикующагося въ полиціи «passage à tabac». Превратить человѣка «въ табакъ». И это во Франціи!

Но, во-первыхъ, между кулачной расправой съ арестованными или истязаніями человѣка съ цѣлью добиться отъ него показаній, — разница.

А затѣмъ такъ разсуждать можемъ мы, обыватели.

Юристъ,—судья, прокуроръ,—долженъ знать, что:

— Всякое истязаніе съ цѣлью добиться показанія называется пыткой.

Что бы громко ни говорили гг. слѣдователи, гг. прокуроры, гг. судьи, — это будетъ изъ самолюбія, — въ душѣ они должны будутъ, на основаніи своей практики, сознаться:

1) Что уничтоженныя въ концѣ XVIII вѣка въ Россіи истязанія съ цѣлью вынудить показаніе,— т.-е. пытки, при дознаніи существуютъ и практикуются широко.

2) Что изъ 1,000 такихъ случаевъ, дѣлавшихся имъ извѣстными даже офиціально, 999 они обходили любезнымъ молчаніемъ.

Боюсь даже, что я беру еще слишкомъ низкій процентъ!

Единственное объясненіе, которое они могли бы дать:

— Дознаніе производитъ полиція. А полиція — это по Министерству Внутреннихъ дѣлъ. А итти противъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ—это считалось итти противъ правительства. Юстиція, при Н. В. Муравьевѣ, превратилась въ «услужающую» при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ!

Это объясненіе, но не оправданіе.

Старое, мудрое положеніе римскаго права гласитъ:

— Quis tacuit, quum loqui debuit et potuit, consentire videtur.

Кто молчалъ, когда могъ и долженъ былъ говорить, тотъ, очевидно, согласился.

А потому:

Гг. слѣдователи, прокуроры и судьи должны сознаться:

3) Что они пользовались результатами пытокъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

Т.-е. сознательно пользовались пытками.

Конечно, не сами ихъ производили. Никогда судьи сами этимъ грязнымъ дѣломъ не занимались. Всегда на это были заплечные мастера.

Но они:

— Знали, терпѣли, молчаніемъ поощряли и результатами пользовались.

Реформа нашего, вновь ставшаго «дореформеннымъ», суда должна начаться съ реформы дознанія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

В. М. Дорошевичъ.

Собраніе сочиненій.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Томъ I. Семья и школа.
Томъ II. Безвременье.
Томъ III. Крымскіе разсказы.
Томъ IV. Литераторы и общественные дѣятели.
Томъ V. По Европѣ.
Томъ VI. Юмористическіе разсказы.
Томъ VII. Разсказы.
Томъ VIII. Сцена.
Томъ IX. Судебные очерки.
Томъ X. По бѣлу-свѣту.
Томъ XI. Легенды.
Томъ XII. Фельетоны.

Цѣна за каждый томъ 1 р.